

JURIMUSI L'ANEMERE-
MAADE AJALOOST

VI

ССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ СТРАН БАЛТИКИ

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI
TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

832

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА
И АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА
В ПРИБАЛТИКЕ В XIV-XIX ВВ.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ
СТРАН БАЛТИКИ VI

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHK 832 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА
И АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА
В ПРИБАЛТИКЕ В XIV-XIX ВВ.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ
СТРАН БАЛТИКИ VI

ТАРТУ 1988

Редакционная коллегия: Х.Лиги, Х.Пийримяэ, Л.Мялл
Ответственный редактор: Л.Мялл

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 832.
БОЖАНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА И АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА В ПРИБАЛТИКЕ
В XIX - XIX ВВ.
Исследования по истории стран Балтики У1.
На русском языке.
Режим: на немецком языке.
Тартуский государственный университет.
ЭССР, 202400, г. Тарту, ул. Юликооли, 18.
Ответственный редактор Л. Мялл.
Корректоры Л. Оноприенко, М. Ребане.
Подписано к печати 20.09.1988.
№ 02858.
Формат 60x90/16.
Бумага писчая.
Машинопись. Роталит.
Учетно-издательских листов 6,91. Печатных листов 6,25.
Тираж 500.
Заказ № 794.
Цена 1 руб. 40 коп.
Типография ТГУ, ЭССР, 202400, г. Тарту, ул. Тяги, 78.

ЗАСЕЛЕНИЕ ЛАНДШАФТА ВООРЕМАА В ХIУ-ХУI ВВ.

Ю. Лийтоя

В письменных источниках ХIУ-ХУI вв. встречается мало данных о деревнях ландшафта Вооремаа, расположенного в северной части Тартумаа и охватывающего 5 приходов: Лайузе, Маарья-Магдалеэна, Паламузе, Торма и Экси. Упоминаются только те имена и деревни, которые служили объектами купли-продажи, являлись подаренными или заложенными. Поэтому сохранившиеся сведения носят весьма случайный характер.

При написании статьи были использованы публикации источников "Livländische Güterurkunden"/1/, "Est- und Livländische Briefflade"/2/, которые являются публикациями грамот, содержащих сведения о владении землей: ленные грамоты и документы о купле-продаже, обмене и закладывании земель. В отношении рассматриваемого района этими источниками пользовались при выяснении даты первого упоминания некоторых деревень и мыз/3/, когда исследовали названия мест северной части Тартумаа/4/.

В ХУ-ХУI вв. существовало уже большинство известных позже в Вооремаа мыз/5/. Часть из них указана в грамотах ХУ-ХУI вв. Так, мыза Кыду отмечена в 1520 году/6/, а Вяниквере - в 1416/7/ и в 1461 году/8/. Мыза Лемувере, упомянутая в 1467 г./9/, в ХУI1-ХУI11 вв. больше не встречается. В одноименной деревне в ХIХ в. был создан подмызок. Под названием Катку кроется, видимо, не мыза, а деревня Оокатку, как отмечено А.Вестрен-Доллем/10/. Указываются и места прежнего расположения мыз: в 1426 году Пупаствере была деревней, в которой ранее располагалась мыза/11/, а в 1420 году упомянутые Энгиенае и Вастенпене - бывшие местонахождения мыз /12/.

В некоторых случаях указана и величина мызы в гаках, но не всегда известно, какую земельную площадь та или иная мыза занимала. Величина мызы Кудина как в 1447, так и в 1540г. указана одинаковой 9 1/2 польских гака (польский гак - 40 гектаров пашни трех полей) /13/. Мыза Лемувере имела в 1476 г. 5 1/2 гака /14/, мыза Вяниквере в 1416 году - 20 /15/, Веду в 1489 г. - 11/16/ и Леэди в 1543 году - 6 гаков земли /17/.

В начале ХI11 в., вероятно, существовали уже почти все впоследствии известные деревни /18/. Это подтверждают и данные грамот. Упомянутые в них деревни существовали и в ХУI1-ХIХ вв. Деревни разных приходов указаны далеко не одинаково. Деревни прихода Торма упоминаются в грамотах почти полностью, а о других приходах мы имеем весьма отрывочные данные. Подавляющее боль-

шинство указанных в грамотах деревень продолжали свое существование и позднее, но многие исчезли. В приходе Лайузе, по документам ХУ11-Х1Х вв., больше не встречается, например, деревня Ару, хотя там имеется одноименный хутор. Деревня Кублисте не исчезла, впоследствии она существовала под названием Туймыйза /19/. Сяэскола в ХУ11-Х1Х вв. больше не упоминается в числе деревень, однако сохранилось одноименное название мельницы. В Торма в ХУ11 и в первой половине Х1Х в. не упоминаются деревни Вяэго и Соомла. Название деревни Соомла, по-видимому, связано с немецким названием мызы Вайату (Сомель). Деревня эта исчезла, вероятно, будучи уничтоженной со стороны мызы. То же самое, наверно, произошло и с Вяэго, т.к. в Х1Х в. вновь образовалась одноименная деревня на бывших землях мызы. Местонахождение ряда деревень не удалось установить, т.к. позже они не упоминаются. Вероятно, в некоторых случаях имелись в виду не деревни, а хутора. В приходе Маарья-Магдалеэна таким хутором являлся Камп, занимающий площадь в 2 гака (в 1550 г.) /20/, а в 1538 г. он опустел /21/. Опустевшими были и многие другие позже отмеченные деревни: Альмиярве, Энгиеэнае, Керис, Нейда, Паллу, Сату и Сулка. В документах они встречаются вместе с деревнями Экси. Так, в 1518 году Альмиярве отмечена вместе с Ъванурме и Райгаствере/22/, а Керис в 1449 году - вместе с Соосааре/23/.

Выяснилось, что несмотря на большой промежуток времени, площадь земель деревень в гаках в ХУ-ХУ1 вв. не изменилась. В источниках заселенные и пустующие земли обычно в грамотах отдельно не указываются. В 1514 г. в Кулмувере проживала семья, владевшая четырьмя гаками/24/, к 1540 г. здесь эти 4 гака упомянуты пустующими /25/. О имени Кудина известно, что в 1447 и 1540 г. там земли учитывались в немецких гаках (10 гектаров пашни трех полей) /26/. В 1447 и 1540 г. величина деревни Кудина исчислялась 18, Сувалепа - 25, Виртса-8 и мельница Рахивере - 2 крестьянскими (или немецкими) гаками/27/. Из данных 1540 г. узнаем еще о нескольких деревнях. Рахивере имела 10, Арукюла 6, Кассема - 20 крестьянских гаков, в Кулмувере насчитывалось 4 пустующих крестьянских гака. В 1472 г. в Арукюла было тоже 6 гаков /28/. В Кассема в 1420 г. имелось 18/29/, в 1479-19/30/, в 1488 - 20 гаков/31/. Деревни имени Кудина постоянно оценивались в немецких гаках, однако на примере деревни Кассема выяснилось, что в определенных пределах величина деревень, указанная в грамотах, колебалась в соответствии с действительным положением.

Поскольку величина деревень в грамотах приводится в гаках, то эти сведения можно сравнить с данными земельных ревизий конца ХУ1 и начала ХУ11 в. и постараться выяснить, какие гаки были использованы в предыдущий период (все гаки конца ХУ11 и начала ХУ11 в. переведены в немецкие гаки). Однако на основе проведенного сравнения еще нельзя заключить, что размеры деревень и мыз, исчисляемые в гаках, в течение веков оставались неизменными. В то же время можно подгадать, что

господствующая традиция тормозила рост гаков, поэтому на протяжении одного или двух веков их количество не могло возрасти в несколько раз/32/. В деревне Маардла в 1411 г. насчитывалось 18 гаков/33/. В 1582 г. находились в пользовании 3, пустующими были 2 крестьянских гака/34/. Видимо, данные 1411 г. представлены в немецких (крестьянских) гаках. В деревне Кайавере вместе с мельницей Пакавере в 1479 г. было 24 гака/35/. В 1582 г. в Кайавере имелось 2,5 заселенных и 17,5 пустых немецких гака, в Пакавере - 2 заселенных и 6 пустующих немецких гаков/36/. Вероятно, в 1479 г. измерение велось в крестьянских гаках. Величина деревни Лиластвере в 1431 г. равнялась 3,5 гака/37/, а в 1599 г. - 16 немецким гакам/38/. В первом случае, видимо, единицей служили польские гаки. В деревне Туулавере в 1412 г. было 9, в Мягизе - 2 гака/39/. Здесь имелись в виду крестьянские гаки, т. к. в 1599 г. в Туулавере было 9,5 в Мягизе - 3 немецких гака/40/. В 1431 г. величина деревень Кивиярве и Тейлма вместе с мызой составляла 36 гаков/41/. В 1467 г. деревня Кивиярве занимала 10, Тейлма - 2, Кауде - 5 гаков/42/. В 1474 г. в деревне Кауде насчитывалось 5, в Лемувере - 6, в Кивиярве и Тейлма вместе с мызой - 35 гаков/43/. В 1599 г. в Кивиярве было 11,5 в Кауде - 4 и в Тейлма - 6 крестьянских гаков/44/, а в 1601 г. во всех этих деревнях вместе насчитывалось 18,5 крестьянских гака/45/. В 1467 и 1474 г. для определения площади земли пользовались также немецкими гаками. В 1543 г. деревня Леэди вместе с землями мельницы занимала 12 гаков/46/. В 1601 г. в этой деревне пользовались 6,5 крестьянского гака/47/. Видимо, в 1543 г. учет велся в тех же гаках. В деревне Тооламаа в 1492 г. было 5 гаков/48/, в 1582 г. там зафиксировано 2 заселенных и 18 пустующих гаков/49/. Вероятно в 1492 г. пользовались польскими гаками.

В ряде случаев трудно установить, какими гаками велось исчисление. В деревне Каривере в 1489 г. насчитывалось 16 гаков/50/, а в 1582 г. - 2,5 заселенных гака, величина пустующих гаков представляется нереальной/51/. Величина деревни Пупаствере в 1426 г. оценивалась 18 гаками/52/. В 1582 г. отмечается 16 заселенных и 10 пустующих немецких гаков/53/. Аналогичная проблема возникает в случаях, если деревня не упоминается в земельных ревизиях конца XVI-начала XVII вв., т. к. материал для сравнения отсутствует. Сату и Палло имели в 1450 и 1459 г. 6 гаков/54/, в земельных ревизиях они не упоминаются.

Иногда величина деревень с мызой в гаках оценивалась суммарно. Деревня Игавере вместе с мызой и мельницей имела в 1465 г. 35 гаков/55/. Мыза Элиствере с деревнями (Райгаствере, Ыванурме, Люмати, Кокора, Кулмувере и Элиствере) занимала в 1443 г. 17 гаков/56/. В 1582 г. в деревне Райгаствере было 4 заселенных и 36 пустующих, в Ыванурме - 2 заселенных и 30 пустующих, в Элиствере - 1 заселенный и 3 пустующих немецких гаков/57/. Можно полагать, что в 1443 г. земля оценивалась польскими гаками. Мыза и деревня Кыду имели в 1500 г. 8

гаков/58/, а деревня в 1476 г. занимала 11,5 гака /59/. В деревне Кыду в 1582 г. насчитывалось 3 заселенных и 5 пустующих гаков/60/. В 1476 г., видимо, пользовались крестьянскими гаками. Величина мызы и деревни Торма составляла в 1493 г. 30 гаков/61/. В 1601 г. в деревнях Торма и Кийза было вместе 17,5 гака земли/62/.

На основании данных о деревнях, величина которых определена в гаках, выяснилось, что средняя величина деревни составляла 11,8 крестьянских гака. Больше всего насчитывалось деревень, занимающих по 6-10 гаков. Более половины деревень (61,9%) имело 10 или менее гаков. Наиболее крупной можно считать деревню Сювалепя, занимающую 25 гаков. Самые большие деревни располагались в южной части Вооремаа: Кудина (18 крестьянских гаков), Кассема (18-20 крестьянских гаков), Маардла (18 крестьянских гаков), Тооламаа (20 крестьянских гаков). Каавере вместе с мельницей Пакавере (24 крестьянских гака).

В отношении некоторых деревень известно и количество заселенных дворов. В 1467 г. в части деревни Кивиярве насчитывалось 3 двора, в деревне Тейлма - 1, Кауде - 3, Лемувере - 3 двора/63/. Дворы в деревне Кивиярве имели по 3,3 гака, в Тейлма - 2, Кауде - 1,7, Лемувере - 1,5. В 1468 г. половина деревни Кивиярве насчитывала 12 дворов/64/. За 1540 г. относительно Кудина известны как количество дворов, так и количество гаков/65/. В среднем дворы занимали по 1,8 гака (деревня Кудина - 1,8; деревня Сювалепя - 2,7; деревня Виртса - 1,1; деревня Рахивере - 1,4; Арукюла - 2,0; Кассема - 1,7; мельница Рахивере - 1). В подавляющем большинстве деревень дворы имели менее 2 гаков. Количество дворов в деревне колебалось в 1540 г. от 3 до 12. В среднем в каждой деревне насчитывалось по 7,1 двора.

Поскольку в грамотах часто дается описание границ рассматриваемой территории, то можно установить, произошли ли изменения в расположении деревень относительно друг друга и сохранились ли эти деревни впоследствии. Важно знать и дороги, ведущие из одной деревни в другую. Выяснилось, что в XVII-XIX вв. те же самые деревни были связаны между собой дорогами. В тех местах, где есть описание границ, крупных перемен позже не произошло. Мыза с деревнями Кивиярве, Кауде, Тейлма и Лемувере граничила с деревнями Палупере, Ряябизе и Оятага, Кивиярве и Палупере связывала зимняя дорога/66/. Деревня Оокатку граничила с Вайату, Коймула, Канткюла, Кодисмаа и Садала. Дорогами были связаны деревни Коймула и Кодисмаа, Оокатку и Коймула, Оокатку и Садала/67/. Вблизи Тирма, Кярде и Пяде располагались деревни Эндла, Рохе, Ниргу и Кюола. Рэаствере, Кублисте и Ледазе граничили с мызой Ледзи, деревнями Киривере и Тяхквере. Упоминаются дороги Рэаствере, Киривере и Нядувере - Вяэгу/68/.

В источниках XIV-XV вв. отмечено большинство крупных, впоследствии упоминаемых деревень ландшафта Вооремаа. При сравнении данных этих источников с материалами польских и шведских ревизий конца XVII и начала XVIII в. можно установить, что в XIV-XV вв. при определении величины деревень пользовались польскими и немецкими

(крестьянскими) гаками. Судя по числу гаков и крестьянских хозяйств, многие деревни можно считать крупными. Сложившаяся к XIY-XVI вв. сеть деревень в основных чертах не изменялась и в последующие века.

Таблица 1

Деревни Эсоремаа, упомянутые в грамотах
XIY-XVI веков

Деревня	Год первого упо- минания	Источник
1	2	3
Приход Лайузе		
Ару	1411	LGU I, 181
Канткюла	1419	LGU I, 209
Кауде	1467	LGU I, 437
Кивиярве	1406	LGU I, 165
Киривере	1408	LGU I, 171
Кодисма	1419	LGU I, 209
Кублисте	1408	LGU I, 171
Кюола	1411	LGU I, 181
Кярде	1411	LGU I, 181
Лемувере	1474	LGU I, 504
Леэди	1408	LGU I, 171
Мыра (мельница)	1470	LGU I, 460
Нядувере	1408	LGU I, 170
Оокатку	1419	LGU I, 209
Падувере	1534	LGU I, 601
Палупере	1406	LGU I, 165
Педази	1408	LGU I, 171
Пяде	1411	LGU I, 181
Рэаствере	1408	LGU I, 171
Рохе	1411	LGU I, 181
Садала	1419	LGU I, 209
Тейлма	1431	LGU I, 261
Тирма	1411	LGU I, 181
Тяхквере	1408	LGU I, 171
Приход Маарья-Магдалеэна		
Арукюла	1472	LGU I, 485
Виртса	1447	LGU I, 329
Кассема	1420	LGU I, 214
Кайавере	1473	LGU I, 488
Кудина	1447	LGU I, 329
Куллавере	1408	LGU I, 170
Кулмувере	1443	LGU I, 311
Маардла	1411	LGU I, 178
Рахивере	1540	LGU I, 827
Пакавере (мельница)	1420	LGU I, 214

1	2	3
Патасте	1531	LGU I, 520
Сельгузе	1417	LGU I, 197
Сювалепа	1447	LGU I, 329
Приход Паламузе		
Варбевере	1411	LGU I, 177
Имуквере	1408	LGU I, 170
Кассинурме	1473	LGU I, 488
Килбавере	1519	LGU II, 312
Мыйзумаа	1519	LGU II, 312
Мягизе (хутор)	1412	LGU I, 184
Раадивере	1519	LGU II, 312
Соомевере	1474	LGU I, 504
Сяэскюла (мельница)	1519	LGU II, 312
Туулавере	1412	LGU I, 184
Эхавере	1519	LGU II, 312
Ээриквере	1519	LGU II, 312
Ярвепера	1479	LGU I, 529
Приход Торма		
Ваиату	1402	LGU I, 155
Выйдивере	1480	LGU I, 545
Вяэгу	1493	LGU I, 616
Кийза	1475	LGU I, 505
Коймула	1406	LGU I, 166
Кынну	1493	LGU I, 616
Лийкатку (дорога)	1493	LGU I, 616
Онодовере	1402	LGU I, 156
Оятага	1406	LGU I, 165
Паластвере	1493	LGU I, 616
Рассику	1493	LGU I, 616
Соомла	1402	LGU I, 155
Сятсувере	1408	LGU I, 170
Тыйквере	1408	LGU I, 170
Торма	1493	LGU I, 616
Приход Экси		
Альмиярве	1518	LGU I, 283
Визузи	1449	LGU I, 337
Вяэниквере	1406	LGU I, 164
Игавере	1465	LGU I, 425
Каривере	1489	LGU I, 584
Керис	1449	LGU I, 337
Кукулинна	1299	LGU I, 45
Кыду	1476	LGU I, 515
Кяркси	1500	LGU I, 693
Муллавере	1473	LGU I, 488
Мыйзумаа	1479	LGU I, 534
Нейда	1492	LGU I, 607

продолжение таблицы 1

1	2	3
Паллу	1450	LGU I, 343
Пирузи	1461	LGU I, 401
Прааклимаа	1461	LGU I, 401
Пупаствере	1426	LGU I, 230
Райгаствере	1443	LGU I, 311
Саадъярве	1500	LGU I, 693
Сату	1450	LGU I, 343
Соосааре	1449	LGU I, 337
Сулка	1461	LGU I, 401
Сустланд	1518	LGU I, 283
Тооламаа	1492	LGU I, 607
Ыванурме	1443	LGU I, 311
Элиствере	1443	LGU I, 311
Энгиенае	1420	LGU I, 214

Таблица 2

Величина деревень в гаках по данным гра-
мот XV-XVI вв.

Деревня	Число гаков	Год	Источник
1	2	3	4
Приход Лайузе			
Кауде	5	1467, 1474	LGU I, 437, 504
Кивиярве	10	1467	LGU I, 437
Лемувере	6	1474	LGU I, 504
Леэди	12	1543	LGU II, 938
Мыра (мельница)	2	1470	LGU I, 460
Нядувере	8	1408	LGU I, 170
Тейлма	2	1467	LGU I, 437
Приход Маарья-Магдалеэна			
Арукюла	6	1472, 1540	LGU I, 485; LGUII, 827
Виртса	8	1447, 1540	LGU I, 329; LGUII, 827
Кайавере	24	1479	LGU I, 534
Пакавере (мельница)	4	1420	LGU I, 214
Кассема	18	1420	LGU I, 214, 534, 579;
	19	1479	LGU II, 827
	20	1488, 1540	
Кудина	18	1447, 1540	LGU I, 329; LGUII, 827
Куллавере	4	1408	LGU I, 170
Кулмувере	4	1514, 1540	LGU II, 172, 827
Маардла	18	1411	LGU I, 178
Рахивере	10	1540	LGU II, 827
Рахивере (мельница)	2	1447, 1540	LGU I, 327; LGUII, 827
Сельгузе	30	1417	LGU I, 197

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4
Сювалепя	25	1447,1540	LGU I,329, LGU II
Приход Паламузе			
Варбевере	22	1411	LGU I,177
Куллавере	4	1408	LGU I,170
Мягизе (хутор)	2	1412	LGU I,184
Туулавере	9	1412	LGU I,184
Ярвепера	10	1479	LGU I,529
Приход Торма			
Диластвере	3,5	1431,1467,1474	LGU I,261,437,50
Сятсувере	11,5	1408	LGU I,170
Приход Экси			
Визуэи	15 (часть)	1449	LGU I,337,534
	20	1479	
Вяэниквере	6	1461	LGU I,401
Каривере	16	1489	LGU I,584
Керис	3	1449	LGU I,337
Кыду	11,5	1476	LGU I,515
Мыйзамаа	14	1479	LGU I,534
Паллу	6	1450	LGU I,303
Сату			
Пируэи	6	1461	LGU I,401
Прааклимаа	2	1461	LGU I,401
Пуаствере	18	1426	LGU I,230
Соосааре	4	1449	LGU I,337
Сулка	2	1461	LGU I,401
Тооламаа	5	1492	LGU I,607
Энгиенае	16	1420	LGU I,214

Литература и приращения

1. Livländische Güterurkunden. Bd. 1 (aus den Jahren 1207-1500), hrsg. von H. v. Bruiningk und N. Busch. - Riga, 1908. = LGU I. Livländische Güterurkunden. Bd. 2 (aus den Jahren 1501 bis 1545), hrsg. von H. v. Bruiningk. - Riga, 1923. = LGU II.
2. Est-und Livländisch Brieflade. Eine Sammlung von Urkunden zur Adels-und Gütergeschichte Est-und Livlands, in Uebersetzung und auszügen, I Th. Dänische und Ordenszeit. Hrsg. von F.G. v Bunge und R. Toll, I Bd. Reval, 1856. = Bfl.
3. Varep, E. Vooremaa asulastik. - Jõgeva rajoonis. Eesti NSV 25. aastapäevale pühendatud kodu-uurijate seminar-kokkutulek 23.-27. juunini 1965. a. Ettekanne lühikokkuvõtteid. Tallin, 1965, lk. 52-60.

4. Pall, V. Põhja-Tartumaa kohanimed. I-II. Tallinn , 1969,1977.
5. Ligi, H. Eesti talurahva olukord ja klassivõitlus Liivi sõja algul (1558-1561). Tallinn, 1961, lk.347-348, 356-358, 364.
6. LGU II, 324
7. LGU I, 189
8. LGU I, 404
9. LGU I, 437
10. LGU I, 166
11. Westren-Doll, A. Bemerkungen zu den in den Livländischen Güterurkunden I erwähnten Ortsnamen des estnischen Sprachgebiets. Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1922. Dorpat, 1923, S. 63.
11. LGU I, 230.
12. LGU I, 214.
Ligi, H. Talupoegade koormised Eestis 13. sajandist 19. sajandi alguseni. Tallinn, 1968, lk. 22-23.
13. LGU I, 329, 827.
Tarvel, E. Adramaa . Eesti talurahva maakasutuse ja maksutuse alused 13.-19. sajandil. Tallinn, 1972, lk. 72.
14. Vahtre, S., Ligi, H., Eesti talurahva olukord ja klassivõitlus Liivi sõja algul (1558-1561). - Eesti NSV TA Toimetised. Ühiskonnateaduste seeria, 1962 , nr. I, lk. 100.
15. LGU I, 189.
16. LGU I, 584.
17. LGU I, 938.
18. Moora, H. Jõgeva rajooni varasemast asustusest.-Jõgeva rajoonis. Eesti NSV 25. aastapäevale pühendatud kodu-uurijate seminar-kokkutulek 23.-27. juuni, ni 1965.a. Ettekannete lühikokkuvõtted. Tallinn, 1965, lk. 12-13.
19. Pall, V. Põhja-Tartumaa kohanimed I, lk. 87-88.
20. Bfl., 1346.
21. LGU II, 723
22. LGU I, 311, 337
23. LGU II, 284
24. LGU II, 172.
25. LGU II, 827.
26. Tarvel, E. Adramaa, lk. 73.
27. LGU I, 329
LGU II, 827
28. LGU I, 485
29. LGU I, 214
30. LGU I, 534
31. LGU I, 579.
32. Tarvel, E. Adramaa, lk. 73.
33. LGU I, 178.
34. Polnische Akten I. Hrsg. O. Roslavlev. Hefte zur Landeskunde Estlands, Heft 2. München, 1970, S. 104.
35. LGU I, 534
36. Polnische Akten, S. 106

37. LGU I, 261.
 38. Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym. Tom XIII. Inflanty. Wydali J. Jakubowski i J. Kordzikowski. Warszawa, 1915, s. 136.
 39. LGU II, 184.
 40. Polska XVI wieku, s. 119.
 41. LGU I; 261.
 42. LGU I, 437.
 43. LGU I, 504.
 44. Polska XVI wieku, s. 110, 138.
 45. Die Revision Livlands 1601. Estnisches Siedlungsgebiet. Hrsg.: O. Roslavlev. Hefte zur Landeskunde Estlands. Heft 3. München, 1967.
 46. LGU II, 938.
 47. Die Revision Livlands 1601, S. 161.
 48. LGU I, 607.
 49. Polnische Akten, S. 109.
 50. LGU I, 584.
 51. Polnische Akten, S. 118.
 52. LGU I, 230.
 53. Polnische Akten, S. 110.
 54. LGU I, 343, 389.
 55. LGU I, 425.
 56. LGU I, 311.
 57. Polnische Akten, S. 108, 111.
 58. LGU I, 691.
 59. LGU I, 515.
 60. Polnische Akten, S. 102.
 61. LGU I, 616.
 62. Die Revision Livlands 1601, S. 161.
 63. LGU I, 437
 64. LGU I, 448.
 65. LGU II, 827.
 66. LGU I, 504.
 67. LGU I, 209.
 68. LGU I, 181, 616.

DIE BESIEDLUNG IM GEBIET VOOREMAA
 IM XIX - XXI JAHRHUNDERT

Ü. Liitoja

Zusammenfassung

Die gelegentlichen Berichte über die Dörfer stammen aus den XIV-XVI Jahrhunderten, meistens sind sie in den Dokumenten enthalten, die zum Kauf und Verkauf o. Verpfänden eines Grundbesitzes u. a. verfaßt worden sind. Der Autor des vorliegenden Artikels hat sich auf die Materialien der Quellenpublikationen von "Livlän-

dische Güterurkunden" 1-11 gestützt.

Schon im XIII Jahrhundert waren im Gebiet, die wir betrachten, fast alle jene Dörfer vorhanden, die auch zu späteren Zeit bekannt sind. Manche Dörfer (Sulka, Kaffe, Keris u. a.) die in den Urkunden des XIV-XVI Jahrhunderts erwähnt worden sind, treten später nicht mehr als Dörfer auf. In der Zeitspanne, die wir betrachten, blieb die Anzahl der Haken fast unverändert, da die Tradition sich auf die Entwicklung hemmend einwirkte. Daher können wir die früheren Daten mit der Anzahl der Haken vergleichen, die in den Revisionen vom Ende des XVI oder vom Anfang des XVII Jahrhunderts angegeben sind und feststellen, welche Haken früher benutzt worden sind. In den Dörfern, wo wir feststellen konnten, welche Haken im Gebrauch waren, gab es durchschnittlich II,8 gesindes oder deutche Haken(einschließlich sowohl unbenutzter als auch besiedelter Haken).

МИГРАЦИЯ КРЕСТЬЯН ВООРЕМАА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XУ11 В.

Ю. Лийтоя

Начало XУ11 в. было очень тяжелым периодом в истории Эстонии. Во второй половине XУ1 в. страна была разорена Ливонской войной, в начале XУ11 в. - польско-шведской войной, голодом и чумой.

Источниками изучения крестьянского населения Вооремаа, охватывающей приходы Лайузе, Паламузе, Маарья-Магдалеэна, Экси и Торма, северной части Тартумаа, в XУ11 в. служили материалы земельных ревизий 1601/1/, 1624/27/2/ и 1638 гг. / 3/. Данные ревизии 1601 г. очень скудные. В материалах ревизий 1624/27 и 1638 гг., когда речь идет о дворохозяине местного происхождения, рядом с его названием стоит пометка "эрббаузр" т. е. старожил. В иных случаях обычно указывалось, откуда хозяин или семья прибыли, часто отмечалось также, сколько лет назад. Теми же источниками пользовались исследователи, уделявшие большое внимание переселенцам из России/4/.

Достоверность сведений можно проверить сопоставлением материалов разных ревизий. В ряде случаев данные ревизии 1624/27 гг. подтверждаются и уточняются материалами ревизий 1638 г. Так, например, в деревне Ыванурме, согласно ревизии 1627 г., жил прибывший из Мыннисте Иггала Томас/5/, в протоколе ревизии 1638 г. имеется отметка о том, что он живет здесь с польского времени/6/. По поводу Ханса Раудсена в обоих случаях (в 1627 г. в деревне Мыйзакала, в 1638 г. в деревне Вара) отмечено, что он прибыл из Лайузе, где жил с польского времени/7/.

В некоторых случаях разница между сведениями двух ревизий возникла вследствие неодинакового обозначения места, откуда прибыл переселенец. В 1638 г. в деревне Вяэвере жил Терреса, прибывший 16 лет назад из Нарвы/8/. В протоколе ревизии 1627 г. он записан прибывшим из России/9/. В деревне Маардла в 1627 г. проживал Юрген Раттасен с братом Мартом, оба прибыли из Алутамузе/10/. В 1638 г. в этой деревне со времен польской власти числился дворохозяином прибывший из Нарвы или ее окрестностей Март/11/.

В ряде случаев данные двух ревизий разных источников противоречат друг другу. В 1627 г. в деревне Тоовере жил переселившийся с острова Сааремаа Каттопера Тено/12/. В 1638 г. тот же хозяин записан как родившийся в Эллетвере и проживающий здесь с польского времени/13/. В 1627 г. в деревне Пылтсамаа жил Меллике Ханно, перебравшийся из Рыngu/14/, а в 1638 г. он записан как прибывший из пригорода Риги/15/. В деревне Охавере по данным ревизии 1627 г. жил Тотси Толматс из имения Криммани прихода Вынну/16/. Согласно ревизии

1638 г. он прибыл из Веснери Тарту-Маарьяского прихода /17/. В деревне Патасте отмечен крестьянин Войтолик Микк, запись 1627 г. свидетельствует, что он переселился сюда из России/18/, а в 1638 г. его прежним местожительством указано Япина и отмечено, что живет он в Патасте с польского времени. Валге Пенни/19/, проживавший в деревне Оливере, записан в 1627 г. переселенцем из Лайузе /20/, а в 1638 г. - из России/21/. В деревне Алнавере как в 1627, так и в 1638 г. жил Керки Ханнос, однако в последней ревизии он отмечен как переселенец из России/22/.

В некоторых случаях в протоколах ревизии 1624/27 гг. невозможно найти имени крестьянина, который должен числиться по данным ревизии 1638 г. В деревне Кяркси, например, по данным 1638 г. с польского времени проживал прибывший из Вильяндимаа Мартсин/23/, но в данных ревизии 1624/27 гг. ни в этой деревне, ни в окрестностях крестьянина с таким именем нет. В 1638 г. в деревне Ыви проживал Эви Ханс, поселившийся здесь 25 лет назад из Хелме/24/. В ревизии 1624/27 гг. крестьянина с таким именем нет, но записан Викси Ханс, приехавший из соседнего прихода Кяркси, в 1638 г. он не упоминается/25/. Не исключено, что речь шла об одном и том же человеке.

В протоколах ревизии 1638 г. многие крестьяне, родившиеся в окрестных деревнях, записаны как старожилы. Но не все переселенцы из близлежащих округов отмечены как коренные крестьяне, важным было и время проживания в данной местности. Проживающий в деревне Соовере Пеэтер Кохо записан в 1627 г. прибывшим из Кудина/26/, а в 1638 г. - как старожил /27/. В деревне Вайдавере в 1627 г. был записан Халлатва Юрг из Лайузе/28/, в 1638 г. он значился уже как старожил/29/. В деревне Вяэгвере в 1638 г. был записан старожилом Кусемаха/30/, который в ревизии 1624/27 гг. числился прибывшим из Курамаа/31/.

В начале XVII в. Вооремаа, как и вся Эстония, подвергалась разорениям. В промежутке между 1601 и 1624/27 гг. положение еще более ухудшилось. С 1601 по 1624/27 г. количество дворов сократилось из-за опустошения на 64%. В северной части Вооремаа опустели главные районы заселения прихода Лайузе вокруг друмлинов Лайузе и Коймула.

Причиной опустошения дворов, кроме высокой смертности, были также побеги. В протоколах земельных ревизий 1624/27 гг. пустующими в Лайузе и Паламузе из-за бегства крестьян отмечены 2 двора, в Маарья-Магдалезна и Окси - 5 дворов. В период с 1624/27 по 1638 г. происходило интенсивное заселение пустующих дворов. Меньше чем за 15 лет деревни заселили вновь, количество дворов почти удвоилось. Особенно интенсивно шло заселение дворов в деревнях на пострадавшей сильнее всего территории Лайузе. В условиях военного времени ослабели крепостнические связи, и поскольку имелось множество пустующих дворов, то стало возможным переселение крестьян в другие края. Так как большая часть местного населения погибла или сбежала, то во многих дворах Вооремаа поселились переселенцы. В 1624/27 гг. только в 36,8%, а в 1638 г. в

42,8% дворов жили крестьяне местного происхождения.

В 1624/27 гг. дворохозяева делились по происхождению на следующие группы: 1) 36,8% были хозяевами местного происхождения, 2) 41,7% переселились сюда из других районов Эстонии, 3) место прежнего проживания 6,3% крестьян не установлено, по всей вероятности, они тоже переселились из одной части Эстонии в другую, 4) 16,2% прибыли в Вооремаа из-за пределов Эстонии. В 1638г. особенно изобиловало число таких переселенцев (16,4), о которых отсутствовали подробные сведения, так как в Лайузе и Торма место прежнего проживания переселенцев не отмечалось. Среди записанных в 1638 г. хозяев 14,2% переселились из-за пределов Эстонии, 26,6%прибыли из другихее районов и 42,8% были местного происхождения.

Большая часть переселенцев прибыла на Вооремаа из России. Следует подчеркнуть, что пометка "русский" рядом с именем в документах ревизии не свидетельствует об этнической принадлежности, а говорит только о том, что прибыли они из России. Критерием этнической принадлежности может служить имя крестьянина/32/. Оно же зачастую отражает и религиозную принадлежность. Среди прибывших из России было много водей, хотя с ХУ11 в. увеличился удельный вес русских/33/. Некоторые из прибывших оказывались ранее переселившимися в Россию эстонцами. В 1624/27 гг. среди прибывших из России были Виза Юрген, Николаузс Вилловаки, Андрес, Конрадт Тоэннис, Никанд Паттес, Войтотик Микк/34/. Так, из 29 упомянутых в этом году переселенцев из России 7 (24,1%) не были, по всей вероятности, русскими. В 1638 г. из 50 прибывших из России таких насчитывалось 12 (Эскульль Олоффссон, Кассема Мерт, Курико Андрес, Юрген, Алте Андресс, Кукке Хандт, Курка Ханнусс, Ханни Ялк, Адо, Мага Микк, Пете Кулл, Андресс)/35/. В 1624/27 гг. переселенцы из России проживали в 27 дворах и в 2 бобыльских хозяйствах. Большая часть из них жила в приходе Маарья-Магдалеэна (16 дворов), в Торма жил один бобыль-переселенец из России, в Лайузе таковых вообще не было. И в 1638 г. в северной части Вооремаа жили лишь отдельные переселенцы из России (в Лайузе в 2 бобыльских хозяйствах), в южной части их было значительно больше (в Маарья-Магдалеэна - в 25, в Паламузе - в 7, в Экси - в 13 дворах).

В Вооремаа к началу ХУ11 в. проживали также переселенцы из Финляндии, Польши, Литвы, с территории Латвии. В Северную Эстонию в рассматриваемый период переселилось много финнов, эмигрировавших с родины в поисках лучшей жизни и в надежде избежать воинской повинности /36/. В Вооремаа их насчитывалось относительно мало: в 1624/27 гг. в 3 дворах и 2 бобыльских хозяйствах, в 1638г. в 6 дворах и 1 бобыльском хозяйстве. В 1624/27 гг. в 3 дворах южной части Вооремаа отмечены поляки, в 2-мазуры, но в одном случае местом прежнего проживания хозяйина значилась Литва и Курамаа. В 1638 г. в 2 дворах и 2 бобыльских хозяйствах жили переселенцы с территории Латвии, в 2 дворах поляки, немцы держали две мельницы.

В числе прибывших из других районов Эстонии перевес был на стороне проживавших поблизости, в других прихо-

дах Тартумаа. В 1624/27 гг. в 30 случаях местом прежнего проживания были отмечены другие районы Тартумаа. В 1638 г. такой контингент имел по-прежнему численное преимущество, но в меньшей степени (по сравнению с 1624/27 гг. их удельный вес уменьшился с 46,6% до 37,8%). Переселенцы прибывали из приходов Сангасте, Пухья, Тарту-Маарья, Кодавере и из окрестностей Тарту. Как в 1624/27 гг., так и в 1638 г. появилось много переселенцев из соседних уездов - Вильяндимаа и Вирумаа. В 1624/27 гг. переселенцы с Вильяндимаа отмечены в 10 дворах, Вирумаа - в 9. В 1638 г. наоборот. Однако большая часть проживавших в 1624/27 гг. в Вооремаа переселенцев к 1638г. выбыла, т. к. из отмеченных в 1638 г. переселенцев многие прибыли на новое место недавно (62,9% - от 1 года до 5 лет назад). Из семей, о которых сохранились сведения, 12,9% жили на новом месте более 29 лет, 14,5% - 10-15 лет, 9,7% - от 6 до 10 лет.

В северной части Вооремаа, где переселенцев было вообще мало, большая часть происходила из Северной Эстонии, в основном из Вирумаа. В 1624 г. в приходе Лайузе отмечены 3 семьи с Сааремаа, в двух дворах проживали переселенцы из Хярьюмаа и Вирумаа. Из близлежащих районов упоминается только две семьи из города Тарту. Хотя большую часть переселенцев южных районов составляли выходцы мыз Тартумаа, и сюда переселились жители более отдаленных районов. В 1627 г. в Паламузе в четырех дворах проживали переселенцы с Сааремаа, в трех - из Вирумаа. В Маарья-Магдалеэна были переселенцы из Вирумаа, в Экси - с Пярнумаа, Хярьюмаа и Вирумаа.

В 1624/27 гг. в Вооремаа в сильнее пострадавших приходах встречалось мало переселенцев, а в местах большего их скопления количество дворов уменьшилось незначительно по сравнению с предыдущим периодом. Итак, к 1624/27 гг. большая часть пустующих дворов была вновь заселена. В приходе Торма, где все хозяева являлись старожилыми, в 1624 г. было заселено только 24,10% дворов, числившихся по данным 1601 г. В Лайузе в 1624 г. заселенными оказались 22,8% дворов, большинство ((64,3%) из них находилось во владении крестьян местного происхождения. Иное положение сложилось в принадлежащих ранее Тартускому епископу южных районах. Ревизия проводилась здесь на три года позднее, чем в северных приходах, т.е. в 1627 г. В приходе Маарья-Магдалеэна количество дворов уменьшилось всего на 9% по сравнению с 1601 г., но только в 33,4% дворов проживали крестьяне местного происхождения. В Экси, где только 28,8% дворов занимали старожилы, количество дворов по сравнению с 1601г. уменьшилось на 21,8%.

В 1638 г. в Вооремаа 42,8% дворов принадлежали коренным крестьянам, но как выяснилось ранее, в ходе этой ревизии к ним была отнесена и часть крестьян, родом из окрестных районов, но давно проживающих здесь. По-прежнему в северной части Вооремаа перевес старожилых сохранился (Торма - 76,5%, Лайузе - 62,2%), а в южной оставался незначительным (Маарья-Магдалеэна - 22,1%).

В период с 1624/27 по 1638 г. заметно возросло коли-

чество заселенных дворов в северной части Вооремаа, где в 1601-1624 гг. наблюдался особенно заметный упадок. В 1624-38 гг. количество дворов в Лайузе увеличилось в 4,3, в Торма - в 2,8 раза. В южных приходах дворы заселялись гораздо медленнее (прирост в Паламузе - 65,0%; Маарья-Магдалеэна - 44,1% и в Экси - 63,0%). В последнем приходе подавляющее большинство дворов было заселено уже в 1627г. и в основном за счет переселенцев. В северных приходах количество заселенных дворов в 1638 г. не достигало уровня 1601 г., хотя в 1624-1638 гг. шел интенсивный процесс их заселения.

Поскольку в Вооремаа жило много переселенцев, они имелись в большинстве деревень. В 1624/27 г. лишь в 18,3% деревень проживали только старожилы. В 1638 г. таких деревень стало больше (24,0%). Отмечались некоторые деревни, где дворы держали только из коренных жителей. Таковыми являлись деревни Куллавере и Сиргувере в приходе Паламузе, Алайуэ в Экси, Лулликатку, Алавере, Выдувере и Лейди в Лайузе и Вайату в Торма. В приходе Маарья-Магдалеэна такие деревни отсутствовали. Удельный вес деревень, где все хозяева являлись переселенцами, уменьшился в 1638 г. по сравнению с 1624/27 гг. с 45,1% до 37,2%. Значительная часть деревень, которые были вновь заселены в промежутке между 1624/27 и 1638 г., была населена также только переселенцами (Патьяла и Арукюла в Паламузе, Тыреда, Нядувере, Киривере, Оонурме в Лайузе, Выйдивере в Торма), но упоминаются и деревни, заселенные только местными жителями (Рохкузе в Паламузе, Мыйзаюла и Элиствере в Экси). Имелись и такие деревни, в которых во время обеих ревизий во всех дворах жили переселенцы. В приходах Торма и Лайузе такие деревни не встречались. Только переселенцы жили в приходе Паламузе в деревнях Кассинурме, Тоовере, Раадивере, Эриквере и Кильбавере, в приходе Экси в Пугала, Кастеюла, Табивере, Тооламаа, Кяркси, Игавере и Экси, в приходе Маарья-Магдалеэна в Виртса, Маардла, Алнавере, Киртси, Вассевере и Патасте. В подавляющем большинстве деревень жили старожилы и переселенцы. В этой части происходили крупные перемены. Имелись деревни, где в 1624/27 гг. проживали и местные крестьяне, и переселенцы, а в 1638 г. - только местные жители (Левала и Туулавере в приходе Паламузе, Пыгева в Лайузе). В некоторых деревнях в 1624/27 гг. значились хозяевами только переселенцы, а в 1638 г. встречались и крестьяне местного происхождения (Кыдюкюла, Роинвере и Мыйзаюла в приходе Паламузе, Каривере и Прааклимаа в Экси), в некоторых же в 1638 г. жили только крестьяне местного происхождения (Соомевере в Паламузе, Оокатку и Эриствере в Лайузе). Встречались деревни, где в 1624/27 гг. жили только крестьяне местного происхождения, а в 1638 г. зафиксированы и переселенцы (Иупаствере и Эрала в Экси, Онодовере, Торма и Тыйквере в Торма). Деревни со смешанным населением, состоящим из переселенцев и коренных жителей, составляли в 1624/27 гг. 36,6%, в 1638 г. - 38,8%. Соотношение крестьянских хозяйств старожилов и переселенцев в таких деревнях во время ревизий в 1624/27 гг. равнялось 1:1,19; в 1638 г.

оно изменилось в пользу местных жителей (1:0,94).

Деревни, где жили и переселенцы и крестьяне местного происхождения, были более крупными. В 1624/27 гг. в них насчитывалось в среднем по 4,2 двора, в 1638 г. - по 4,6. В деревнях, в которых вели хозяйство только местные крестьяне, как в 1624/27 гг., так и в 1638 г. было в среднем соответственно по 2,1 и 2,2 двора. В деревнях, где вели хозяйство переселенцы, количество дворов в 1624/27 гг. составляло в среднем 1,8, в 1638 г. - 2,7. Деревни, населенные только местными жителями, располагались на окраинах северной части рассматриваемой территории, где переселенцев было вообще мало. На юге Вооремаа переселенцы встречались даже в мелких окраинных деревнях.

Если в деревне несколько дворов занимали переселенцы, то все они происходили из разных мест. В Энкола в 1627 г. жили переселенцы из Вильяндимаа, Пярнумаа и Раквере/37/, в 1638 г. - из Вирумаа, Харьюмаа, Вильяндимаа и с о. Сааремаа/38/. В Патасте в 1638 г. в трех дворах жили переселенцы из Ряпина, в одном - из Хелме, в одном - из Алатскиви и в четырех - из России/39/.

Прибывшие из-за пределов Эстонии обычно жили в нескольких дворах одной деревни. В деревне Визузи в 1627 г. переселенцы из России жили в трех/40/, а в 1638 г. - в двух дворах/41/. В деревне Кудина, где насчитывалось всего 6 дворов, в четырех в 1638 г. жили прибывшие из России/42/.

Как упоминалось выше, переселенцы не всегда оставались на новом месте. Были некоторые деревни, где они после 1624/27 гг. обосновались надолго. Преимущественно это деревни южного прихода Экси. В промежутке между двумя ревизиями остались жить в Райгаствере, Игавере, Оокатку, Визузи, Табивере и Тооламаа все упомянутые в 1627 г. переселенцы, в некоторых случаях к ним прибавились и новые. Но встречаются данные о деревнях, где количество переселенцев в промежутке между 1624/27 гг. и 1638 г. не изменилось, но на месте прежних жили уже другие семьи. В Энкола как в 1627 г., так и в 1638 г. в четырех дворах жили переселенцы, но в ревизиях повторяется только одно имя - Андрес Мустрокк, который переселился из Вильяндимаа еще в польское время/43/. В 1627 г. кроме него там жили переселенцы из Раквере и Пярнумаа, а в 1638 г. - Харьюмаа, Вирумаа и с Сааремаа. из Раквере, расположенного в Вирумаа, в 1627 г. записан Микке Ханус, а в 1638 г. тоже из Вирумаа - Микка Палле, он мог быть братом или сыном первого. В Тоовере в 1627 г. жила одна семья переселенцев с Сааремаа и 2 - из России/44/, в 1638 г. в этой же деревне значилась одна семья из Элиствере и три из России/45/. В Кыдукюла в 1627 г. жила одна семья с Сааремаа/46/, а в 1638 г. - одна из Финляндии/47/. В 1627 г. в Раадивере проживала одна семья из Польши и одна из России/48/, в 1638 г. - три семьи из России/49/. В Дериквере в 1627 г. насчитывалось две семьи из Лайузе, одна из Польши и одна с Сааремаа/50/, в 1638 г. оста-

лась одна семья из Лайузе и появились новые хозяева-переселенцы: один из Финляндии и один из России/51/.

Первая половина XVII в. являлась для Эстонии трудным периодом из-за войны, голода и чумы. В приходах Вооремаа пустовали многие дворы и деревни. Новое заселение дворов состоялось раньше в южных приходах Вооремаа при участии переселенцев, основная масса которых происходила из других районов Эстонии, но прибывшие были и из более отдаленных краев. Восстановление заселения в северной части Вооремаа шло медленнее, в течение более длительного периода и в основном за счет крестьян местного происхождения.

Литература и примечания

1. Die Revision Livlands 1601. Estnisches Siedlungsgebiet. Hrsg.: O. Roslavlev. Hefte zur Landeskunde Estlands. Heft 3.-München, 1967.
2. Das Dorpater Land 1624/27. Hrsg.: O. Roslavlev. Hefte zur Landeskunde Estlands. Heft 1.-München, 1965.
3. Die Revision Livlands 1638. Estnisches Siedlungsgebiet II. Hrsg.: O. Roslavlev. Hefte zur Landeskunde Estlands. Heft 4.-München, 1967.
4. Eesti rahva ajalugu II. Toim. J. Libe, A. Oinas, H. Sepp, J. Vassar.-Tartu, 1933, lk. 927-948.
Köpp, J. Laiuse kihelkonna ajalugu. Tartu, 1937.
Moora, A. Peipsimaa etnilisest ajabost. Tallinn, 1964, lk. 7-101.
Murel, V. Vene asustusest Peipsi läänerrannikul - Geograafiaalaseid töid. TRÜ Toimetised, vihik 128.-Tartu, 1962, lk. 142-150.
5. Das Dorpater Land 1624/27, S. 29
6. Die Revision Livlands 1638, S. 205.
7. Das Dorpater Land 1624/27, S. 33.
Die Revision Livlands 1638, S. 197.
8. Die Revision Livlands 1638, S. 193.
9. Das Dorpater Land 1624/27, S. 18.
10. Там же, с. 20.
11. Die Revision Livlands 1638, S. 214.
12. Das Dorpater Land 1624/27, S. 22.
13. Die Revision Livlands 1638, S. 224.
14. Das Dorpater Land 1624/27, S. 18.
15. Die Revision Livlands 1638, S. 192.
16. Das Dorpater Land 1624/27, S. 23.
17. Die Revision Livlands 1638, S. 221.
18. Das Dorpater Land 1624/27, S. 29.
19. Die Revision Livlands 1638, S. 206.
20. Das Dorpater Land 1624/27, S. 26.
21. Die Revision Livlands 1638, S. 227.
22. Das Dorpater Land 1624/27, S. 26.
Die Revision Livlands 1638, S. 227.
23. Die Revision Livlands 1638, S. 215.
24. Там же, с. 186.
25. Das Dorpater Land 1624/27, S. 12
26. Das Dorpater Land 1624/27, S. 22.

27. Die Revision Livlands 1638, S. 225.
28. Das Dorpater Land 1624/27, S. 38.
29. Die Revision Livlands 1638, S. 22.
30. Die Revision Livlands 1638, S. 193.
31. Das Dorpater Land 1624/27, S. 18.
32. Moora, A. Peipsimaa etnilisest ajaloost, lk. 61.
33. Moora, H., Moora, A. Baltimaade ajaloolis-kultuuri-
liste allvaldkondade ja vähemate alljaotuste kujunemise-
st. - Etnograafiamuuseumi Aastaraamat XVII Tartu,
1960, lk. 39.
34. Das Dorpater Land 1624/27, S. 18, 20, 29.
35. Die Revision Livlands 1638, S. 192, 205, 206, 216,
222, 227.
36. Eesti rahva ajalugu, lk. 929.
37. Das Dorpater Land 1624/27, S. 22.
38. Die Revision Livlands 1638, S. 224.
39. Die Revision Livlands 1638, S. 206.
40. Das Dorpater Land 1624/27, S. 18.
41. Die Revision Livlands 1638, S. 212-213.
42. Die Revision Livlands 1638, S. 214.
43. Das Dorpater Land 1624/27, S. 22.
Die Revision Livlands 1638, D. 224.
44. Das Dorpater Land 1624/27, S. 22.
45. Die Revision Livlands 1638, S. 224.
46. Das Dorpater Land 1624/27, S. 22.
47. Die Revision Livlands 1638, S. 225.
48. Das Dorpater Land 1624/27, S. 23.
49. Die Revision Livlands 1638, S. 222.
50. Das Dorpater Land 1624/27, S. 23.
51. Die Revision Livlands 1638, S. 222.

DIE MIGRATION IM GEBIET VOOREMAA IN DER I. HALFTE DES XVII. JAHRHUNDERTS

U. Liitoja

Z u z a m m e n f a s s u n g

Der Artikel beruht sich auf den Revisionsdaten der Jahre 1601, 1624/27 und 1638.

Am Anfang des XVII. Jahrhunderts gab es im Gebiet Vooremaa viele leere Dörfer und Bauernhöfe, weil wegen des Krieges Hunger und Pest eine große Sterblichkeit der Bevölkerung verurlicht hatten, auch wuchs die Anzahl der Flüchtlinge. In den Jahren 1601-1624/27 verminderte sich die Anzahl der bewohnten Bauernhöfe um 61,0%. Die Bauernhöfe wurden damals meistens im nördlichen Teil von Vooremaa, im Gebiet Laiuse verlassen.

In den Jahren 1624/27 wurden nur 36,8% der Bauernhöfe von Bauern lokaler Abstammung bewohnt, im Jahre 1638

betrug das Prozent 42,3. Die übrigen Bauernhöfe wurden von Auswanderern aus anderen Teilen Estlands und auch von außerhalb Estlands bewohnt. Im südlichen Teil von Vooremaa, wo es viele Einwandererfamilien gab, wurden die meisten Bauernhöfe schon im Jahre 1627 wieder bewohnt. Im nördlichen Teil waren es hauptsächlich die einheimischen Bauern, die in die Bauernhöfe einzogen, die Anzahl der bewohnten Bauernhöfe steigerte sich langsamer.

М. Лаур

В прибалтийской политике русского царизма 60-х годов ХУ11 в. больше всего внимание историков привлекает аграрный вопрос. Несмотря на наличие многочисленных исследований по данному вопросу, многие проблемы и поныне остаются до конца не разрешенными, спорными. В то же время именно через призму аграрного вопроса считалось возможным раскрыть сущность всей политики Екатерины 11 в 60-е годы.

Если историки XIX в. аграрные преобразования Екатерины 11 объясняли ее либеральными взглядами, влиянием идей просветителей то в XX в. историки видят за попытками облегчить положение крестьян в первую очередь фискальные интересы государства. На это обратили внимание уже такие русские историки начала XX в., как А. В. Флоровский, В. Григорьев и Ф. В. Тарановский/1/. Фискальные интересы как основной мотив аграрной политики Екатерины 11 подчеркиваются и в трудах эстонских буржуазных историков Э. Блюмфельдта и Ю. Вазара/2/, в то время как историк прибалтийско-немецкого происхождения Г. Заке и латышский историк Н. Висксиньш подчеркивают в аграрной политике Екатерины 11 именно политические цели, борьбу с прибалтийско-немецким дворянством и его привилегиями/3/. Важное значение политической стороне проблемы придает и советский латышский историк Я. Зутис, рассматривающий фискальные интересы как все же ведущий мотив аграрной политики Екатерины 11/4/.

Советские авторы за последние десятилетия не посвящали аграрной политике Екатерины 11 в Прибалтике сколько-нибудь значительных исследований. В обзорных работах по истории Эстонской и Латвийской ССР аграрные преобразования или вообще не затрагивались или же политика правительства рассматривалась как отражение классовой борьбы крестьян/5/. В настоящее время данной проблеме большое внимание уделяют историки ФРГ. Наиболее глубоко данный вопрос исследован Л. Нойшеффером, который также связывает цели Екатерины 11 с фискальными интересами/6/.

Аграрную политику Екатерины 11 обычно начинают изучать со времени ее путешествия по Прибалтийским губерниям летом 1764 г./7/. Утверждается также, что тяжелое положение крестьян, на которое Екатерина 11 обратила внимание во время своего путешествия, заставило ее начать реформы/8/. С этим утверждением все же нельзя согласиться. Во-первых, было бы неверно рассматривать попытки облегчения положения крестьян изолированно от других событий, не связывая это с более обширными мерами русского правительства в области аграрной политики. Во-вторых, корни аграрных преобразований уходят в бо-

лее ранний период, будучи связанными в первую очередь с распространением идей Просвещения.

В отличие от просветителей конца ХУ111 в., которые аграрный вопрос рассматривали в основном с этической точки зрения, просветители 50-60-х гг. критиковали крепостничество из-за его нерентабельности, видя в нем серьезное препятствие роста производительности труда крестьян. Типичным представителем последних и одновременно одним из наиболее влиятельных его представителей был прибывший из Германии Иоганн Георг Эйзен фон Шварценберг (1717-1774), занявший место пастора в приходе Торма (Тартуский уезд). Программа Эйзена предусматривала раздачу земель крестьянам и предоставление им права частного землевладения, что, по мнению Эйзена, "было бы выгодно как государству, так и помещику и крестьянину"/9/. Радикальные для своего времени взгляды Эйзена дошли в 1760 г. до "молодого двора"/10/ в Ораненбауме, привлекли интерес наследника престола и, возможно, также великой княгини Екатерины. Во всяком случае, Петр 111, по воцелствии на престол, пригласил Эйзена в апреле 1762 г. в Петербург и сделал его своим советником по крестьянскому вопросу/11/.

Интересы Петра 111 к планам Эйзена связывали с надеждами на создание "настоящих прусских полков", которые можно было бы осуществить, если бы в жизнь были проведены составленные Эйзенем планы колонизации земель немецкими крестьянами-колонистами/12/. Не исключаются, наряду с этим, и интересы правительственных кругов к чисто аграрному содержанию планов Эйзена. В период короткого правления Петра 111 усилились позиции дворянской аристократии, представители которой, в отличие от среднего и мелкого дворянства, поддерживали умеренные аграрные преобразования/13/. Они исходили в первую очередь из положений камеральных наук, согласно которым в интересах увеличения доходов государство должно было постоянно заботиться о платежеспособности крестьян и избегать чрезмерного налогообложения, которое могло привести их к разорению. В духе учения физиократов источник богатства государства они видели в хорошо организованном сельском хозяйстве.

Сторонники этого пути возлагали большие надежды на правительницу Екатерины 11, которая, по утверждению Х. Йоншеффера, верила в начале 60-х годов в возможность аграрной реформы и меры которой в данном направлении были вполне серьезными/14/.

Советский историк М. Белявский неоднократно утверждал, что аграрной политике 60-х годов ХУ111 в. в России не присущи какие-либо черты, которые отражали бы интересы крестьян/15/. Хотя идеи аграрных преобразований и не получили широкого резонанса, все же интерес правительственных кругов к крестьянскому вопросу полностью отрицать нельзя. Президент Камер-коллегии Мельгунов подчеркивал зависимость государственных доходов от богатства крестьян/16/. Фаворит Екатерины 11 Григорий Орлов предоставляет свое поместье в Ропше в качестве испытательного полигона пастору Эйзену, который начинает там подготовку к переводу крестьян на денежный оброк/17/. Екатерина 11 поручает объединяющему крупных землевладельцев Вольному экономическому обществу разрешить проблему: в какой мере крестьянин должен обладать правом собственности/18/.

Такой же интерес к этому вопросу мы встречаем и в Лифляндии

дии. Вскоре после вступления в должность Рижский генерал-губернатор Г. Броун заявляет, что он будет принимать прошения и жалобы от крестьян, а 23 декабря 1762 г. он рассылает в земские суды (ландгерихты) циркуляр, в котором требует самого тщательного рассмотрения жалоб, поданных крестьянами, и запрещает оказывать любое давление на них/19/. В 1763 г. правительственная комиссия приступает к изучению проекта уточнения норм владельческих повинностей, представленного лифляндским камериером Линке/20/. В 1764г. один из лидеров лифляндского рыцарства барон К.Ф. Шульц фон Ашераден в двух своих мызах на берегу Даугавы - Айзраукле и Римана - ввел особые ваковые правила (т. н. "Ашераденское право"). По ним владельческие повинности каждого хутора были точно определены, при выполнении их крестьяне получали наследственное право на аренду хуторов. Крестьянам было разрешено свободно продавать излишки продукции своего хозяйства, что означало признание права собственности крестьян на движимое имущество. Помещик обязывался не продавать крестьян без их согласия. При несоблюдении помещиком этих правил крестьянин мог пожаловаться на него в суд/22/. Слухи о предоставленных крепостным крестьянам свободах распространялись не только в Лифляндии, но и южнее Даугавы, чему способствовал и сам Шульц, распространяя среди крестьян текст особых ваковых правил, напечатанный на латышском языке/22/.

"Ашераденское право" получило в исторической литературе противоречивую оценку. Не хотелось бы соглашаться с мнением, согласно которому это был лишь обманный маневр, призванный препятствовать проведению в жизнь более радикальных аграрных программ правительства/23/. Во-первых, " Ашераденское право" само по себе было достаточно радикальным для того времени и по своему охвату, как можно видеть при сравнении с требованиями, выдвинутыми на ландтаге 1765г., не уступало правительственной программе. Во-вторых, противопоставление шульца и правительственных кругов, интересующихся аграрными вопросам, - искусственно, ибо здесь мы имеем дело с одним и тем же кругом интересов. Я. Зутис также считает "Ашераденское право" самостоятельным документом, который представлял собой программу той незначительной части рыцарства, которая искала средства к предотвращению разорения крестьян/24/. Остается только добавить, что с введением особых ваковых правил ландтат удвоил доходы со своих имений/25/.

Таким образом, проблема необходимости улучшения положения крестьян в Лифляндии была поднята еще до путешествия Екатерины II.

Путешествие это в июне-июле 1764 г., проходившее через Нарву, Таллин, Ригу, Тарту, имело несомненно большое политическое значение, и ограничивать значение его только постановкой в связи с ним аграрного вопроса было бы недостаточно. Значительная часть путешествия посвящена была военным вопросам (инспектирование крепостей, смотр войск в Ласнамяэи посещение военно-морской базы в Пальдиски), вопросам организации торговли (основательное знакомство с работами по углублению Даугавы в Риге), внешнеполитическим проблемам (встреча с герцогом Курляндским в Елгаве) и т. д. Внешний блеск путешествия и распространявшиеся в связи с ним слухи должны были подчеркнуть прочность вхождения Прибалтийских губерний в состав России. В официальных сообщениях о путешествии нет ни малейших сведений о внимании

Екатерины 11 к аграрным проблемам/26/. Поэтому довольно трудно найти подтверждение мнению Н. Висксниньша, будто в ходе путешествия Екатерина 11 пыталась ознакомиться с жизнью крестьян /27/. Более правдоподобным кажется высказывание В. Бильбасова о том, что "при подобных поездках, конечно, смотрят только то, что показывается и не видят того, что скрывается"/28/. Подача каких бы то ни было прошений императрице по каким бы то ни было вопросам была **строжайше** запрещена, о чем специально напоминалось патентом генерал-губернатора непосредственно перед прибытием императрицы/29/. Какие-либо сведения, которые подтверждали бы непосредственное знакомство Екатерины 11 с жизнью эстонских и латышских крестьян, отсутствуют.

Несмотря на это, внимание, и даже значительное, к аграрным проблемам проявлялось. Как выясняется из письма генерал-губернатора Броуна Екатерине 11 от 27 апреля 1765 г., именно во время пребывания императрицы в Риге были обсуждены требования по крестьянскому вопросу, предъявленные Броуном через полгода на лифляндском ландтаге/30/. Х. Нойшеффер полагает, что состоялась беседа между Екатериной 11 и графом Карлом Магнусом Стенбок в мызе Колга в Харьском уезде, где путешественники останавливались на целый день. Стенбок в том же году гостил у родственников своей жены в Голыштейне, и Екатерина 11 могла получить от него сведения о только что проведенных там преобразованиях/31/. Значительно более вероятной можно считать встречу Екатерины 11 с пастором Эйзенем фон Шварценбергом в мызе Сааре, в Тартуском уезде, где императрица также задерживалась довольно долго. 30 октября 1763 г. Екатерина 11 беседовала с Эйзенем в Петербурге/32/ и возможно, что именно в поместье Сааре императрица дала задание пастору написать критический обзор аграрного положения в Лифляндии/33/.

Екатерина 11 могла и не видеть во время своего путешествия действительного положения эстонских и латышских крестьян, но она не могла не заметить обстоятельств, благоприятных для проведения здесь аграрных преобразований. Слишком односторонним было бы рассматривать лифляндский ландтаг 1765 г. только как верноподданническое осуществление правительственных решений генерал-губернатором. Больше внимание следовало бы уделить местной инициативе в аграрном вопросе, которая безусловно имела место. Это может послужить одним из ответов на вопрос, почему аграрные преобразования были начаты именно в Лифляндии, а не в других губерниях.

25 января 1765 г. в Риге начал работу очередной лифляндский ландтаг. Собравшиеся спешили к Рижскому замку приветствовать генерал-губернатора, который предлагал для обсуждения свои предложения, пропозиции. На этот раз их было 11/34/. Наряду с недовольством по поводу беспорядка, царившего в снабжении войск, по поводу неудовлетворительного почтового обслуживания, плохого состояния дорог, недовольства, которое повторялось от одного ландтага к другому; предложения Броуна, в частности третьи, содержали и требование предпринять со стороны лифляндского дворянства шаги к значительному улучшению положения крестьян.

Как сообщил генерал-губернатор ландтагу, "императрица в ходе своего путешествия сама заметила, какому тяжелому угнетению подвергаются крестьяне в Лифляндии" и теперь решила, "используя слова самой императрицы, положить предел тираничес-

кому угнетению неудержимой деспотии"/35/. Перечисляя целый ряд недостатков в области аграрных отношений, Броун суммирует их в трех пунктах: у крестьян нет права на движимую собственность, повинности их в пользу владельцев ничем не ограничены, право помещиков на применение домашнего наказания ничем не ограничено/36/.

Предполагается, что референтом Броуна был рижский камерир Андреас Гоффман, который считался лучшим знатоком аграрного законодательства Швеции/37/. Если принять во внимание деятельность Гоффмана по проведению ревизии на о. Сааремаа, можно считать, что роль его в аграрных новшествах в Лифляндии могла быть значительной. Лифляндское дворянство также видело за требованиями Броуна в первую очередь влияние Гоффмана/38/.

Так как заседания ландтага не протоколировались в современном понимании этого слова, сведений об обсуждении пропозиций сохранилось немного. Рыцарство отвергает все требования Броуна, посчитав их за нарушение и утвержденных привилегий рыцарства, и принципов действующего права. Крепостное право в Лифляндии, возражают ему, есть не порождение варварства, оно вызвано к жизни национальными чертами эстонцев и латышей. Случаи применения крайних мер наказания крестьян, которые Броун выносит на ландтаг, не связаны с родовым дворянством. Кроме того, рыцарство как сословие, не должно нести ответственности за злоупотребления отдельных помещиков. Лифляндское дворянство отвергает и обвинение в чрезмерном увеличении крестьянских повинностей и находит, что гораздо больший вред наносят крестьянам повинности, которыми их облагает государство в связи с содержанием войск. Единственным, кто поддержал реформы, оказался ландрат Шульц, который, несмотря на свой авторитет, не смог повлиять на рыцарство/39/.

Ответ, представленный ландтагом генерал-губернатору 26 февраля, не удовлетворил Броуна. Он угрожает доложить об упрямстве лифляндского дворянства императрице и все же навязать последнее аграрные преобразования уже властью правительства. В таком положении рыцарство принимает предложение Броуна, которые утверждаются генерал-губернатором и публикуются 12 апреля 1765 г. в виде патента/40/.

Крестьянство получает теперь юридическое право на свое движимое имущество, исключая основной инвентарь двора, в исполнении которого крестьянин остается зависимым от помещика.

Повинности в пользу помещика пришлось ограничить, учитывая экономические возможности крестьян. Помещик не имел права требовать выполнения повинностей в большем размере, чем было занесено в вакенбухи. Каждое частное имение должно было представить в канцелярию рыцарства список взимаемых повинностей.

Согласно патенту генерал-губернатора высшей нормой домашнего наказания было определено 10 пар розг, причем каждой парой розг наносилось по три удара. Рыцарство приняло на себя обязательство не продавать крестьян за пределы губернии. Под угрозой штрафа запрещены были разлучение семей при продаже, а также продажа с торгов.

Единственным обеспечением аграрных нововведений стало представленное крестьянам право жаловаться на помещика при нарушении последним этих законов орднунгсрихтеру. 15 апреля 1765 г. Броун разослал орднунгсрихтерам соответствующее рас-

поряжение/41/. Суд должен был принять жалобу крестьянина, за- протоколировать обстоятельства и потребовать от помещика объяс- нений по данному вопросу. В сложных случаях орднунгсрихтеры должны были обращаться к резидирующему ландрату. В то же вре- мя надлежало следить, чтобы крестьяне не подавали коллективных жалоб, но каждый из них действовал бы единолично, и чтобы они не пользовались помощью ходатаев и адвокатов. Распоряжение пре- дусматривало наказание возмутителей - крестьян, о чем следова- -- ло сообщать в губернское правление. Крестьян наказывали и за "необоснованные" жалобы.

По инициативе самого рыцарства ландтаг принимает разрабо- танный ландратом Й. А. Унгерн-Штернбергом и генерал-суперин- тендантом Циммерманном общий проект устроения школ, который был опубликован как патент Броуна 18 апреля 1765 г./42/.

В письме Екатерине 11 от 27 апреля 1765 г. генерал-губернатор сообщает, что данные ею поручения об улучшении положения выполнены/43/. Как отмечает Броун, проведение аграрных пре- образований требует очень осторожного подхода, чтобы несмотря на самые благие пожелания не навести крестьян на ложный путь. По словам самого генерал-губернатора, "крестьяне Лифляндии по неразумению своему считают, что вся земля принадлежит им, а теперь она полностью узурпирована. Это породило в них наслед- ственный гнев, который они передают от отцов к сыновьям". На сопротивление рыцарства Броун не обращает внимания, отмечая лишь, что "ничто новое не рождается безболезненно", и подчерки- вая добрую волю ландрата К. Ф. Шульца в данном вопросе. Пояс- ния заостренную формулировку своих пропозиций, Броун обосно- вывает ее "не столько желанием критиковать состояние провинции, сколько потребностью объяснить необходимость своих требований". "Поскольку подобные законы еще совершенно не опробованы", по истечении некоторого времени обязательно нужно сделать опреде- ленные коррективы, для чего Броун полагает необходимым вновь поставить вопрос на повестку дня не позднее, чем на сле- дующем ландтаге.

Ландтаг 1765 г. обычно расценивают как безрезультатный /44/. Ландтаг принял решение о проведении аграрных преобразований, генерал-губернатор Броун своим патентом придал им силу зако- на. Дальнейшее зависело уже от доброй воли помещиков, ибо конт- роль за выполнением законов практически отсутствовал.

Права крестьян подавать орднунгсрихтерам жалобы на помещи- ков в случае самоуправства последних зачастую оказалось недо- статочно. Довольно скоро до генерал-губернатора Броуна стали до- ходить жалобы на самоуправство самих орднунгсрихтеров по отно- шению к жалующимся крестьянам/45/. 18 августа 1769 г. Броун сообщал о докладах, поступающих от крейсскомиссаров о казенных арендаторах и управляющих имениями, которые "позволяют себе безнравственно наказывать" жалующихся на них крестьян, и не обращают внимания на "умиротворяющие призывы" крейсскомисса- ров/46/. Сомнительно, что призывы Броуна в отношении казенных арендаторов принесли результаты.

Сравнивая положение крестьян Прибалтики с положением крестьян центральных губерний России, нельзя все же недооценивать те преимущества, которые были предоставлены эстонским и лат- тшским крестьянам правом подавать жалобы на самоуправство помещиков. Несмотря на его ограниченность и малую результа- тивность, оно дало, по крайней мере, видимость контроля за зло-

употреблениями помещиков, который отсутствовал в других губерниях/47/. Предоставление права на движимое имущество благоприятно воздействовало на пробуждение экономических интересов крестьян. Несмотря на свою несовершенство, аграрные преобразования 1765 г. были все же первым шагом в затянувшемся почти на столетие процессе освобождения эстонских и латышских крестьян. По словам Я. Зутиса, "после продолжительного пребывания во мраке крепостничества для народа появился луч надежды ... Сквозь трещину, образовавшуюся в 1765 г., проникал еле заметный просвет, но он указывал направление к свету"/48/.

Литература и примечания

1. Флоровский А. В. Состав законодательной комиссии 1767-74 г.- Одесса, 1915. -С. У1; Григорьев В. Реформа местного управления при Екатерине II. - Спб, 1910. -С. 192; Тарановский Ф. В. Политическая мысль в заказе императрицы Екатерины II // Сб. статей по истории права, посвященный М.Ф. Владимирову-Буданову.- Киев, 1904. - С.62.
2. E.Blumfeldt. Saaremaa revisjoni-ja reguleerimistööd 1765 - 1828. - Üpetatud Eesti Seltsi Toimetused,XXX. Liber Saecularis-Tartu, 1938, lk. 88; Eesti majandusajalugu, I. Toim. H. Sepp, O.Liiv, J.Vasar.-Tartu, 1937.
3. G.Sacke. Livländische Politik Katharinas II. - Quellen und Forschungen zur Baltischen Geschichte, Hft. 5. Riga-Posen, 1944, S. 28; N. Wihksninsch. Die Aufklärung und die Agrarfrage in Livland.-Riga, 1933, S. 201.
4. Зутис Я. Остзейский вопрос в XVII веке. - Рига, 1946, - С. 300-301.
5. История Латвийской ССР: Сокращенный курс. - Рига, 1972. - С. 108.
6. H. Neuschäffer. Katharina II und die baltischen Provinzen.-Hannover-Döhren, 1975.
7. G. Sacke. Livländische Politik..., S. 31; R. Wittram. Baltische Geschichte. Die Ostseelände Livland, Estland, Kurland 1180 - 1918.-Darmstadt, 1973, S. 130.
8. E. Blumfeldt. Saaremaa revisjoni-ja reguleerimistööd..., lk. 88.
9. N. Wihksninsch. Die Aufklärung und die Agrarfrage... S. 205.
H. Neuschäffer. Der livländische Pastor und Kameralist Johann Georg Eisen von Schwarzenberg // Russland und Deutschland.-Stuttgart, 1974, S. 123.
10. Там же.
11. Зутис Я. Остзейский вопрос ...., с. 335.
12. H. Neuschäffer. Der livländische Pastor und Kameralist.... S. 124-125.
13. E. Donnert. Politische Ideologie der Russischen Gesellschaft zu Beginn der Regirungszeit Katharinas II.-Berlin, 1976, S.88-91; G.Sacke. Die Gesetzgebende Ko-

- mission... — Breslau, 1940, S. 36; Рознер И. Г. Придворные круги накануне и во время крестьянской войны 1773-1775 годов // Вопросы истории. — 1974. — № 4. — С. 105 — 112.
14. Н. Neuschäffer. Katharina II ... S. 446.
15. М. Т. Beljavskej. Die Sozialgesetzgebung des "aufgeklärten" Absolutismus Russland am Vorabend der "Instruktion" Katharinas II. — Gesellschaft und Kultur Russlands in der 2. Hälfte des 18. Jahrhundert. Teil 1. — Halle-Wittenberg, 1982, S. 22-49.
Белявский Н. Т. Накануне "Наказа" Екатерины II: К вопросу о социальной направленности политики "просвещенного абсолютизма" // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. — Куйбышев, 1985. — С. 45-46.
16. Зутис Я. Остзейский вопрос..., с. 297.
17. Там же, с. 336.
18. А. в. Die Agrargesetzgebung Livland in 19 Jahrhundert, I Bd. — Berlin, 1899, S. 107.
19. G. Sacke. Livländische Politik ..., S. 31.
20. История Эстонской ССР, т. 1 / Под ред. А. Вассара, Г. Наана. — Таллин, 1961. — С. 548.
21. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края / Изд. Е. В. Чехихин. — Рига, 1879. — Т. 2. — С. 562.
22. J. Eckardt. Livland im achtzehnten Jahrhundert. — Leipzig, 1876, S. 310.
23. История Эстонской ССР..., с. 548-549.
24. Зутис Я. Остзейский вопрос..., с. 340.
25. N. Wihksninsch. Die Aufklärung und Agrarfrage..., S. 232.
26. G. J. Bertram. Reise der Kaiserin Catharina II nach Est- und Livland von 20 Juni bis zum 25 Juli 1764. — В кн. ... Wägen Baltische Studien und Erinnerungen. Dorpat, 1868, S. 142-156.
27. N. Wihksninsch. Die Aufklärung und Agrarfrage ..., S. 205.
28. Бильбасов В. А. История Екатерины Второй. — Лондон, 1895. — Т. 11. — С. 291.
29. Livländische Gouvernements - Regierung - Patenten (= Livländische Patente), № 1579.
30. ЦГАДА, ф. 16, д. 862, ч. 11, л. 166.
31. Н. Neuschäffer. Katharina II ..., S. 381.
32. Н. Neuschäffer. Der livländische Pastor und Kameralist... S. 125.
33. Katharina II ..., S. 383
34. J. Eckardt Livland im achtzehnten Jahrhundert, S. 313-316.
35. ЦГАИ Латвийской ССР, ф. 214, оп. 2, д. 253, л. 147.
36. Там же, л. 148.
37. G. Sacke Livländische Politik ..., S. 32.
38. J. Eckardt. Livland im achtzehnten Jahrhundert. S. 322.
39. Там же, с. 324.
40. Livländische Patent, № 1620, 1630.

41. ЦГИА Латвийской ССР, ф. 2715, оп. 1, д. 30, л. 1-4 об.
42. Livländische Patente, № 1618.
43. ЦГАДА, ф. 16, д. 862, ч. 11, л. 167-168 об.
44. История Эстонской ССР, т. 1, с. 550.
45. Зутис Я. Остзейский вопрос..., с. 352.
46. Livländische Patente, № 1802.
47. ПСЗ, № 12966 - Указом от 22 августа 1767 г. крестьянам были запрещены какие бы то ни было жалобы на помещиков. Нарушителям этого запрета грозила пожизненная каторга.
48. Зутис Я. Остзейский вопрос ..., с. 353.

DIE LAGE DER BAUERN IN LIVLAND UND DER LIVLÄNDISCHE LANDTAG IM JAHRE 1765

M. Laur

Z u s a m m e n f a s s u n g

Die Versuche des Livländischen Landtages im Jahre 1765 die Lage der Bauern zu verbessern, waren ein Teil der Agrarpolitik des "aufgeklärten Absolutismus" von Russland. Die frühere historische Literatur hat obengenannte Umgestaltungen vor allem mit der Reise der Kaiserin Katharina II in die Ostseeprovinzen im Jahre 1764 verbunden. In der Tat aber machten sich die neueren Richtungen in der zaristischen Agrarpolitik schon während der Regierungszeit Peter III. bemerkbar und davon wurden nicht nur die baltischen Gouvernements berührt.

Eine bemerkenswerte Rolle in den agrarischen Umgestaltungen der baltischen Gouvernements spielte die örtliche Initiative, die nicht nur von ethischen, sondern auch von praktisch-wirtschaftlichen Erwägungen ausging. Hervorragende Initiatoren der agrarischen Umgestaltungen waren der livländische Landrat Baron C. F. Schoultz v. Ascheraden, der Pastor von Torma J. G. Eisen von Schwarzenberg, der Rigøer Kammerier A. Hoffmann u. a. Die Entwürfe der obengenannten agrarischen Umgestaltungen waren tiefgreifender als die Regierungskreise. Die Umgestaltungen wurden auch vom Generalgouverneur von Riga G. Browne unterstützt. Der eigentliche Anteil von G. Browne an der Agrarpolitik der Regierung muß noch näher erforscht werden. Es ist interessant, daß der Generalgouverneur die Notwendigkeit der Verbesserung der Lage der Bauern gerade vom ethischen Standpunkt aus ansah. Was die auf dem livländischen Landtag 1765 verabschiedeten "positiven Gesetze" angeht, so stimmen die Meinungen Urteile des Autors hier mit den Meinungen des lettischen sowjetischen Historikers J. Zutis überein, der in den Umgestaltungen den Anfang des mehr als Jahrhunderte dauernden Emanzipationsprozesses der estnischen und lettischen Bauern sah.

ВОПРОС О МАНЛЕНАХ В ЛИФЛЯНДИИ И ЭСТЛЯНДИИ В 60-Х ГОДАХ ХУ111 В.

М. Лаур

Одним из проявлений разыгранной русским самодержавием в 60-е годы ХУ111 столетия политики "просвещенного абсолютизма" был пересмотр владельческих прав дворянства Прибалтийских губерний. Посягательство на права земельной собственности как одно из основных прав прибалтийско-немецкого дворянства со стороны правительства Российской империи серьезно затрагивало интересы последнего и значительно обострило отношения между правительством России и прибалтийско-немецким дворянством. В исторической литературе эта проблема в известной мере затрагивается в работах Х. фон Веделя и Я. Зутиса /1/. Данное исследование основано главным образом на материалах ЦГИА ЭССР.

Существующее в прибалтийских губерниях России право земельной собственности отличалось от господствовавшего во внутренних губерниях России, где по указу императрицы Анны Иоановны в 1731 г. было окончательно ликвидировано разделение земельных владений на поместья и вотчины. И хотя во второй половине ХУ111 в. еще различались родовые и благоприобретенные имения, различия в их юридическом положении были весьма незначительны. Сделки, связанные с благоприобретенными имениями были даже выгоднее, так как условия отчуждения родовых имений являлись несколько ограниченными. Исключая право на использование лесов и полезных ископаемых, до 1782 г. бывших в монополии государства, русское дворянство пользовалось неограниченным правом земельной собственности/2/.

В Прибалтийских же губерниях частная земельная собственность сохраняла форму аллода или лена. Ленная система землевладения проделала в Прибалтийских губерниях длительный путь исторического развития. Уже в средние века права ленников были значительно расширены. Пожалованием гроссмейстера Конрада фон Юнгингена вассалы Ордена в Харьу-Виру в 1397 г. получили право наследования и по женской линии вплоть до пятого колена. Такие же права в середине ХУ в. получили и ленники епископов. Наибольших привилегий лифляндское дворянство добилось в 1561 г., когда польский король Сигизмунд Август распространил права аллодиальной собственности на все лены. Непрекращающееся раздаривание государственных земель в широких масштабах заставило шведское правительство во второй половине ХУ1 в. ограничить права прибалтийско-немецкого дворянства, исходя из решений шведского риксдага, состоявшегося в 1604 г. в Порчепинге, которое требовало строгого соблюдения ленных прав. В соответствии с этим ре-

шением, владелец такого поместья не имел права без разрешения сюзерена отчуждать его (продавать, дарить, закладывать, обменивать) и должен был добиваться обновления ленных прав по восшествии на престол каждого нового правителя. Согласно этому решению, право наследования сохранялось только по мужской линии/3/. На часть имений, пожалованных на права аллодов, в период господства Швеции в Прибалтийских губерниях были вновь распространены ленные права. Самым тяжелым ударом по владельческим правам прибалтийско-немецкого дворянства явилась проводимая с 1680-х гг. шведским правительством редуция имений.

Одним из первых шагов русского царизма в Прибалтийских губерниях стало возвращение редуцированных имений их прежним владельцам. Все прежние владельческие права прибалтийско-немецкого дворянства были восстановлены. Вместе с другими привилегиями прибалтийско-немецкого дворянства Екатерина 1 подтвердила и привилегии, пожалованные лифляндскому дворянству Сигизмундом Августом /4/. Такие же привилегии были пожалованы Петром II и дворянству Эстляндии: ленники получили право наследования по женской линии вплоть до пятого колена. Отчуждение же ленов без разрешения сюзерена оставалось под запретом, хотя на практике вряд ли на это обращалось внимание/5/.

В 60-е годы XVIII в. отношение правительства резко изменилось. Уже в 1761 г. в Петербурге начали проявлять интерес к правовому положению дворянских имений. Губернские управления получили распоряжение собрать сведения о том, сколько ленных поместий находится в Прибалтийских губерниях, кем и когда они были пожалованы, кто владеет ими в настоящий момент. Интерес проявлялся и к сделкам купли-продажи этих имений/6/. Возможно, что за этим интересом скрывались правительственные планы поисков новых источников доходов на случай войны/7/. Требования правительства вызвали тревогу и недовольство в Прибалтийских губерниях. Займодавцы стали требовать безотлагательной выплаты долгов, прекратили давать в долг под залог имений/8/.

И хотя через несколько лет интерес правительства к дворянским имениям иссяк, вопрос этот снова встал на повестку дня после реорганизации государственной ренты. 19 января 1765 г. Сенат сообщил, что из Прибалтийских губерний до сих пор не прислали документов, подтверждающих владельческие права дворянства, и вновь потребовал их представления/9/. Как и четыре года назад, вновь был проявлен интерес к тому, меняли ли эти поместья владельцев путем купли-продажи в период вхождения Прибалтийских губерний в состав Российской империи/10/.

Прибалтийско-немецкое дворянство посчитало эти действия правительства за посягательств на бесспорные права, которые заключаются в применении в отношении поместий Лифляндии чуждых, непригодных законов. Лифляндское дворянство считало, что решение рикстага 1604 г. в Норчелинге никак не могло распространяться на Лифляндию, поскольку и Лифляндия, и город Рига в тот момент нахо-

дились под власть Польши, и поэтому акты шведского законодательства здесь не могли иметь юридической силы. Под сомнение ставится вообще законность распространения решений шведского рикстага на Прибалтийские провинции. При этом ссылались на решение того же рикстага 1655 г., состоявшегося в Стокгольме, в котором специально сказано, что они не распространяются на завоеванные провинции, а также на резолюцию короля Карла XI от 1678 г., в которой прямо сказано, что завоеванные провинции будут управляться по их прежним законам и что решения шведского рикстага не будут касаться Лифляндии. В подтверждение этого приводилось сравнение с принадлежащей Швеции Померании, где еще с ХУ11 в. действуют свои законы, и шведский рикстаг не имеет права вмешиваться в них. Кроме того, лифляндское дворянство считало решение рикстага 1604 г. незаконным уже потому, что оно вступало в противоречие с привилегиями, пожалованными Сигизмундом Августом, которые неоднократно подтверждались правительством России/11/.

Таким образом, прибалтийско-немецкое дворянство продолжало считать, что имеющиеся привилегии дают поместьям Эстляндии и Лифляндии права аллодальных земельных владений, а ленных поместий в Прибалтийских губерниях практически нет. Поэтому и документы на право владения ими представить невозможно.

Сенат не признал положение, выдвинутое прибалтийско-немецким дворянством, продолжая считать, что поместья, которые являлись ленными по решению рикстага 1604 г., сохранили свое правовое положение и после вхождения Прибалтийских губерний в состав России. Добавилось только пожалованное Екатериной I право наследования ленных поместий линии вплоть до пятого колена. Право действительного владения этими поместьями оставалось за государством и монархом. Сенат предложил создать специальную комиссию, которая изучила бы вопрос о ленных поместьях в Прибалтийских губерниях более основательно. Екатерина II ограничилась в резолюции от 31 августа 1766 г. только требованием составить точный список ленных поместий/12/.

Теперь владельцы всех дворянских имений Прибалтийских губерний должны были представить документы, подтверждающие владельческие права. Необходимо было уведомить, кто и на основании каких прав владеет имением: приобретено ли оно по наследству, в результате брака или купли-продажи. Для последних требовалось еще: за какую цену имение было приобретено, каков характер владельческих прав на это имение - имеет ли место аллодальное земельное владение или ленное поместье с правом наследования по мужской линии. В отношении ленных поместий требовалось сообщить, когда и каким правительством оно было пожаловано и как проходила смена владельцев этого поместья/13/.

Эстляндское дворянство в своем ответе от 14 августа 1766 г. отказалось представить документы, ссылаясь на указ Сената от 10 июля 1736 г., согласно которому от поместий Прибалтийских губерний нельзя было больше тре-

Бовать никаких документов, подтверждающих владельческие права. Для придания большего веса своему требованию была проведена редукция поместья Сейра в приходе Кирбла по обвинению в нарушении ленных прав. Дело в том, что 23 февраля 1766 г. генерал-поручик Лёвен без разрешения императрицы заложил это поместье обер-коменданту Таллина Фабиану фон Тизенгаузену на 40 лет за 14 тыс. рублей Сенат отнесся к делу со всей строгостью, обвинив и Лёвена и Тизенгаузена в противоправных действиях, и поместье было возвращено государству. Екатерина 11 и на этот раз сумела избежать излишнего обострения и, "принимая во внимание раны, полученные на службе ее величества" поместье Сейра было возвращено Ф. фон Тизенгаузену в качестве ленного владения/15/.

Прибалтийско-немецкое дворянство решительно выступило против попыток правительства рассматривать практиковавшиеся до сих пор меры как нарушение ленных прав. Как говорилась в представлении лифляндского дворянства, ленников нельзя обвинять в нарушении ленных прав даже на основании решений рикстага 1604 г., ибо требование подтверждения прав на свои владения рыцарство выполняло, добиваясь генеральной конфирмации своих привилегий у каждого нового правителя, взшедшего на престол. Дворянство соблюдало и требования сообщать монарху о купле-продаже лена, так как купля-продажа поместий происходит публично. Оно не упускает случая и сослаться на практику шведского правительства, которое не проводило ни одной редукции со ссылкой на нарушение ленных прав, хотя "оно не оставило бы не использованным ни одного такого случая для придания законности своим насильственным мерам"/16/.

В правах на владение поместьями прибалтийско-немецкое дворянство видело основу всех своих привилегий и особого прибалтийского порядка в целом. Ярче всего это выразилось в протесте лифляндского ландрата барона Юганна Адольфа Унгерн-Штернберга против наказа лифляндского земства в Комиссию для составления Нового Уложения, созданную в 1767 г.

Жалобу земства на "неуверенность в обладании поместьями" ландрат назвал безответственными сомнениями: "Как можем мы защитить действия всех своих привилегий, пактов, капитуляций и конфирмаций, если мы хоть на одно мгновение усомнимся в неприкосновенности своих имений"/17/. На заседании Комиссии для составления Нового Уложения в Москву представители дворянства Прибалтийских губерний отправились с намерением добиться от нее признания поместий Эстляндии и Лифляндии аллодиальными земельными владениями. Подобные требования содержались во всех наказах Комиссии для составления Нового Уложения, представленных прибалтийско-немецкими помещиками/18/.

Во время аудиторских выслушаний лидера эстляндских депутатов генерал-майора Дитриха фон Ренненкампа у генерал-прокурора А. Вяземского в Москве 16 сентября 1767 г. главной темой обсуждения был также вопрос о ленных поместьях. К согласию так и не пришли. Ренненкамп продолжал считать, что в Прибалтийских губерниях почти полностью отсутствуют ленные поместья, на что генерал-прокурор возразил,

что Петр 1 утвердил привилегии остзейского дворянства в том виде, в каком они существовали при шведах, решение же рикстага в 1604 г. было принято после пожалования привилегий Сигизмундом Августом, а значит и в большей степени имеет силу закона. Реннекамфф затронул и дело Лёвена и Тизенгаузена. Он отметил, что хотя порядок делопроизводства и требует наличия выдержек из всех касающихся дела материалов, в данном случае они были подобраны односторонне: ограничились только решением рикстага и резолюцией лифляндского генерал - губернатора Меньшикова от 1711 г., из которых ни один в Эстляндии не действителен, подтвержденные же земельные права прибалтийско-немецкого дворянства при принятии решения совершенно не учитывались/19/.

Не изменилось и отношение Екатерины 11. Не отрицая, правда, того, что привилегия Сигизмунда Августа имеет силу закона, императрица отметила, что эта привилегия не распространяется на ленные поместья и отказалась от всякого обсуждения этого вопроса, ссылаясь при этом на правителей Швеции, которые точно так же поступили с лифляндцами.

Таким образом, требования лифляндского дворянства остались неудовлетворенными. Несмотря на все возражения, ленная система, утвержденная правительством, сохранилась. Комиссар фиска Эстляндии Х. Дерлинг в патенте генерал-губернатора от 12 февраля 1769 г. требовал самого строгого соблюдения распоряжений, касающихся ленных поместий, в том числе уведомлять губернское управление о любом намерении их отчуждения/21/.

В ходе поступления документов, касающихся прав на владение именьями, и рассмотрения их устанавливались точные права владения тем или иным именем. 6 июля 1768 г. Д. фон Реннекамфф сообщил из Петербурга, что поступившие владельческие документы тщательно исследуются в Камер-коллегии и что генерал уже дал задание следить за ходом дел и добывать сведения о намерении коллегии /22/. Из-за задержек сбор данных был закончен только в 1769 г. Причиной тому было не только противодействие со стороны прибалтийско-немецкого дворянства. Дополнительное время потребовалось на сбор и упорядочение данных в губернских управлениях, которым это, очевидно, оказалось не под силу. Уже в октябре 1766 г. рижское генерал-губернаторство доносило Камер-конторе лифляндских и эстляндских дел, что вся работа возложена на двух чиновников, которые должны составить обзор документов, но большинство их, однако, составлено на латинском, шведском, польском и "на старом немецком языках и поэтому "весьма непонятны"/23/.

Представленные доказательства владельческих прав проходили строгий контроль не только в Камер-коллегии, но и в Сенате/24/. На права ленных поместий перевели все поместья, пожалованные шведской королевой Кристиной (1632-1654) в виде аллодов. Прощения о сохранении прав аллодиального землевладения были отклонены Сенатом/25/. В некоторых случаях, после представления дополнительных документов, удавалось улучшить правовое

положение поместий. Так, например, новый владелец поместья Велтса в приходе Михкли доказал в Сенате право аллодиального земельного владения, в то время как прежний владелец поместья утверждал, что оно было пожаловано в ленное владение/26/.

Владельческие права ряда поместий так и не могли быть определены. У целого ряда помещиков не оказалось ни одного документа, подтверждающего владельческие права. В отношении ряда имений приходилось констатировать, что природа владельческих прав на них весьма неопределенна. Случаи ошибочного или намеренного перевода аллодов на права ленных владений имели место при смене шведских правителей на престоле, когда проводилось подтверждение владельческих/27/. Если в Эстляндской губернии, по данным Камер-конторы, было 76 ленных поместий, то по мнению рыцарства их было не более, чем 32/28/. Дополнительные проверки продолжались вплоть до 1777г. По их завершении, согласно данным Камер-конторы, в Лифляндии было 139 ленных поместий, кроме того еще 5 поместий "сомнительной натурой" - природа владельческих прав на которые так и не была определена. На о. Сааремаа насчитывалось 6 и в Эстляндии 43 ленных поместья/29/.

Хотя опасения прибалтийско-немецкого дворянства относительно проведения редукции имений оказались беспочвенными, нельзя все-таки полностью отрицать намерения царского правительства о перераспределении земельной собственности в Прибалтийских губерниях/30/.

Как и во многих других радикальных начинаниях того времени, так и в этом случае правительству пришлось отступить. Свою роль здесь, конечно, сыграло и упорное сопротивление прибалтийско-немецкого дворянства, серьезных конфликтов с которым Екатерина II старалась избегать.

В вопросе о владельческих правах на имения, который наиболее остро затрагивал интересы прибалтийско-немецкого дворянства, правительство все же не смогло полностью отказаться от признания остзейских привилегий.

Постановка на повестку дня вопроса о манленах в Лифляндии и Эстляндии усилила контроль над прибалтийско-немецким дворянством и позволила оказывать на него как экономическое, так и политическое давление. Именно этим и пользовался царизм при проведении реформы губернского управления в Прибалтийских губерниях. Преднамеренно обостряя вопрос о владельческих правах, правительство, признавая аллодиальные права земельного владения, добилось соглашения прибалтийско-немецкого дворянства на распространение в Прибалтике наместнического управления.

Литература и примечания

1. H. v. Wedel. Die Estländische Ritterschaft vornehmlich zwischen 1710 und 1783 (Osteuropäische Forschungen. Neue Folge. Bd. 18). - Königsberg - Berlin, Lin, 1935; Зутис Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. - Рига, 1946.
2. Преображенский А. А. Об эволюции феодальной земельной собственности в России XVII - начала XIX века// Вопросы истории. - 1977.-№ 5.- С. 50-51.
3. Зутис Я., ук. соч., с. 496.
4. Полное собрание законов Российской империи (=ПСЗ), № 4743.
5. ПСЗ, № 5332; H. v. Wedel, op. cit., S. 47.
6. ЦГИА Эст. ССР, ф. 854, оп. 2, д. 2225, л. 34-34об.
7. H. v. Wedel, op. cit., S. 48.
8. Зутис Я., ук. соч., с. 498.
9. Там же, с. 496.
10. Livländische Gouvernements-Regierungs-Patente, N 1633.
11. ЦГИА Эст. ССР, ф. 854, оп. 2, д. 592, л. 1-5 об.
12. Зутис Я., ук. соч., с. 497.
13. ЦГИА Эст. ССР, ф. 3, оп. 1, д. 436, л. 374 об.
14. Там же, д. 169, л. 40-41.
15. Там же, д. 169, л. 130-132.
16. Там же, ф. 854, оп. 2, д. 593, л. 5об.-8.
17. Там же, д. 1445, л. 54.
18. Сборник Русского исторического общества (=Сб. РИО), т. 68, с. 46-47, 60, 68-69, 79-80.
19. ЦГИА Эст. ССР, ф. 854, оп. 2, д. 1446, л. 41-42.
20. Сб. РИО, т. 10, с. 273.
21. ЦГИА Эст. ССР, ф. 3, оп. 1, д. 437, л. 148-148 об.
22. ЦГИА Эст. ССР, ф. 854, оп. 2, д. 1446, л. 87 об.
23. ЦГИА Латв. ССР, ф. 2715, оп. 1, д. 143, л. 1-1об.
24. Зутис Я., ук. соч., с. 498.
25. ЦГИА Эст. ССР, ф. 3, оп. 1, д. 173, л. 269-270; ЦГИА Эст. ССР, ф. 854, оп. 2, д. 2241, л. 293-294.
26. ЦГИА Эст. ССР, ф. 854, оп. 2, д. 2241, л. 257-259 об.
27. H. v. Wedel, op. cit., S. 46.
28. Там же, с. 49.
29. Зутис Я., ук. соч., с. 499-500
30. Там же, с. 497.

DAS PROBLEM DER LEHEN IN LIVLAND UND ESTLAND IN DEN 60ER JAHREN DES XVIII JAHRHUNDERTS

M. Laur

Zusammenfassung

Zum Unterschied von Binnengouvernement Russlands gab es in den Ostseeprovinzen noch im dritten Viertel des XVIII. Jahrhundertszweierlei Arten des Gutsbesitzes - das

Lehen und das Allod. Erst in den 60-er Jahren des XVII^{ten} Jahrhunderts gewann so eine Begrenzung an praktischer Bedeutung, da die russische Zentralregierung anfangs, von den Lehensherren das Einhalten der Lehensrechte zu verlangen. Als Grundlage dienten die Beschlüsse des Norrköpinger Landtages im Jahre 1604 in Schweden. Gleichzeitig forderte die Regierung von allen Gutsbesitzern Unterlagen, die ihre Besitzrechte hätten beweisen können. Der baltische Adel wurde durch die Tätigkeit der Regierung aufgeregt und geärgert. Die Ritterschaften sahen die Forderungen der Regierung als einen Angriff an die ersten Rechte des Adels an. Die Ritterschaften stützten sich auf das Privileg, das ihnen der polnische König Sigismund August zugesprochen hatte und kamen zur Schlussfolgerung, daß es in den Ostseeprovinzen keine Lehen, sondern nur Allode gibt. Die Regierung unterdrückte den Protest des baltischen Adels, reduzierte als Drohung das Gut Seira im Kirschiel Kirbla (dieses Gut wurde der Verletzung der Lehensrechte angeklagt) und bestand auf ihren Forderungen, daß man die Besitzunterlagen vorweisen müße. Die Regierung drohte dem baltischen Adel mit Reduktion an und in den 80-er Jahren war der Adel schließlich einverstanden, Statthalterschaft einzuprüfen. Als "Entgegenkommen" erkannte die Regierung das Allodiumrecht aller Gutsbesitze an.

МИГРАЦИЯ КРЕСТЬЯНСТВА ПРИХОДА САНГАСТЕ В КОНЦЕ ХУ111-Х1Х ВВ. (1782-1881 ГГ.)

П. Пирско

В течение последних лет эстонскими историками опубликован целый ряд интересных работ по исторической демографии. В большинстве из них основное внимание уделяется одной из сторон движения населения - естественному приросту/1/. Вопросы, связанные с механическим приростом или миграцией, остались на заднем плане. В некоторой степени изучены лишь проблемы переселения эстонских крестьян в Россию/2/. В настоящей статье рассматривается миграция как отражение экономического и социально-юридического положения крестьян. Основными первоисточниками послужили материалы именных списков и перерегистрационных листов/3/.

Миграцию на конкретной территории можно классифицировать по-разному. В настоящей работе механическое движение населения условно подразделяется на 1) внутриприходскую или близкую (учитывая относительно небольшие расстояния) миграцию и 2) внеприходскую (внеуездную, внегубернскую) или дальнюю миграцию. Кроме того, численность населения зависела еще от способа перемещения (побеги), а также от независящего от крестьянина рекрутского набора, которые не вошли в рамки нашей классификации. Анализ близкой миграции может основываться только на миграции мужского населения.

Выясняется, что интенсивность перенаселения, выраженная в абсолютных числах, довольно сильно колеблется. В период с 1783 по 1881 г. межволостное перемещение составляло в среднем в год по 16,8 муж.; самый высокий показатель перемещения наблюдается в 1860-ые и самый низкий в 1870-ые г-ы (соответственно 37,1 и 5,9). Больше переселенцев наблюдается в первый период указанного времени, т. е. в конце ХУ111-начале Х1Х в., охватывая первую половину 1830-ых годов, и в 1860-ые годы. Можно предположить, что больше неточностей наблюдается при подсчете мигрантов в период с 1796 по 1811 г., поскольку 6-ая перепись была не столь удачно организована/4/.

Во внутриприходской миграции в Сангасте имеет место тенденция к возрастанию роли мужского населения. Если в период с 1783 по 1795 г. удельный вес женского населения составлял 60,1%, то к середине следующего столетия соотношение мигрантов женского и мужского пола уравнилось (женское население составляло из мигрантов с 1834 по 1850 г. 48,5%, с 1851 по 1860 г. - 49,5% и с 1861 по 1870 г. - 49,1%), а в 1870-ые годы муж-

чин-мигрантов насчитывалось уже больше (женщины составляли 42,2%). По причине вступления в брак по данным 5-ой переписи перешло в другую общину 42% женщин, позже причины миграции женщин в ревизских сказках не отмечались. Из зафиксированных в списках близких мигрантов с 1783 по 1795 г. 18,4% составляют такие крестьяне, которые переселялись в составе семей, позже относительный удельный вес семей в миграции возрос, доходя в 1835 - 1850 гг. до 48% и в 1851 - 1858 гг. до 47%.

Что касается направлений миграции, то здесь ярко выделяются принадлежащие одному владельцу комплексы помещичьих хозяйств. Так, например, большая часть внутренней миграции происходила в рамках имений Куйгатси-Принги-Ваалу, принадлежащих Левенштернам, и в имениях Тыллисте-Уникола, которые до 1832 г. переходили из рук в руки.

Внутриприходская миграция в Сангасте не оказывала значительного влияния на динамику численности населения. В среднем в год перемещалось из одной волости в другую в течение рассматриваемого периода менее 1% мужского населения.

Из внеприходских миграций рассмотрим прежде всего миграционные отношения Сангасте с другими общинами Лифляндии и Эстляндии. По интенсивности миграционных потоков рассматриваемые нами годы делятся на два периода. Первый период, охватывающий 52 года (1783-1834), характеризуется тем, что переселение лишь в незначительной степени выходило за границы прихода. За год в среднем в Сангасте прибывало по 8,8 и уходило по 7,8 крестьянина мужского пола. Для 1817-1826 гг. характерно самое меньшее количество мигрантов рассматриваемого периода (прибывало в среднем по 2,6 и уходило по 3,4 мужчины в год), но уже во второй половине 1820-ых и первой половине 1830-ых годов интенсивность перемещения резко возросла (соответственно 17,4 и 11,5 мужчины в год)/5/.

Для второго периода, охватывающего 47 лет (1835-1881), характерно то, что количество мигрантов (соответственно 26,9 и 26,4 крестьянина в год) возросло в три раза по сравнению с предшествующим периодом/6/. Получившее начало в конце предыдущего периода более активное перемещение стало еще интенсивнее во второй половине 1830-ых и достигло вершины в начале 1860-ых годов. В 1870-ые годы перемещение значительно уменьшилось.

Переселение в приход Сангасте (в среднем по 17,4 мужчины в год) из других районов Лифляндии и Эстляндии несколько превышает переселение из прихода Сангасте (по 16,7 муж. в год). Интересно отметить, что в пределах непродолжительных отрезков времени нельзя заметить преобладающего направления миграции. Таким образом, повышение или понижение интенсивности миграции характеризовали в одинаковой степени как въезд, так и выезд.

Из переселившихся в Сангасте крестьян большая часть происходила из уездов Вильяндимаа и Пярнумаа, это в особенности касается 1830-ых годов. Из Сангасте крестьяне уходили в первую очередь в уезд Вырумаа и другие районы уезда Тартумаа. С приходами Латвии сальдо перемещения

находилось в равновесии. Миграционные отношения с Сааремаа, а также с Эстляндской губернией почти отсутствовали (исключением является переселение 82 крестьян из имения Сангасте в Лаагна в приход Вайвара в 1799-1802 гг.).

Учитывая каждый отдельный случай, можно в целом сказать следующее. Сальдо внутренней миграции Лифляндской губернии в рассматриваемый период было по отношению прихода Сангасте позитивным (+166). В конце XVIII и в первой половине XIX в. переселение в приход превысило переселение из прихода. В 1850-ые годы наблюдалось обратное, положение уравнилось в 1860-ые и 1870-ые годы.

Помимо усиления миграционных потоков наблюдается географическое расширение миграционных отношений. Если в 1783-1816 гг. приход Сангасте имел в миграционном отношении связи с 17 эстонскими приходами, то в 1817 - 1850 гг. - с 26, а в 1851-1881 гг. - с 34 приходами. Всего в течение 99 лет насчитывалось 37 приходов южной Эстонии и 3 прихода северной Эстонии, которые являлись местом или въезда или отъезда. Самые оживленные связи были у прихода Сангасте, разумеется, с соседними приходами: Рынгу (17,2% из всех мигрантов мужского пола), Хельме (15,5%), Карула (10,6%), Урвасте (8,3%), Отепяэ (7,9%) и Валга-Луке (4,3%). В целом эти приходы составляли 2/3 из всей миграции Сангасте в Лифлянди и Эстлянди.

В первой трети рассматриваемого периода в 1783-1816 гг. нельзя определить конкретные направления миграции. Приходы, с которыми приход Сангасте имел миграционные связи, довольно разнообразные. Мигранты шести соседних приходов составляли даже 70%. Во второй четверти XIX столетия зона миграции прихода Сангасте стала более компактной. В иммиграции заметными становятся приходы уезда Вильяндимаа (Сууре-Яани, Вильянди, Хельме, Гарвасту). С приходами уезда Вырумаа миграционный баланс Сангасте стал негативным. В 1851-1881 гг. переселение прихода принимает четкую направленность. В рассматриваемый нами самый южный приход уезда Тартумаа переселяются крестьяне из Мульгимаа (приходы Хельме, Халлисте, Каркси, Пайсту, Гарвасту). Из Сангасте уходили в первую очередь в уезды Вырумаа и Тартумаа. В общем же в течение всего периода миграция происходила с запада на восток.

Чтобы объяснить такие географически четкие миграционные потоки, необходимо остановиться на двух моментах. Проф. Х.Лиги установил региональные различия в смертности детей. Поскольку эпидемии распространялись в большинстве случаев в направлении с юга на север и с востока на запад, то самая высокая смертность детей наблюдалась именно в юго-восточной Эстонии, а самая низкая - в Сааремаа/7/. Учитывая эту особенность, становится понятным, почему перемещение населения шло в противоположном направлении распространения эпидемий.

Во-вторых, следует отметить, что в уездах Вильяндимаа и Пярнумаа в среднем на одного крестьянина отводи-

лось намного меньше земли, чем, например, в Тартумаа, а также и в Вырумаа/8/. Поскольку в то время почти все население было аграрным, то и этим объясняется выбор места миграции.

О миграции женского населения автор располагал данными конца XIX в., 1835-1850 и 1861-1881 гг. Если в 1789-1795 гг. женщины составляли из числа всех мигрантов 60,4%, то в 1834-1850 гг. этот процент был 48,4. В 1860-ые годы процент миграции женщин несколько увеличился (49,9%), а в 1870-ые годы снова понизился (45,5%). Такие же пропорции в миграции мужского и женского населения были характерны и для внутриприходской миграции. Это позволяет говорить о закономерном повышении миграции мужского населения в середине XIX в. По-видимому, большую свободу перемещаться в последней четверти XIX в. получили именно мужчины, а женщины как менее ценная для помещичьих хозяйств рабочая сила могли несколько проще перемещаться еще до крестьянского закона 1819 г. Следует отметить, что расширение права перемещаться в меньшей мере касалось брачной миграции, а женская миграция была связана в первую очередь именно с замужеством. Об этом свидетельствует тот факт, что если из 13 зафиксированного в 4-ой и 5-ой переписях 421 случая переселения из прихода семей насчитывалось всего 68 (37,8%), то с 1834 по 1850 г. из 527 случаев - уже 291 (84,5%).

Переселение в центральную Россию можно рассматривать в миграционном процессе как особое явление. Это объясняется, с одной стороны, дальностью расстояния миграции а с другой, тем, что эта миграция имеет прямую связь с классовой борьбой крестьян. Учитывая то обстоятельство, что приход Сангасте являлся одним из первых очагов миграции в южной Эстонии/9/, проследим подробнее начало миграции в этом приходе. Начинателем движения переселения в Сангасте был местный хозяин крестьянского двора Котре Тальвик (Тальдрик), который после долгих хлопот вместе с семьей покинул волость поздним летом 1855 г. Согласно требованиям губернского правления он имел срочный паспорт и отправился в Саратовскую губернию, чтобы найти общину, которая приняла бы семью/10/. Но спустя два года еще не было известно, где он поселился, и волость вынуждена была заплатить за семью подушную подать/11/.

Этот прецедент в переселении подготовил почву для более обширного перемещения из Сангасте. Уже осенью 1855 г. желающих переселиться было 106 душ мужского и 101 душа женского населения. Одним из поводов для этого послужили ложные слухи о том, что переселение освобождает от рекрутской повинности. Батраки Кустас Муст, Яан Кяссик, Март Вилла, Карл Абен, Ганс Оберст и Юри Койви обратились с соответствующим заявлением в волостной суд и отправились в качестве избранных посланцев в путь к генерал-губернатору в Ригу/12/. Первый порыв массового переселения приходскому судье барону Бруинингу удалось все же ликвидировать, и в своем письме от 24 ноября он мог констатировать, что к Мартову дню в приходе не было ни одного уходящего крестьянина/13/.

В связи с упомянутым эксцессом 25 ноября 1855 г. кон-

вент дворянства Лифляндии сделал генерал - губернатору предложение о том, чтобы обязанные к рекрутству крестьяне при переселении помимо всего депонировали еще 300 серебряных рублей в волостную кассу сроком до их окончательного вынесения в именные списки новой общины /14/. Губернское правление такого предложения все же не приняло/15/.

По причине противодействия остзейских кругов все стремления крестьян переселиться начиная с конца 1855 г. до середины 1859 г. сошли на нет. Активную деятельность в целях переселения проявляли крестьяне имения Сангасте. В Мартов день 1856 г. несколько крестьян-хозяев отказались от арендных договоров. Оставшись в Юрьев день следующего года без дворов, Пеэтер Крамвейстер, Карл Тальвик, Карл и Руда Аббен и Андрес Ламберт отправились в мае месяце в Ригу добывать паспорта. Последний из них был в августе в этапном порядке послан обратно домой, остальные же продолжили путь в Петербург. Оттуда обедневшие и не получившие паспорта крестьяне прибыли таким же образом/16/.

Несмотря на возникшие трудности переселение из прихода начинало расширяться, охватив осенью 1857 г. уже и крестьян соседнего имения Кеэни. Желающих переселиться насчитывалось в имении Сангасте 15 семей, в Кеэни - 5 - 10/17/.

В целях оказания протеста в связи с циркуляром губернского правления от 28 октября 1857 г. в начале 1858 г. в Ригу опять отправилось несколько крестьян из Сангасте и Кеэни. Они ходатайствовали о разрешении выехать в Саратовскую губернию/18/. 16 мая 1858 г. крестьяне из Сангасте Яан Киршбаум и Ганс Сисаск как уполномоченные 22 семей просят разрешения о выезде, указывая при этом на то, что они давно отказались от служебных мест и не имеют поэтому на месте средств для существования. Генерал-губернатор дал разрешение для выдачи плакатных паспортов всего четырем лицам (в целях поиска подходящего места для переселения)/19/.

Избранные делегаты для поиска земель смогли отправиться в путь в Приволжские края летом 1858 г. В Самарской губернии (в Саратовской губернии свободной земли уже не было) было найдено 2700 десятин земли, по 15 десятин на душу. В августе посланцы вернулись с соответствующей справкой Новоусенского окружного правления. Последние преграды бюрократии были устранены в первой половине 1859 г., причем при этом особенно выделялась деятельность начинателя заселения Тевиля Киршбаума.

Летом 1859 г. наконец в путь в Самару отправилась первая большая группа переселенцев из южной Эстонии, всего 180 крестьян (в том числе 150 из имений Сангасте и Кеэни). Большая часть из них сообщила согласно установленному порядку о своем желании переселиться и отказалась от служебных мест уже в Мартов день 1856 г. Таким образом, группа переселенцев из Сангасте была на начальном этапе миграции самой многочисленной во всей северной части Лифляндии. Важно отметить, что из Сангасте это движение распространилось в соседние районы - Урвас-

те, Карула и Харгла/20/.

Всего из прихода Сангасте в 1859-1881 гг. переселилось 395 крестьян, из них в Псковскую губернию-218/21/, Самарскую - 133 и Витебскую - 32. Отдельные переселенцы направились в Петербургскую (4), Курскую (3), Тверскую (2), Варшавскую (2) и Харьковскую (1) губернии.

В среднем в Россию мигрировало по 17,2 мужчины в год, но колебания в пределах рассматриваемого периода были довольно большие. Почти 30% всех мигрантов падает на 1859 (78 мужчин) и 1868 (39 мужчин) годы. В эти два года целые группы крестьян переселялись в степи Самары.

В рассматриваемой форме миграции по месту назначения и численности переселения вырисовывается два четких периода. Если в 1859-1868 гг. переселялись в большинстве случаев в Самарскую губернию (86% всех переселенцев) и производилось это большими группами, то начиная с конца 1860-ых годов на первый план выступает Псковская губерния (в 1869-1881 гг. 77% всех мигрирующих). Вместо больших групп шло переселение по нескольким семьям. При миграции из Сангасте можно заметить, что переселение в Россию стало в 1870-ые годы обычным явлением.

Мигранты этого периода происходили из семи помещичьих хозяйств (Сангасте, Куйгатси, Кеэни, Ресту, Лаатре, Тыллисте, Уникола). Большинство из них проживало в волости Сангасте (в 1858 г. там проживало 35,7% мужского населения крестьян всего прихода, процент мигрантов достигал 59)/22/. По прошениям, посланным в губернское правление, все же выясняется, что переселение в широком значении охватывало и остальные имения этого прихода. Весной 1860 г. подало ходатайство о переселении в Самарскую губернию, например, несколько семей из пастората и 8 крестьян православной веры из Вана-Пука, которые разрешения не получили/23/.

Переселение в город в этот период не достигло размеров, характерных для капитализма. В 1783-1881 гг. в 16 разных городах из Сангасте мигрировало 125 крестьян мужского пола.

Обратная миграция наблюдалась гораздо реже: в промежуточной переписи 1826 г. отмечается переселение одного мужчины из Петербурга в Вана-Пука, откуда он был много лет назад продан, в 10-ой переписи отмечается перемещение 6 мужчин и 5 женщин из Тарту в имение Куйгатси.

Среди причин переселения в город в более ранний период наиболее часто в именных списках 5-ой переписи значатся продажа, дарение, уход вместе со своим помещиком. 38% женщин, ушедших из деревни в 1783-1795 гг., до этого вышли замуж за горожанина. Поскольку в южной Эстонии ремесленный труд значительно разграничивался от земледелия/24/, то в Сангасте встречаются случаи, когда подростков отправляли в Петербург учиться к соответствующему мастеру/25/.

Как нарушение правовых норм в ревизских сказках отражаются лица, подвергшиеся депортации. В 5-ой переписи зафиксированы один каторжник и одна женщина, нахо-

дядяся в заключении за убийство своего ребенка. В 6-й переписи зафиксировано 9 высланных мужчин, в промежуточной переписи 1826 г. - 6, 8-ой переписи - 5, 9-ой переписи - 13 (из них 5 за кражу лошадей), в 10-ой переписи - 12. Всего из 46 каторжников и ссыльных у 24 местом отбытия наказания отмечается Сибирь.

Ниже остановимся на видах миграции, которые оказали отрицательное влияние на механический прирост населения прихода. Одним из самых обычных способов сопротивления крестьян был побег. Несмотря на то, что конкретные причины его были самые разные, в общем они сводились к экономическому и правовому стеснению крестьян.

В ревизских сказках прихода Сангасте крестьяне, совершившие побег, отмечаются до 1826 г. (и только один случай побега еще в 1829 г.). Исчерпывающе отражает этот вид миграции только в 5-ой ревизии, когда отмечаются также и совершившие побег женщины. С побегом по крайней мере частично связывается и судьба без вести пропавших крестьян. Так, в переписи 1826 г. в имении Сангасте отмечается 21 человек, пропавший без вести.

Всего в 1783-1829 гг. насчитывается 317 беглых крестьян и 72 пропавших без вести крестьянина мужского пола, вернувшихся из бегства насчитывается 112 мужчин. Механический прирост составляет, таким образом, 277 человек. На основе среднего числа побегов в год рассматриваемые годы можно разделить на три периода: в 1783 - 1795 гг. в год совершалось в среднем по 14,6 побега, в 1796-1811 гг. - по 5,6 побега и в 1812-1826/1829 гг. - по 1,1 побега (учитываются мужчины). Практическое прекращение побегов в 1812-1826/1829 гг. можно считать результатом крестьянского закона 1819 г. Маловероятным же представляется уменьшение тайного ухода крестьян в промежуточный период между 5-ой и 6-ой переписями в 2,5 раза по сравнению с периодом между 4-ой и 5-ой ревизиями. По-видимому, уменьшение побегов объясняется просто неаккуратным заполнением именных списков в 1811 г., хотя роль могло сыграть и общее уменьшение населения в приходе.

В 1783-1795 гг. из прихода Сангасте сбежало 3% всех крестьян, вошедших в именные списки 1782 г. (4,1% всех мужчин), в 1796-1811 гг. - 2,2% и в 1812-1816 гг. - 0,8% всех мужчин. Поскольку в западной части материка Эстонии соответствующие показатели не превышают 0,9%, 1,3% и 0,5%/26/, а в благоприятном для побега приходе Виру-Нигула процент побегов в период между 4-ой и 5-ой переписями не превышал 3,5%/27/, то количество побегов из Сангасте можно считать очень большим.

Причины этого явления следует искать в первую очередь в условиях, существующих в конкретных помещичьих хозяйствах. Так, из имений Принги, Куйгати и Ваалу, принадлежащих П.Л.И. фон Лэвенштерну, совершило побег к 1795 г. 4,7%, а из Вана-Пука, принадлежащего Ф.Г. фон Штрику, - даже 8,1% из общего количества населения 1782 г. Отметим, что численность крестьян во всех упомянутых четырех имениях превышала 300 человек, а в Куй-

гатси доходила до 900 человек.

По группам (семьям) между 4-ой и 5-ой ревизиями бежало 21% всех беглых крестьян. В западной Эстонии - 14,8%/28/, а в более ранний период (1733-1774 гг.) в уезде Ярвамаа - 17%/29/. Таким образом, частотность перемещения из Сангасте по семьям можно считать нормальной. Чтобы сравнить побегі мужчин и женщин, необходимо опять-таки привлечь данные 5-ой переписи. В Сангасте, как и в других приходах, большую часть беглых крестьян составляли мужчины (69,2%). В западной Эстонии в то же время - 69,9%/30/, а в Ярвамаа в 1733-1774 гг. - 75%/31/.

Таблица 1

Социальная структура (в процентах) беглых крестьян прихода Сангасте в 1783-1826 гг.

	1783-1795	1795-1811	1812-1826
Дворохозяева	41,6	33,3	5,5
Бобыли	15,8	8,8	2,7
Батраки	36,9	55,5	63,8
Дворовые	3,9	-	11,1
Неизвестного происхождения	1,8	2,4	16,9

В социальной структуре беглых крестьян (см. табл.1) бросается в глаза увеличение роли батраков. Если в начале периода социальная принадлежность беглых крестьян чрезвычайно точно совпадает с социальной структурой крестьянства того времени, то в последующие периоды этого сказать уже нельзя. По-видимому, в происходивших изменениях можно проследить возникновение сословных границ внутри крестьянства. Это особенно заметно на рубеже XVIII и XIX вв./32/.

Начиная с 1797 г. на естественный и механический приросты населения прихода сильное влияние оказывало рекрутство. Постоянное уменьшение молодого поколения мужчин существенно сократило возможности замужества женщин фертильного возраста, оказав тем самым отрицательное влияние на демографическое положение в приходе. По именованным спискам можно проследить сдачу в рекруты в 1797-1857 гг. В этот период в рекруты отправлено в приходе 1095 мужчин (в среднем по 18 мужчин в год), из них лишь меньшая часть вернулась к концу периода. Самы-

ми неблагоприятными оказались годы наполеоновских войн и Крымской войны. С 1811 по 1813 г. поставка в армию составляла 5% мужского населения, внесенного в именные списки 6-ой переписи, с 1854 по 1855 - 3,5% мужчин ревизии 1850 г.

Подводя итог механическому перемещению в приходе Сангасте в период с 1783 по 1881 г., следует отметить, что общее количество мужского населения уменьшилось приблизительно на 2000-2100 человек. Главную роль в негативном сальдо миграции играло рекрутство, сильное влияние оказало и переселение в Россию и побег. Негативный механический прирост населения не мог не оказывать влияния на демографическое развитие прихода Сангасте.

Литература и примечания

1. Vahtre S. Eestimaal talurahvas hingeloenduste andmeid. - Tallinn, 1973.; Ligi H. Talurahva arvu dünaamikast Eestimaal XV111 sajandil (adramaarevisjonide andmeid). //Studia historica in honorem Hans Kruus.- Tallinn, 1971.- Lk.223-256.; Ligi H. Talurahva arv ja paiknemine Lõuna-Eestis aastail 1711-1816 //Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised: Uurimusi Läänemere maade ajalooost.- Tartu, 1976.- Vihik 371.- Lk. 33-101.; Палли Х. Естественное движение сельского населения Эстонии (1650 - 1799).- Ч. 1-111.-Таллинн, 1980. и др.
2. Vassar A. Uut maad otsimas: Agraarne ümberasumisliikumine Eestis kuni 1863. aastani.- Tallinn, 1975.; Маамяги В. Эстонское население в СССР.- Таллин, 1980. ЦГИА ЭССР. Ф. 1865.
4. Vahtre S. Op. cit.- Lk. 45.
5. Увеличение количества мигрантов в приходе Пылтсамаа отмечает также и Л. Реммер. См.: Remmer L. Põltsamaa kihelkonna talurahva migratsioon 19. sajandil (1816-1870).- Diplomitöö (Käsikiri TRÜ üldajaloo kateedris) - Tartu, 1985.-Lk.32.
6. Причины такого скачка следует искать в первую очередь в том, что постепенно входил в силу крестьянский закон 1819 г.
7. Свою роль в этом сыграл общий экономический и культурный уровень.
8. Ligi H. Geographie der estnischen nationalen Bewegung //Acta Universitatis Stockholmiensis: Studia Baltica Stockholmiensia.- Stockholm, 1985.- Nr.2.-S. 267-269.
9. Vassar A. Op. cit.-Lk. 49-50.
10. Ю.Какх ошибочно отмечает в качестве первого места отъезда крестьян прихода Сангасте Самарскую губернию. См.: Eesti NSV ajalugu.- 11 kd.-Tallinn, 1963.- Lk45.
11. ЦГИА ЭССР. Ф. 2054, оп.1, д.1550, л.300-308.
12. Там же, л. 309-312.
13. Там же, д. 1551, л. 9.
14. Там же, д. 1550, л. 310.

15. Там же, д. 1551, л. 1-5.
16. Там же, л. 83-85.
17. Vassar A. Op. cit.- Lk. 54.
18. ЦГИА ЭССР. Ф. 2054, оп. 1, д. 1551, л. 68-70.
19. Там же, л. 135-136.
20. Vassar A. Op. cit.- Lk. 54, 59.
21. Часть из них переселилась в города (Псков, Торонец).
22. По мнению А. Вассара, свою роль сыграл граф Берг, который в интересах сохранения спокойствия в приходе предпочитал отделаться от беспокойных крестьян. См.: Vassar A. Op. cit.- Lk. 205.
23. ЦГИА ЭССР. Ф. 2054, оп. 1, д. 1552, л. 53, 73-75.
24. Linnus J. Hilisfeodalismi maakäsitööliste uurimise probleeme // Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised: Ühiskonnateadused.- Tallinn, 1975.-Nr. 3.- Lk. 245.
25. ЦГИА ЭССР. Ф. 1865, оп. 2, д. 90:21, л. 167; Д. 97:2, л. 140, 141.
26. Kurepalu A. Talupoegade pagemine Lääne-Eestis XVII sajandi lõpul ja XIX sajandi algul // Ajaloalaseid töid: UTU Ajalooringi kogumik.- Tartu, 1974.- Lk. 82.
27. Vahtre S. Op. cit.- Lk. 197.
28. Kurepalu A. Op. cit.- Lk. 92.
29. Üpik E. Talurahva pagemus Järvamaal 18. sajandi teisel ja kolmandal veerandil // Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised: Ühiskonnateadused.- Tallinn, 1979.-Nr. 3.- Lk. 234.
30. Kurepalu A. Op. cit.- Lk. 96.
31. Üpik E. Op. cit.- Lk. 235.
32. См.: Кахк Ю., Уйбу Х. О социальной структуре и мобильности эстонского крестьянства в первой половине XIX века.- Таллин, 1980.- С. 60-61.

DIE MIGRATION DER BAUERNSCHAFT DES KIRCHSPIELS
SANGASTE AM ENDE DES XV¹¹¹ UND IM XIX
JAHRHUNDERT (1782 -1881)

P. Pi r s ko

Z u s a m m e n f a s s u n g

Die Intensität der Bauernschaftsmigration im Kirchspiel Sangaste war ziemlich schwankend. Dennoch ist es möglich in diesem Zeitabschnitt eine geringe steigende Tendenz festzustellen. Verglichen mit den anderen Kirchspielen des Livländischen Gouvernements war der Migrationssaldo in bezug auf Sangaste positiv (+166 Männer). Ende des 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jh. überstieg dabei die Einwanderung nach Sangaste die Auswanderung aus dem Kirchspiel, in den 50-er Jahren des 19. Jh. war die Lage in dieser Hinsicht umgekehrt und in den 60-er und 70-er Jahren kam es ins Gleichgewicht. Von denen, die sich im Kirchspiel Sangaste angesiedelt hatten, bestrugen den Hauptteil (besonders von den 50-er Jahren des 19. Jh. an) die Bauern aus den Kreisen Viljandimaa

und Pärnumaa. Aus dem zu beobachtenden Kirchspiel siedelten die Menschen vor allem nach den Kreisen Võrumaa und Tartumaa um.

Das Kirchspiel Sangaste war ein wichtiger Auswanderungsherd nach Russland. Von dem Jahr 1859 an, als sich die erste grössere Gruppe hiesiger Bauern auf den Weg nach Samara machte, bis Ende der 70-er Jahren des 19. Jh. begaben sich insgesamt 395 Männer nach Russland, in erster Linie nach den Gouvernements Pleskau, Samara und Witebsk.

In dem man dem Vorausgehenden noch eine verhältnismässig intensive Flucht aus dem Kirchspiel, Deportation u. a. Formen des mechanischen Bevölkerungszuwachses hinzufügt, kann man in Sangaste einen überwiegenden negativen Migrationssaldo (-812 Männer) in der Zeitspanne 1782-1881 konstatieren. Samt der umfassenden Rekrutenaushebung übte dieser Umstand einen negativen Einfluß auf die demographische Situation im Kirchspiel Sangaste aus.

ОПОЛЧЕНИЕ 1806-1807 ГОДОВ В ЭСТЛЯНДСКОЙ И ЛИФЛЯНДСКОЙ ГУБЕРНИЯХ

Т. Таннберг

Конец XVIII - начало XIX столетий в истории Эстонии является периодом разложения феодализма и формирования капиталистических отношений. Поэтому вполне понятен интерес историков к этому переломному периоду, причем основным объектом исследования все время было именно положение крестьянства. Например, основательно исследованы повинности крестьян, и здесь по целому ряду вопросов то и дело возникали острые дискуссии и споры. В то же время на задний план были отнесены военные повинности крестьян, в первую очередь - рекрутская повинность и тесно связанные с ней наборы в ополчение.

Рекрутская система в России была введена Петром I и действовала до введения всеобщей воинской повинности в 1874 г. Прибалтийские губернии России были включены в эту систему лишь в конце XVIII в. (1796 г.). На стыке XVIII и XIX столетий рекрутская повинность как основная система комплектования вооруженных сил Российской империи утратила свой первоначальный прогрессивный характер и стала тормозом на пути военного строительства. Основным недостатком рекрутской системы была необеспеченность армии резервами, которая острее всего проявлялась в кризисных ситуациях, прежде всего во время наполеоновских войн. Поэтому царское правительство в наиболее критических ситуациях (в 1806-1807, 1812/1/ и в 1855-1856 гг./2/) вынуждено было прибегать к чрезвычайным мерам, т. е. созывать ополчение.

Задачей данной работы и является представить обзор о ходе формирования ополчения 1806-1807 г. в Эстляндской и Лифляндской губерниях, поскольку освещение этой малоисследованной области позволяет с несколько иного аспекта рассматривать положение в этих губерниях в первом десятилетии XIX в.

Историография ополчения 1806-1807 гг. в Прибалтийских губерниях весьма скромна. Прибалтийско-немецкие и буржуазные историки в своих работах вскользь затрагивали вопросы, касающиеся народных ополчений, констатировали лишь их формирование/5/. Заслужено Фр. Бишманна следует считать публикацию меморандума ректора Тартуского университета Г. Фр. Паррота Александру I о вопросах, связанных с формированием ополчения, который свидетельствует об отрицательном отношении местного дворянства к созданию ополчения/4/. Общие работы по истории Эстонии вовсе не касаются вопросов, связанных с народным ополчением 1806-1807

гг. на территории Эстляндии и Лифляндии. В первом томе "Истории Латвийской ССР" хотя и дается беглый обзор названного ополчения, но лишь по Курляндской губернии, поскольку на территории Латвии "ополчение стали формировать лишь на территории Курляндии"/5/. Это ошибочное мнение, будто в Лифляндии (равно как и в Эстляндии) названное ополчение тогда вообще не формировалось, к сожалению, бытует и поныне/6/. Об ополчении 1806-1807 гг. на территории Лифляндии и Эстляндии нет данных и в трудах, рассматривающих историю народных ополчений в России вообще. Как труды дореволюционных/7/, так и большинства советских авторов/8/ дают лишь беглый обзор истории ополчения 1806-1807 гг. Исключение составляет лишь Б. Ливчак, фундаментальное исследование которого о народных ополчениях России первой половины XIX в. содержит ценные данные и об ополчении 1806-1807 гг./9/.

Основными источниками данной работы были материалы центрального государственного исторического архива Эстонской ССР (ЦГИА), Полное собрание законов Российской империи [=ПСЗ (1)], а также патенты и публикации губернских правлений/10/. Некоторые дополнительные материалы можно найти в периодике той поры ("Dörptsche Zeitung", "Revalsche Wöchentliche Nachrichten") и в других публикациях/11/.

Третья коалиционная война против Франции в 1805 г. закончилась поражением России и Австрии. В 1806 г. под предводительством России была образована новая антинаполеоновская коалиция. Названная четвертая коалиция, однако, распалась уже в октябре, когда Наполеон в боях под Иеной и Ауэрштедтом разгромил прусскую армию. Разгром Пруссии Наполеоном поставил под прямую угрозу границы России. Россия также была убеждена в неизбежности очередной войны с Францией, и 16 ноября 1806 г. она объявила войну Франции. Поскольку рекрутская система не позволяла за короткий срок увеличить регулярную армию, то царское правительство было вынуждено созвать ополчение. Сельским жителям Лифляндии необходимость создания ополчения К.Г. Зонтаг позже объяснил следующим образом: "Вдруг разразилась война и угроза наступала со всех сторон. Хотя у русского государства имеется много сильных солдат, но и они больше не в силах были всему противостоять, и те мирные люди, которые до сих пор плугом или инструментом ремесленника или же пером себе на хлеб зарабатывали - и эти людишки зашевелились и взялись за оружие, чтобы этих врагов, если они подойдут, прогнать от родного очага"/12/.

По царскому манифесту от 30 ноября 1806 г. в России формировалось временное ополчение численностью в 612000 человек/13/. Манифест призывал дворянство, сельские и городские общины, купечество, духовенство и все другие сословия активно включаться в создание ополчения, и жертвовать для ополчения деньги, продовольствие, оружие и т.д. Ополчение следовало комплектовать в 31 губерниях, которые в свою очередь были разделены на 7 округов (по 4-5 губерний в каждом). 19 губерний не участвовали в создании ополчения: 14 губерний из-за удаленности и 5 -

как возможные районы военных действий/14/. 1 декабря 1806 г. для общего руководства комплектованием и вооружением ополчения был создан специальный комитет по делам ополчения, куда вошли генерал-фельдмаршал Н.И. Салтыков, военный министр С.К. Вязмитинов, министр внутренних дел граф В.П. Кочубей, тайный советник Н.Н. Новосильцев и министр иностранных дел А.Э. фон Будберг /15/.

Манифест 30 ноября 1806 г. определил и основные принципы создания ополчения. Гражданские губернаторы совместно с представителями дворянства должны были определить количество ополченцев, набираемых среди казенных и помещичьих крестьян, а также горожан. В обязанность помещиков входило снабжение ополченцев оружием (по возможности огнестрельным), 3 рублями денег, трехмесячным провиантом и одеждой, в соответствии с временем года /16/. В середине декабря 1806 г. главнокомандующим округами была выработана тайная инструкция, где были определены и задачи ополчения: в случае необходимости помогать регулярной армии и обеспечение порядка в тылу /17/.

Прибалтийские губернии вместе со Псковской составляли второй округ, который должен был выставить 60000 ратников, в том числе Эстляндская губерния - 8000, Курляндская - 12000, Лифляндская и Псковская губернии - по 20000 ратников/18/. Формирование ополчения началось с комплектования командных кадров. Прежде всего царь назначил главнокомандующих округами, наделенных большими полномочиями. Главнокомандующим вторым округом был назначен генерал от инфантерии Александр Беклешов - человек весьма известный в Прибалтике/19/. Губернские командиры ополчением выбирались местными ландтагами. Главнокомандующий ополчением Эстляндской губернии избирался на ландтаге, собравшемся 18 декабря 1806 г., куда съехалось 210 дворян. На должность главнокомандующего губернской ополчением претендовало 7 кандидатов. Подавляющим большинством голосов (168 из 210) главнокомандующим ополчением Эстляндской губернии был избран Б.И. фон Юкскуль /20/. Главнокомандующим ополчением Лифляндской губернии в конце декабря 1806 г. стал генерал-майор Г. фон Кнорринг/21/. Губернское ополчение делилось на уездные, а те в свою очередь на тысячи, полутысячи, сотни и полусотни. В Эстляндии выборы должностных лиц ополчения состоялись на ландтаге, заседавшем с 18 по 24 декабря 1806 г. /22/. Обзор результатов этих выборов представлен в таблице 1.

Как явствует из таблицы 1, в Эстляндской губернии полностью удалось укомплектовать командные кадры ополчения лишь начиная с уровня сотников; на должность полусотников соответствующих людей уже не хватило /24/. Дворянство освобождалось от службы в ополчении лишь по уважительным причинам (например, по болезни и пр.). Так, например, рыцарство Эстляндии освободило от службы в ополчении 9 Харьюмааских дворян, которые представили соответствующие врачебные справки/25/. Вдобавок к этому следует учитывать, что в Эстляндской губернии от слу-

Таблица 1/23/
 Результаты выборов должностных лиц ополчения
 в Эстляндии

Д о л ж н о с т и	У е з д ы				Всего
	Харью- маас- кий	Ярва- маас- кий	Виру- маас- кий	Ляэне- маас- кий	
Тысячники	3	1	2	2	8
Полутысячники	6	2	4	4	16
Сотники	27	12	21	20	80
Полусотники	13	14	22	26	75
В с е г о	49	29	49	52	179

жения в ополчении освобождались те дворяне, которые уже исполняли различные служебные обязанности (например, гагенрихтера и др.)/26/. Такие же трудности возникли и в Лифляндской губернии при нахождении полусотников /27/. Здесь проблему пытались разрешить с помощью вербовки на службу в ополчение отставных нижних чинов (унтер-офицеров и рядовых). С этой целью в Риге и других городах Лифляндской губернии были созданы специальные вербовочные комитеты/28/.

Служба в ополчении являлась платной. В Эстляндии была создана комиссия из 6 человек, которая занималась вопросами жалования командного состава ополчения/29/. В Эстляндской губернии главнокомандующий губерньским ополчением получал в месяц 50 рублей, тысячник - 45 руб., полутысячник - 40 руб., сотник и полусотник - соответственно 35 и 30 руб. жалования/30/.

Горожанам и крестьянам Лифляндской губернии о начальствующем составе ополчения вешали: " Вы получите себе честных военнопольных, которые уже служили в войсках Его Величества, а также в лице ваших господ или их потомков, которые должны руководить вами и помогать вам "/31/.

О формировании на их территории временного ополчения управления Эстляндской и Лифляндской губерний сообщили соответственно 11 и 22 декабря 1806 г./32/. Тут же были

даны предварительные инструкции (в соответствии с манифестом 30 ноября) для комплектования ополчения. В обоих сообщениях всячески подчеркивался временный характер ополченческих формирований. Юридический статус призванных в ополчение крестьян оставался неизменным, т.е. они по-прежнему оставались крепостными/33/ и должны были выполнять все возложенные на них повинности. снабжение ополченцев одеждой, провиантом и деньгами ложилось на общину и помещика. Практически формирование ополчения вменялось в обязанность помещику, которому должен был помогать волостной судья.

Ополченческая повинность ложилась прежде всего на плечи крестьян и большинства горожан. Например, в Эстляндской губернии, по официальной статистике, было в общей сложности 107 420 мужских душ, из которых 104 329, или 97,1%, подлежали ополченческой повинности/34/. Большинство из них, разумеется, составляли крестьяне - 92,3% /35/, удельный вес горожан здесь - лишь 7,7%/36/. Ополченческую повинность не несли дворяне, купцы, духовенство, а также различные городские и государственные служащие - всего 3091 душа/37/. Для сравнения отметим, что рекрутскую повинность в то время в Эстляндской губернии несло лично 101 869 душ и деньгами откупалось 2 460 душ /38/. Таким образом, ополченческая повинность легла на все податные сословия/39/, - так как рекрутскую повинность примерно 2,4% отплавляли деньгами.

Общие принципы формирования ополчения в губерниях были изложены в царском манифесте от 30 ноября 1806 г. и в инструкциях для главнокомандующих округов. Эти общегосударственные предписания конкретизировались и уточнялись внутри самих губерний. Для Лифляндской губернии таким уточняющим предписанием был патент губернского правления от 7 января 1807 г./40/. Согласно этому патенту, составление списков ополченцев следовало закончить уже через неделю, т.е. завершение комплектования ополчения назначалось на 28 января 1807 г. В ополчение можно было принимать лиц мужского пола в возрасте от 17 до 47 лет с хорошим телосложением и без ограничения роста. Ополченцы, по мере возможности, сами были обязаны себя обмундировать, недостающее же снаряжение обеспечивал помещик. На всех ополченцев были составлены персональные карточки с подробными биографическими и антропологическими данными. Эти карточки вместе с провиантом и деньгами следовало направить в Латвийского региона Лифляндской губернии в Ригу, а из Эстонского - в Тарту. Во второй половине января 1807 г. материковые уезды Лифляндии были разделены на 12 округов, в которых под руководством уездных депутатов занимались комплектованием ополчения. Каждый округ, как правило, объединял 7-12 приходов. Только в Рижском уезде был образован округ из 17 приходов, которым руководил граф фон Дунтен. Во всех уездах имелось по 3 округа/41/. На основании того же патента провиант и денежные средства, предусмотренные на содержание ополченцев, можно было хранить на местах. Местному воинскому начальнику вменялась в обязанность организация охраны этих средств/42/.

Экипировку ополченца Лифляндской губернии составляли: пиджак, байковый жилет, шарф, шапка, одна пара рукавиц, 3 рубахи, 2 пары штанов, 3 пары чулок и лаптей, панец. Продовольственный паек: 3 гранца крупы, 11 лейзиков и 5 фунтов ржаной муки, 2 фунта соли. Вооружение ратника: какое-либо огнестрельное оружие и пика (копье). Пика должна была быть 8 футов длины и иметь крепкое березовое древко/43/. Ополченцы в основном и были вооружены пиками, копьями, секирами и т.д. Удельный вес огнестрельного оружия был значительно скромнее. В общем по всей России 1/5 ополченцев старались вооружить огнестрельным оружием/44/, однако такая цель в большинстве округов оставалась недостигнутой. Например, в Ярославской губернии на 24000 ополченцев удалось собрать лишь 153 ружья, т.е. одно ружье на 157 ратников/45/. На острове Сааремаа вооруженность ополченцев огнестрельным оружием была значительно лучше. По имеющимся данным, около 77% ополченцев здесь были вооружены пиками и 23% - огнестрельным оружием/46/. Ратники же имений Люманда и Котланда (прихода Кихелконна) получали двойное вооружение: пики и секиры/47/. Относительно комплектования рядового состава ополчения больше всего сохранилось данных именно с острова Сааремаа - всего о 59 имениях и 484 ратниках/48/.

Списки ополченцев из Сааремаа, составленные по имениям, датированы январем-февралем 1807 г. (21.1. - 11.11.). Более 2/3 имений составили списки лишь в феврале. Из списка ратников можно получить ценные сведения об их возрасте, семейном положении, вооружении, обозно-вещевом и продовольственном снабжении и т.д./49/.

Средний возраст включенных в списки ополченцев здесь составлял 28,3 года, из них семейных было 28,6 % /50/. Для сравнения отметим, что средний возраст рекрутов, набранных в период с 1798 по 1805 гг., составлял 24,1 года и 13,4 % из них были семейные/51/. Следовательно, по сравнению с рекрутами в ополчение попали люди на 4 года старше, и среди них было значительно больше семейных.

О структуре ополчения можно получить наглядное представление на примере структуры Вырумааского ополчения. Из 8 приходов Вырумааского уезда во временное ополчение было набрано всего 2115 человек. Вырумааское ополчение состояло из 2 тысяч, 4-х полутысяч и 19 сотен. Наглядную картину об этом дает таблица 2.

Много данных о личном составе временного ополчения 1806 г. сохранилось и по Эстляндской губернии/53/.

Комплектование временного ополчения не было закончено в срок, так как помещики боялись очередного оттока рабочей силы и вооружения крестьян. О том, что опасения помещиков не были беспочвенными, свидетельствуют веские факты. Ю.Какк и Я. Конкс уже писали о планах крестьянина казенного имения Килинга Яака Вейкскула и его батрака Юхана повернуть оружие, предназначенное для ополченцев, против помещиков/54/. Аналогичные сообщения имеются и из Эстляндской губернии. В конце дека-

Таблица 2/52/
Структура Вырумааского временного ополчения

Приходы	К о л и ч е с т в о о п о л ч е н ц е в			
	В сотнях	Число сотен	В полу- тысячах	В ты- сячах
Пыльваский	303	3	548	
Ряпинаский	245	2		1107
Вастсели- наский	370	3	559	
Канепиский	189	2		
Рыгеский	368	3	515	
Харглаский	174	1		1008
Карулаский	154	2	493	
Урвастеский	339	3		

бря 1806 г. гагенрихтер из Алутагузе сообщил гражданскому губернатору Эстляндии о слухах, ходивших среди крестьян, будто бы они с радостью ждут прихода Наполеона Бонапарта, и тогда все освободятся от рабства и перейдут опять под шведскую корону. Крестьяне, мол, хорошо знают, что именно сделал Бонапарт в Пруссии, и поэтому готовы повернуть оружие против помещиков/55/. В январе 1807 г. гражданский губернатор Эстляндии донес центральным властям о таких слухах, однако добавил от себя, что ничего серьезного за этими слухами не скрывается/56/.

Возможность опасности, грозящей помещикам со стороны ополчения, видел и тогдашний ректор Тартуского университета Г.Фр. Паррот, который в конце декабря 1806 г. обратил к царю с соответствующим меморандумом/57/. Член ополченческого комитета тайный советник Н.Н. Новосильцев выразил такое мнение, что прибалтийские помещики бояться набора крестьян во временное ополчение и предпочитают внеочередной набор рекрутов/58/. И на самом деле, эстляндское рыцарство охотно согласилось бы на внеочередной рекрутский набор, вместо ополчения/59/. 24 декабря 1806 г. на ландтаге рыцарства Эстляндской губернии обсуждался вопрос о возможно более осторожном зондировании почвы по этому вопросу. Предводитель эстляндского рыцарства по пути в Петербург должен был захватить в Ригу, чтобы там посоветоваться с Лифляндским рыцарством. Как показали последующие события, эта затея эстляндского рыцарства не имела успеха/60/.

В Лифляндии К.Г. Зоннтаг уговаривал крестьян словами: " Ох, какие страшные вещи могут случиться с теми, которые

стали бы мятежниками. Разве вы мало слышали, как таких бунтовщиков из многих сел и целых городов в наказание выслали в далекую Россию и поселяли в пустые места..." /61/. Кстати, решением Сената от 13 февраля 1808г. был выслан в Сибирь вышеназванный Яак Вейскула/62/.

Ополчение в основном содержалось на средства, добровольно пожертвованные отдельными лицами, различными обществами и организациями. Во всей России в фонд ополчения поступило почти на 10 миллионов рублей зерна и различного другого продовольствия, одежды, различного рода вооружения и т.п./63/. Граф Орлов единолично пожертвовал 100 000 руб. и полностью вооружил кавалерийский полк. Московское купечество пожертвовало 1,2 млн. руб./64/. В Эстляндии и Лифляндии жертвования были значительно более скромными. В Эстляндии среди первых жертвователей были графиня Маннтейфель (2000 руб.) и барон фон Деллингсхаузен (10 000 руб. и 500 бочек ржи) /65/, позже к ним присоединился гражданский губернатор Лангелл -750 руб. и мн. др./66/. К февралю из Эстляндской губернии поступило 39 214 руб. 13 коп., к апрелю добавилось еще 15 726 руб./67/. Для потребностей ополчения были пожертвованы и различные предметы вооружения: 700 пик, более 600 ружей, 4700 ружийных замков, пистолеты, мечи, сабли, палаши, шпаги и т.д. Тут следует отметить, что большинство их было негодным /68/. Однако все это пожертвованное вооружение до 1822 г. хранилось при губернском правлении, а затем было распродано желающим. От этой распродажи было выручено 765 рублей/69/. В Лифляндской губернии к 31 декабря 1806 г. поступило 37 190 руб. пожертвований/70/. О добровольных жертвованиях гор.Риги подробно говорит Ю. Экардт /71/. В Лифляндии в списках жертвователей, кроме частных лиц, числилось еще около 60 различных обществ и организаций/72/.

В начале 1807 г. обстановка в районе военных действий сложилась для России довольно-таки благоприятно. Это дало возможность правительству начать сокращение временного ополчения. К тому же организация и содержание более чем 600 000 ополчения повлекли за собой ряд затруднений, а государство все больше стало испытывать экономические затруднения. Прямым поводом к сокращению состава временного ополчения послужило Прейсши-Эйлауское сражение, которое многим вселило надежду на окончательную победу России в этой войне.

Царским рескриптом от 9 марта и указом от 15 марта 1807 г. в России следовало образовать так называемое мобильное ополчение в составе 201 075 человек, куда Псковская губерния должна была отправить 5311 человек, Лифляндская - 4759, Курляндская - 3314 и Эстляндская - 1788 человек/73/. О сокращении временного ополчения почти на 2/3 Лифляндское губернское управление 22 марта 1807 г. сообщило таким образом: "...ополчение, которое так охотно и быстро собралось, по большей части нужно опять распустить по домам, к своему крестьянскому труду, и только одна треть должна остаться на службе внутри губернии"/74/. По сравнению с временным ополчением

в статусе ополченцев произошли резкие изменения. Ратники мобильного ополчения:

1) в целях военной подготовки были собраны: из Латвийского региона Лифляндской губернии - в гор. Рига, из южно-эстонского региона той же губернии - в гор. Тарту, и Эстляндской губернии - в гор. Таллине;

2) освобождались на время несения службы от крепостных повинностей и подушного налога;

3) могли быть оставлены на военную службу взамен на рекрутскую квитанцию, предъявленную помещиком (по сути могли быть зачислены в рекруты);

4) получали жалованье наравне с солдатами;

5) при малейшей возможности вооружались огнестрельным оружием/75/.

В Лифляндской губернии помещикам и волостным судьям было вменено в обязанность в течение 8 дней произвести отбор среди здоровых, сильных и, по возможности, умеющих обращаться с ружьем/76/. В Эстляндской губернии прием в мобильное ополчение начался 29 апреля специально созданной в Таллине комиссией/77/.

Экипировка каждого ратника мобильного ополчения одеждой, провиантом и вооружением обходилась в 20 руб. 45 коп., а всего на 1788 человек - 36 564 руб. 60 коп./78/.

Доставка ратников на места обучения проходила недостаточно оперативно/79/. Проблемой стало также дезертирство ратников. Лифляндское губернское правление обещало даже вознаграждение в 10 руб./80/ за каждого сбежавшего ополченца.

15 марта 1807 г. специальным указом была учреждена медаль для награждения ополченцев. На лицевой стороне медали был профиль Александра I и дата "1807", на обратной стороне - надпись "За веру и отечество". Для офицерского состава и начальствующего состава ополчения предназначалась золотая медаль, для рядового состава - серебряная/81/. Награждались в случае "...если тот или иной ратник участвовал в бою или сражении, то после того, как окончится война и он вернется на родину, то получит серебряную медаль с надписью "За веру и отечество"/82/. Командному составу ополчения Эстляндской губернии золотые медали были вручены в июне 1808 года/83/. Поскольку большая часть мобильного ополчения России, в том числе и Прибалтийских губерний, в боевых действиях не участвовала, то рядовому составу медалей вовсе не выдавали /84/. Здесь уместно отметить, что главнокомандующего ополчением второго округа А. Бекдешова за заслуги в организации набора ополчения 26 октября 1807 г. наградили орденом Владимира I степени/85/.

В связи с созданием мобильного ополчения в каждой губернии по мере надобности были созданы ополченские батальоны из 4-х или 6-ти рот/86/.

Тильзитский мир, заключенный между Россией и Францией в июле 1807 г., обусловил роспуск мобильного ополчения. Соответствующий указ был все же опубликован лишь 26 сентября 1807 г./87/. Этот указ дал право помещикам по своему усмотрению оставлять ополченцев на военной службе, повторяя тем самым положения указа от 15 марта

1807 г. Как известно, в царском манифесте от 30 ноября 1806 г. было дано обещание, что после роспуска ополчения все ратники вернутся в "прежнее состояние"/88/. Опираясь на этот указ, в Лифляндском губернском правлении всячески подчеркивалось ополченцам: "Вы не станете рекрутами, поскольку вы не лишаетесь ни волос, ни бороды..." /89/. Согласно указу 26 сентября помещикам и городским общинам надлежало выдавать соответствующие квитанции на всех оставленных на военной службе, а также погибших в боях либо от ран или болезней ополченцев. Такие квитанции реализовывались и при последующем наборе рекрутов. Здесь можно было послать на военную службу и тех ополченцев, которые не соответствовали нормам, требуемым для рекрутов/90/.

По всей России в мобильное ополчение было призвано 200 374 человека, из которых на постоянную военную службу оставлено 177 382 человека или 88,5%/91/. Эти данные по второму ополченческому округу представлены в таблице 3.

Таблица 3/92/

Количество ратников мобильного ополчения, оставленных на постоянную военную службу по второму ополченческому округу

Губернии	Количество ратников		Отданных в рекруты	
	Следовало набрать по указу от 15 марта 1807 г.	Было набрано	Количество	Процент отданных в рекруты
Псковская	5311	5207	4890	93,9
Лифляндская	4759	4750	3846	81,0
Курляндская	3314	3275	2761	84,3
Эстляндская	1788	1775	1655	93,2
В с е г о	15172	15007	13112	87,4

В Эстляндской губернии в рекруты были зачислены: из казенных и удельных крестьян - 100%, из 121 человека, принадлежавших к так наз. свободному сословию - 114 (94, 2%), из 1601 частного крестьянина - 1488 (92,9%)/93/.

Количество лиц, вернувшихся из мобильного ополчения, в Эстляндской губернии, по уездам показано в таблице 4.

Здесь необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что в число вернувшихся были включены и умершие и дезертиры. Особенно большим это число было по Лифляндской губернии, где с марта по сентябрь 1807 г. из 4750 ополченцев умерло 755 или 15,9%/95/. Следовательно, из мобильного ополчения в Лифляндской губернии вернулось лишь 149 ратников, т.е. в рекруты было отдано 96,9%

Таблица 4/94/

**Количество эстляндских ополченцев
вернувшихся из мобильного ополчения**

У е з д ы	Количество ополченцев, Из них вернулись набранных в мобильное	
	ополчение	Число Процент
Харьюмааский	602	52 8,6
Вирумааский	466	16 3,4
Ярвамааский	271	16 5,9
Ляэнемааский	436	36 8,2
В с е г о	1775	120 6,8

ополченцев. Таким образом, ни о каком роспуске ополчения не может быть и речи. Наоборот, из Лифляндской и Эстляндской губерний на действительную военную службу было оставлено примерно столько же людей, сколько по рекрутским наборам за весь период с 1797 по 1803 гг. вместе/96/.

Большинство ополченцев, отданных в рекруты, были направлены в регулярную армию (годные к строевой службе) или для пополнения гарнизонных полков. В кавалерию брали мужчин до 35-летнего возраста и ростом, по меньшей мере, 2 аршина и 7 вершков/97/. Из Эстляндской губернии этим требованиям соответствовало лишь 10 человек/98/. Кроме того, набранные в рекруты ополченцы посылались в губернские роты, в пожарную охрану, на строительство крепостей и т. д. Военной Коллегией всего по 51 крепости было разослано 14550 рекрутов из ополченцев, в том числе в Таллин - 200 человек и в Ригу - 300/99/. Две расквартированные в Таллине дивизии были пополнены ополченцами из Костромской губернии/100/.

Лифляндское губернское правление сообщило о роспуске мобильного ополчения 1 ноября 1807 г./101/. Тут же потребовали от помещиков дополнительное снаряжение для тех, кто был набран в рекруты (согласно предписаниям рекрутского набора). Это снаряжение в течение трех недель следовало направить в Ригу и Тарту, где выдавалась и соответствующая квитанция. Лифляндское дворянство вовсе не спешило выполнять это распоряжение, так как еще в 1808 г. губернское правление неоднократно извещало, что много квитанций еще не выкуплены в рекрутской комиссии/102/.

В течение 1808-1811 гг. можно было реализовать квитанции, полученные за отданных в рекруты ополченцев/103/. Эту возможность помещики широко использовали. Так, например, из имения Вана-Пылтсамаа из ополченцев в рекрутах оставлено 20 человек. В 1808 и 1809 гг. было реализовано 19 квитанций и в рекруты направлено лишь 2 человека/104/. В 1809 г. из Сааремаа должно было быть доставлено 160 рекрутов. На деле же было набрано лишь 29, за остальных предъявлены квитанции/105/. Эту возможность использовали и города. Город Валга, например, в октябре 1808 г. реализовал 5 квитанций/106/.

Ополчение 1806 - 1807 гг. оставило свой след и в истории культуры Эстонии. Для побуждения чувства патриотизма в ополченцах был выпущен целый ряд песен на эстонском языке, наиболее известные из них принадлежат Р. Винклеру/107/. С ополчением непосредственно связана история закрытия первой газеты на эстонском языке, поскольку распоряжение об этом поступило от Всероссийского ополченского комитета. История учреждения и закрытия газеты "Tartu maa rahwa Näddali-Leht" подробно освещена в истории литературы/108/. С закрытием газеты связаны и другие интересные факты. Так, например, гражданский губернатор Эстляндии ходатайствовал перед Министерством внутренних дел в начале января 1807 г., после того как поступило распоряжение о закрытии газеты, о разрешении сообщать на эстонском языке известия, касающиеся событий на фронтах военных действий, поскольку это должно было "оставлять хорошее представление у крестьян"/109/. По поводу закрытия газеты гражданский губернатор Эстляндии собрал всех книготорговцев, от которых он и получил брошюру М.Эверса, о положении крестьян Эстляндской и Лифляндской губерний. Ознакомившись с содержанием этой брошюры, он самолично изъял ее из продажи задолго до того, как поступило официальное ее запрещение/110/.

В заключение заметим, что 1806 - 1807 гг. были для Эстляндии и Лифляндии особенно тяжелыми. К неурожаю и голоду прибавились еще дополнительные повинности, связанные с антинаполеоновской войной. В 1806г. более жесткими стали нормы рекрутского набора: 5 человек из 500 ревизионных душ или примерно 3600 человек из обеих губерний/111/. Если сюда добавить 5500 бывших ополченцев, которые осенью 1807 г. также были набраны в рекруты, то видно, что менее, чем за год Эстляндская и Лифляндская губернии отдали в армию около 9100 человек. Тяжелым грузом легли на плечи крестьян разгонные повинности. Только Эстляндская губерния выставила с ноября 1806 г. по май 1807 г. 9350 подвод /112/. Поэтому вполне понятно, почему крестьяне между собой говорили "о военных невзгодах и их влиянии, которое это оказывает нашей стране, потому, что многих из нашего народа призывается в ополчение, а также о большом недостатке пищи среди сельских жителей, так что, как это видно - беда из года в год растет"/113/.

Литература и примечания

1. R.Helme. Liivimaa maakaitsevägi 1812. aasta Isamaasõjas.- ENSV TA Toim. OT, 1987, nr.1, lk.59-73.
2. Прибалтийские губернии оставались в стороне от формирования мобильного ополчения времен Крымской войны. И все же на базе Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерний в 1855-1856 гг. был сформирован батальон канонерских лодок. (См. Т. Tannberg. Nekrutikohustus ja maamiilits Balti kubermangudes: Diplomitöö.- Tartu, 1986, lk. 95-99.)
3. Fr. Bienemann. Der Dorpater Professor Georg Fried-

- rich Parrot und Kaiser Aleksander I. Reval, 1902. S. 269-270; A. Tobien. Die Agrargesetzgebung Livlands im 19 Jahrhundert. Bd. I. Berlin, 1899, S. 275-276.; J. Eckardt. Bürgerthum und Bureaukratie. Leipzig, 1870, s. 157-158.; H. Kruus. Eesti ajalugu kõige uue-
mal ajal. I osa. Tartu, 1927, lk. 58.; Eesti rahva ajalugu. III kd., Tartu, 1935, lk. 1484-1485.
4. Fr. Bienemann. Op. cit., S. 350-363.
  5. История Латвийской ССР.- Рига, 1952.-Т.1.- С. 476.
  6. См., например: J. Peegel. Tartu maa rahva Näddali - Leht. Ajakirjanduslooline veste. - Edasi, 6.III1986.
  7. Варядинов Н. История Министерства Внутренних дел. - Спб., 1858.-Ч.1- С. 153-156, 173-175; Михайловский - Данилевский А.И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. - Спб., 1846. - С. 52-55; Богданович М.И. История царствования императора Александра I.- Спб., 1869.-Ч.1.-С. 165-166; Военный энциклопедический лексикон. - Спб., 1855.-Т.УШ.- С. 663-664.
  8. Богданов Л.П. Русская армия в 1812 году.-М., 1979.- С. 79-85; Строков А.А. История военного искусства.- М., 1955.-Т. П. - С. 107, 134-135; Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года. -М., 1962.- С. 199.
  9. Ливчак Б. Ф. Народное ополчение в вооруженных силах России 1806-1856 гг. //Уч. зап. Свердл. юрид. ин-та. Серия "История государства и права".-1961.-Т. 4.- С. 34-52.
  10. Patente der livländischen Gouvernements-Regierungs. Riga, 1806-1807 (=Патент от...).Publikate der estländischen Gouvernements-Regierungs. Reval, 1806 (= Публикат от...).
  11. Neil Ehsti-Ma-rahwaddede Ria Gubernementi sees. Tar-to-Linnas, 1807.
  12. Там же, с. 4-5.
  13. ПСЗ (1), т. ХХ1Х, № 22374.
  14. Ливчак Б.Ф. Уч. соч., с. 36.
  15. ПСЗ (1), т. ХХ1Х, № 22380.
  16. Там же, № 22374.
  17. Там же, № 22405.
  18. Там же, № 22374.
  19. В 1783 г. Екатерина II утвердила А. Беклешова наместником в Риге.
  20. ЦГИА ЭССР, ф. 854, оп. 2, д. 685, л. 70-70 об.
  21. А. Tobien. Op. cit.-S. 275.
  22. ЦГИА ЭССР, ф. 854, оп. 2, д. 685, л. 82-88 об.
  23. Таблица составлена на основании материалов ЦГИА ЭССР, ф. 854, оп. 2, д. 685, л. 101 - 105 об.; ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, д. 365, л. 53-54, 84-86, эти списки не являются полными.
  24. См., например: ЦГИА ЭССР, ф. 854, оп. 2, д. 685, л. 85-86 и др.
  25. Там же, л. 72-72 об., 82. Среди освобожденных был и главнокомандующий Харьковского уезда граф Тизенхаузен.
  26. ЦГИА ЭССР, ф. 854, оп. 2, д. 685, л. 72.
  27. В Лифляндской губернии было предусмотрено 400 сотников, в Эстляндской - 160.

28. Патент от 26 февраля 1807 г.
29. ЦГИА ЭССР, ф. 854, оп. 2, д. 685, л. 86-89.
30. Там же, д. 686, л. 7.
31. Патент от 22 декабря 1806 г.
32. Публикат от 11 декабря 1806 г.; патент от 22 декабря 1806 г.
33. Уход в рекруты освобождал крестьянина от крепостной зависимости.
34. ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1., д. 365, л. 37-40.
35. Всего было 96 311 крестьян, среди них помещичьих - 91 543, удельных - 1 626, казенных - 1 491, пасторатных - 1 002, госпитальных - 634 и экономических крестьян - 15.
36. Всего 8018, из них так наз. свободных нижних чинов - 4648, мещан - 2660 и служащих - 710.
37. ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, д. 365, л. 37-38.
38. Там же, ф. 291, оп. 1, д. 2630, л. 1, 2-4.
39. Здесь к податным не относятся купцы, которые с 1 января 1807 г. были освобождены от всех податей.
40. Патент от 7 января 1807 г.
41. Там же, 27 января 1807 г.
42. Там же.
43. Там же, 28 января 1807 г.
44. В соответствии с этим ополченские подразделения во время учений разделялись на три-пять колонн, первая колонна была вооружена огнестрельным оружием, остальные - пиками, копьями и т.д.
45. Ливчак Б.Ф. Ук. соч., с. 44.
46. ЦГИА ЭССР, ф. 318, оп. 1, д. 168, л. 1-97.
47. Там же, л. 19-22.
48. Там же, л. 1-97.
49. К сожалению, списки не позволяют установить социальную принадлежность ополченцев.
50. По приходам в названных показателях имеются значительные различия. Средний возраст варьировал от 24,4 (Ансекулаский приход) до 36,9 (Пейде) года. С одной стороны, 55% ратников Пейдеского прихода были семьяными, в то же время, как в приходе Яани, в ополчение посылали лишь холостых мужчин.
51. ЦГИА ЭССР, ф. 318, оп. 1, д. 163-167.
52. Таблица составлена по материалам ЦГИА ЭССР, ф. 1392, оп. 1, д. 64, л. 33-34.
53. См., например: ЦГИА ЭССР, ф. 178, оп. 1, д. 4234, л. 33-34.
54. J Kahk. Rahutused ja reformid. Talupoegade klassivõitlus ja mõisnike agraarpoliitika Eestis XVIII ja XIX sajandi vahetusel (1790-1810). Tallinn, 1961, lk. 219-221. J. Konks. Eestimaa feodaal - pärisorjuslik põllumajandus ja talurahva olukord XVIII saj. lõpul ning XIX saj. 1. aastakümnel. - "TRÜ Toimetised", vihik 96. Tartu, 1960, lk. 254-255.
55. ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 7, д. 46, л. 32-34.
56. Там же, л. 35.
57. Fr. Bienemann. Op. cit., S. 350-354.
58. Ливчак Б.Ф. Ук. соч., с. 41-42.
59. ЦГИА ЭССР, ф. 854, оп. 2, д. 685, л. 97-98.

60. Внеочередной рекрутский набор 1812 г. в Эстляндской губернии позволил дворянству не формировать ополчения.
61. Neil Ehsti-Ma-rahwaddele... lk. 6.
62. J. Kahk. Op. cit., lk. 221.
63. Ливчак Б.Ф. Ук. соч., с. 43-44.
64. Dörptsche Zeitung, 9.I 1807.
65. ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, д. 365, л. 94.
66. Там же, д. 368, л. 76-77.
67. Там же, д. 367, л. 114.
68. Там же, д. 368, л. 152-153.
69. Там же, д. 4999, л. 1-4 об.
70. A. Tobien. Op. cit., S. 275.
71. J. Eckardt. Op. cit., S. 157-158.
72. Ливчак Б.Ф. Ук. соч., с. 43.
73. ПСЗ (1), т. XXIX, № 22446; патент от 22 марта 1807 г.
74. Патент от 22 марта 1807 г.
75. ПСЗ (1), т. XXIX, № 22446;
76. Патент от 22 марта 1807 г.
77. Revallsche Wöchentliche Nachrichten 22.IV 1807.
78. ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, д. 389, л. 14.
79. См. патенты: от 15 мая 1807 г., 21 мая 1807 г., 20 июля 1807 г. и др.
80. Revallsche Wöchentliche Nachrichten, 23.IX 1807, 30.IX 1807, патент от 20 июля 1807 г.
81. Кузнецов А. А. Ордена и медали России.-М., 1985.-С. 129.
82. Патент от 22 марта 1807 г.
83. ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, д. 369, л. 1-9.
84. Об участии ополчения в боях подробнее см.: Ливчак Б.Ф. Ук. соч., с. 47.
85. Санкт-Петербургский журнал.-1808.-№ 1.-С. 9-10.
86. Военный энциклопедический лексикон, т.УШ, с. 664.
87. ПСЗ (1), т. XXIX, № 22634.
88. Там же, № 22374.
89. Патент от 22 декабря 1806 г.
90. ПСЗ (1), т. XXIX, № 22634.
91. Ливчак Б.Ф. Ук. соч., с. 50-51.
92. Таблица создана на основе материала: ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, д. 368, л. 165.; Ливчак Б.Ф. Ук. соч., с. 50-51.
93. ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, д. 368, л. 165.
94. Таблица создана на основе источников, указанных в предыдущей сноске.
95. Ливчак Б.Ф. Ук. соч., с. 51. По России в целом этот показатель составлял 3,6%.
96. ЦГИА ЭССР, ф. 291, оп. 1, д. 2525, л. 1-2, 28-29; д. 2544, л. 43-44; E. Ella. Nekrutikohustustest Eestis (1796-1874): Diplomitöö.-Tartu, 1967, lk. 61.; Патент от 27 июля 1805 г.
97. ПСЗ (1), т. XXIX, № 22637.
98. ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, д. 367, л. 3.
99. Там же, л. 123-124. Считается, что этим была положена основа строительным частям в русской армии. (См.: Советская военная энциклопедия.-М., 1976.- Т. 11- С. 251.)

100. ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, д. 368, л. 67-68.
 101. Патент от 1 ноября 1807 г.
 102. Там же, от 28 февраля 1808 г. и др.
 103. Там же, от 30 октября 1808 г., 17 октября 1810 г.
 104. ЦГИА ЭССР, ф. 1348, оп. 2, д. 39, л. 1-2.
 105. ЦГИА ЭССР, ф. 318, оп. 1, д. 170, л. 2-5.
 106. ЦГИА ЭССР, ф. 1003, оп. 1, д. 808, л. 103.
 107. R.J. Winkler. Besti-ma Ma-wäe sõja-laulud. Tallinn, 1806.; Liwlandi-maa-Soldatite kui nemmad peaksid waenlase wasto söddima minnema. Tartu-Linnas, 1807.
 108. См.: J. Peegel. Besti ajakirjanduse algus (1766-1857). Tallinn, 1966.; J. Peegel. Tartu maa rahwa Näddali-leht. Ajakirjanduslooline veste.-Edasi, 5. 19. III 1986.; H. Vares. Uut ühe eestikeelse ajalehe saatusest.-Edasi, 25.V 1958.
 109. ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, д. 365, л. 106.
 110. Там же, л. 107-108.
 111. ЦГИА ЭССР, ф. 291, оп. 1, д. 2630, л. 2-4.
 112. ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, д. 389, л. 14.
 113. R. Põldmäe. Lisaandmeid Eesti talurahva elu kohta XVIII sajandil XIX sajandi esimesel poolel.- Eesti talurahva sotsiaalseid vaateid XIX sajandil. Tallinn, 1977, lk. 42.

DER LANDMILIZ IN ESTLAND UND LIVLAND IN DEN JAHREN 1806 - 1807

T. Tannberg

Zusammenfassung

Am 30. November 1806 wurde in Russland provisorische Landwehr¹ oder Miliz formiert, sie bestand aus 612 000 Männern, darunter 8 000 aus Estland und 20 000 aus Livland. Im März 1807 wurde die provisorische Landwehr in sog. Mobile Landmiliz reorganisiert. Bei der Miliz dienten weiter 1776 Männer aus Estland und 4750 aus Livland. Die Zusammensetzung der mobilen Miliz wurde während der Dienstzeit von allen Steuern befreit, Zentren für militärische Ausbildung waren Tallinn in Estland, Tartu und Riga in Livland. Am 26. September 1807 wurde die mobile Miliz offiziell aufgelöst, in der Wirklichkeit sollten die meisten Männer als Rekruten weiterdienen: 1655 (93,2%) aus Estland und 3846 (81%) aus Livland.

ПОЛОЖЕНИЕ ПРИБАЛТИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 Г.

Р. Хелме

Отечественная война 1812 г. была одним из величайших событий мировой истории, последствия которого ушли далеко за пределы одной эпохи. Выросшая из Французской буржуазной революции империя Наполеона столкнулась на пути завоеваний с многонациональной Россией. Это было уже не первое столкновение, позади - несчастные для России походы 1799, 1805, 1806 и 1807 гг.

Когда Наполеон начал подготовку к новой войне с Россией, ему подчинялась почти вся Европа. Его армия состояла кроме французов еще из подданных поработенных стран. Французский историк Ж. Кальметт считает, что в Великой армии 1812 г. было 356 000 французов и 322 000 чужеземцев/1/. Но и этого для Наполеона было мало. Его агентура собрала данные о настроениях населения пограничных губерний России/2/. В принадлежащей России Литве было задумано сразу после вторжения составить про-французское польско-литовское правительство и провести мобилизацию/3/. Находясь в Вильно, Наполеон приказал сформировать из литовцев 6 пехотных и один кавалерийский полк/4/. Даже наполеоновский посол в Варшаве, знаменитый аббат де Прадт писал, что "Наполеон видел в людях только снаряды, которые можно выпускать против своих врагов"/5/. Но мобилизация провалилась, и практически под знамена удалось собрать лишь несколько тысяч человек с невероятно низким боевым духом.

В июне-июле 1812 г., когда наполеоновские войска сделали только первые шаги в России, на польско-литовских территориях вспыхнуло довольно широкое антирусское движение. Правда, гегемоном движения являлся класс землевладельцев-магнатов (шляхта) под покровительством католической церкви, но сначала оно охватило и массы крестьянства. Французы, использовавшие движение в собственных интересах, скоро разочаровались в нем. Командир наступавшего через Литву на Прибалтику X корпуса маршал Макдональд сказал об инсургентах с презрением: "Взгляните на эти рожи: сами даже рубахи не имеют, а орут - да здравствует независимость"/6/. Из поляков и литовцев организовали конные отряды, вооруженные лишь копьями. Их можно было использовать разве что как разведчиков, в конвоях и патрулях, но они были крайне недисциплинированными, стали бесчинствовать и уже 28 июня (10 июля) по инструкциям главной квартиры Наполеона Макдональд запретил вооружение населения и распространение мятежной

пропаганды в стране/7/. Все же передвижение неприятельских колонн причиняло все новые и новые вспышки инсurreкции. Князь-епископ Самогитский Зандрович торжественно отрекся от присяги на верность царю Александру, неприятельским офицерам был устроен пышный бал в Тельше/8/.

Русскому командованию это движение причинило много тревог. Рижский генерал-губернатор фон Эссен 30 июня (12 июля) признался, что "в Самогитии все обыватели в возмущении и они вредят более разездам нашим, чем сам неприятель. Мне больно не иметь способа наказать оных"/9/. В местечке Кровель польские мятежники убили казачьего хорунжего и одного казака и ранили другого хорунжего. Один из руководителей бунтовщиков, шляхтич был взят казаками и доставлен в Ригу, где Эссен угрожал ему смертью/10/. О кипучей деятельности инсургентов писал Эссен царю и позже/11/.

Если шляхта и католическая церковь поддерживали Наполеона до конца войны, то восторг крестьянства скоро угас. Вместо желанного освобождения пришел оккупационный режим, заинтересованный лишь в экономических ресурсах страны. Французы даже не скрывали своих целей/12/. Никакие реформы в пользу крестьянства не были предприняты. В объявлении Временного правительства Литовского княжества было сказано, что "все крестьяне и вообще сельские жители обязаны повиноваться помещикам, владельцам и арендаторам имений или лицам, их заступающим"/13/. Вполне логично, что со сходным объявлением выступил в Курляндии командующий прусских оккупационных войск генерал фон Граверт. В частности, в его "Публикации" сказано: "Среди сельских жителей здешней провинции стало распространяться ложное мнение, будто бы наступившее военное положение и присутствие прусских войск должно избавить поселян от обязанностей по отношению к их помещикам. Чтобы опровергнуть это ложное мнение, я им объявляю, что впредь до высшего приказа не предполагается никакой перемены как в устройстве означенной провинции, так и в отношениях между господами и подчиненными, и что прусский корпус не только не нарушит таковые, а напротив, будет энергично поддерживать эти отношения, а равно и порядок, и строго наказывать всякого, позволяющего себе их нарушение"/14/. Угрозы пруссаков действовали.

Рижский историк С.Н.Сивицкий писал с явным удовольствием: "Ввиду национального различия между отдельными классами населения не могло быть и речи о народном движении и о партизанской войне"/15/. Однако такое заявление слишком категоричное.

Конечно, события в Прибалтике развивались не так бурно, как в Литве или в русских областях. Проследив историю крестьянских волнений в Лифляндии в течение всей эпохи французской революции и наполеоновских войн, акад. Ю.Кахк пришел к верному выводу, что "в течение прошедших с 1807 года пяти лет французская революция потеряла свое прямое влияние на крестьян Лифляндской и Эстляндской губерний"/16/. Все же баварцы, поляки и

пруссаки наполеоновского X-го корпуса часто принимались населением довольно радушно, которое затем очень быстро разочаровывалось во мнимых освободителях. Современник, рижский пастор и литератор К. Л. Граве рассказывал об одном случае, когда собравшиеся в кабаке крестьяне предлагали вражеским солдатам вместе уничтожить старый помещичий строй. Но хозяин, который взялся за перевод, передал офицеру, что мужики проклинают и угрожают всем пруссакам, баварцам и полякам. На это офицер сказал, что в таком случае пусть все останется по-старому, и что они не станут помогать латышам против помещиков. Граве писал, что без такого "храброго и умного переводчика" многие дворяне потеряли бы свою жизнь и собственность /17/.

Широкой организованной вооруженной крестьянской борьбы против неприятеля в Прибалтике не вспыхнуло. Поступок барона фон Будберга, который со своими вооруженными дворовыми разбил шайку мародеров у Вейсензее (Балта), нашел в глазах прусского командования понимание и не имел национально-освободительного характера/18/. Ничем не подтверждена приведенная в академическом издании Латвийской истории ссылка на то, как будто пруссаки потеряли в борьбе с партизанами 600 человек, и что в Тирульских болотах был уничтожен целый эскадрон прусских черных гусар/19/. Изучивший эти проблемы прибалтийский историк Я. Юшкевич убедительно доказывает, что речь могла идти лишь о малочисленном кавалерийском пикете, а "подвиг" был позже преувеличен/20/.

Что касается крестьянского освободительного движения, то до открытой борьбы дело почти не дошло. Есть данные о том, что придвинские крестьяне именей Кокенхузен (Кокнесе) и Штокмансхофа (Стукману) боролись с отрядами вражеских фуражиров/21/. Были случаи, когда дворяне и крестьяне прятали раненых русских бойцов и доставляли их в Ригу, распространяли листовки, собирали сведения о неприятеле и помогали русским войскам транспортом или проводниками/22/. Сохранился интересный документ, просительное письмо крестьянина подрижского острова Дален (Доле) Пэтера Казика, в котором он, указывая на разного рода патриотические подвиги, испрашивает себе серебряной медали/23/.

В оккупированной Курляндии образовались некоторые "разбойничьи шайки", боровшиеся в основном против собственных помещиков и продолжавшие свои акции еще после войны 1812 г./24/.

На севере от Двины, в Лифляндии, приближение неприятеля вызвало несколько вспышек крестьянских волнений. Верроский орднунгсрихтер писал уже 8 (20) июля генерал-губернатору, что "одни боятся неприятеля, а другие наоборот, а в худшем случае они даже собираются отомстить своим господам. Хотя это последнее кажется лишь искрой под пеплом и, действуя осторожно и соответствующе положению, оно может быть полицейскими мерами легко подавлено"/25/. Несмотря на всю "осторожность" помещиков, состоялись некоторые довольно серьезные выступления крестьян в имениях Алт-Пигаст (Вана-Пийгасте), Сегевольд

(Сигульда), Трайден (Турайда), Кремон (Кримульда) и Оденкоех в Лифляндии/26/. Из страха перед нашествием врага, а также чтобы избежать попадания в рекруты или ратники, многие крестьяне бежали и скрывались в лесах: в имениях Войдома (Выйдумяэ), Грос-Кэпо (Кыпу), Вастемойс (Вастеемыйза), Пуйат (Пуйату), Хелленорм (Хелленурме)/27/. Очень часто лифляндские крестьяне прятали свои ценности и готовились покинуть дома/28/.

Помещики и местные власти неоккупированной неприязнелю Прибалтики стали требовать войска для поддержки внутреннего порядка/29/. Но свободных войск оказалось очень мало. Генерал-губернатор фон Эссен решил направить офицера с 40 солдатами только в распоряжение верховского ордунгсрихтера/30/. Наверно, положение там казалось самым ненадежным. Начальство считало ситуацию столь опасной, что спешно преобразило всю внутреннюю охрану, которую возглавил генерал-лейтенант Бриземан фон Неттиг в Дерпте/31/.

В стране панику распространяли еще и беженцы из Риги и из оккупированной территории. Она достигла даже центральной части Эстонии, охватывая население под Обер-Паленом (Пылтсамаа) и Вейсенштейном (Пайде)/32/.

Но с уверенностью можно сказать, что стихийные волнения крестьянства не имели большого значения наряду с реальной поддержкой армии и правительства, оказываемой Прибалтийским губерниям во время войны.

Еще до войны в городах Лифляндии и Эстляндии были подготовлены госпитали для 2 580 больных. С началом войны были устроены в спешке временные лазареты (особенно в Риге). Надобность в новых лечебницах возросла осенью. 1 (13) ноября командование дало распоряжение лифляндской Ландрат-коллегии о создании лазаретов в Валке (на 100 мест) и где-то между Пернов и Аренсбургом (на 900 мест)/33/. В начале 1813 г. в Валке надо было еще дополнительно оборудовать помещения для больных Русско-немецкого легиона/34/. Непредвиденную перегрузку в тыловых лечебницах причиняли проходящие войска. Особенно тяжелым оказалось положение в Вольмаре (Валмиера). В тесные помещения нельзя было вместить больных, которых в городе оставляли проходящие войска/35/. Понадобился новый лазарет на 130 мест. Патристически настроенный купец Бобилев предложил свой дом под новую лечебницу. Все же условия не удовлетворяли военных. Командир проходящей осенью через Вольмар колонны полковник Ридингер даже угрожал бургомистрам ссылкой в Сибирь/36/.

Большой военный госпиталь находился при Дерптском университете. Профессорами и студентами было вылечено всего 1 610 чел./37/. Временный госпиталь размещался еще в доме фон Бока. Интересно, что младшим хирургом там работал крепостной крестьянин эстонец Якоб (Яак) Рейц/38/. Университет поддержал войска отправкой еще 25 студентов старших курсов медицинского факультета в распоряжение рижских госпиталей. В их числе находился известный в будущем К.Э. фон Бэр/39/. Всего во время Отечественной войны в разных лечебницах работало 85

медиков Дерптского университета/40/.

Для лучшего лечения болеющих тифом свои знания предложили дерптские профессора Паррот и Бурдах. Но в вопросе о лечении больных укусом их мнения разошлись и на страницах рижской газеты вспыхнула жаркая дискуссия /41/. При этом интересно заметить, что на верной позиции оказался проф. Бурдах, который убедительно иллюстрировал свою статью примерами из практики.

В Дерпте лечились в основном больные и раненые из-под Полоцка. Много больных оставили проходящие через город войска и пленные. В декабре 1812 г. и в январе 1813 г. лифляндские госпитали стали принимать раненых и больных из Литвы, Польши и Восточной Пруссии. Срочно были расширены лазареты в Митаве (Елгава) и других городах/42/. Дерпт принял 26 декабря 1812 г. (7 января 1813 г.) 235 чел., а Рига в то же время - 2 800 больных и раненых/43/. Для обеспечения выздоравливающих всем необходимым патриотически настроенные горожане предпринимали сборы добровольных пожертвований. В Дерпте их принимал полицмейстер фон Гесинский. За счет этих сумм было улучшено питание больных и каждому выздоровевшему давали по рублю/44/.

В ноябре по инициативе местного литературно-практического общества рижане стали из сумм добровольных пожертвований выдавать раненым ежедневно до 180 бутылок вина и устроили им дополнительное кормление мясным супом/45/. Со временем мероприятия общества расширились. Уже в середине ноября по старому стилю можно было выдавать еженедельно несколько сот порций супа, вина, пива и табака/46/. Подводя в августе 1813 г. итоги своей деятельности, общество объявило, что начиная с 17 (19) ноября 1812 г. по 30 января (12 февраля) 1813г собрано 15 000 рублей ассигнациями/47/, кроме того, поступило много пожертвований натурой. С помощью 47 активных граждан в разных госпиталях роздано по 1-3 раза в неделю супа (всего 5 324 порции) раненым, количество которых определялось от 434 до 577 чел. Кроме того, выдано 302 бутылки вина, 48,5 бочки пива и 12 ящиков табака/48/. Оставшиеся 1 800 рублей были переданы в распоряжение губернатора, который употребил их частью для раненых, частью для школы солдатских сирот/49/.

Патриотические сборы средств были устроены для помощи жителям сожженных рижских форштадтов. Всего было собрано около 130 000 рублей/50/. Из казенных магазинов нуждающимся распределяли муку (2 920 четвертей), пекари Риги пекли даром хлеба/51/. Многие семьи получили денежные пособия, жители Лифляндии и Эстляндии посылали рижанам ткани, белье, одежду и т.д./52/. В С-Петербурге организовали общество, которое собрало и прислало для раздачи погорельцам 300 000 рублей. После войны государство определило 1 500 000 рублей беспроцентного займа для постройки новых домов/53/. Но в первое время положение в Риге оставалось тяжелым. Скопление большого количества войск и людей не позволяло положить предел болезням. Поэтому смертность среди горожан была гораздо выше обычной. Всего в течение 1812г.

смертных случаев в городе и в предместьях отмечалось на 467 больше, чем рождений/54/.

Добровольные пожертвования составили лишь меньшую часть экономической поддержки, оказываемой Прибалтийскими губерниями государству и армии во время войны 1812 г. Теперь уже трудно установить размеры затраченных для блага государства средств. Данные об эксплуатации экономических сил Прибалтийских губерний суммированы еще в XIX в. чиновниками дворянства и позже повторены в исследованиях и публикациях. Необходимо учесть, что составители сводок, помещики, были заинтересованы в представлении своих патриотических заслуг как можно в лучшем свете. А проверить эти сводки невозможно. Авторы их утверждают, что основные показатели соответствуют официально установленным ценам 1812 г. Но из государственных цен, как известно, можно было выбирать среди наивысшей, средней и низшей. Позже сводки баронов часто попадали под критику, но убедительно их опровергнуть не удалось/55/. Поэтому мы должны также пользоваться ими как исходными данными/56/.

Курляндская губерния доставила накануне войны и в ее первые дни в военные магазины провианта на сумму 924 327 рублей, а непосредственно на пропитание войск продовольствия на 111 083 рубля и кроме этого лошадей для артиллерии на сумму 74 140 руб. Всего на армию было истрачено 1 109 470 рублей. Но дополнительно из местных средств был составлен подвижной магазин из 638 подвод, для которого задействовали еще 1 330 лошадей и 675 чел. прислуги. В порядке реквизиций на дорогах курсировали по меньшей мере около 25 000 подвод, которым приходилось иногда ездить за 300-500 верст. Масса повозок, большая часть лошадей, а также многие люди не вернулись домой.

С другой стороны, страну разоряли оккупанты. Наряду с ежедневными реквизициями неприятель наложил на Курляндию контрибуцию(!) на 2 000 000 рублей/57/. Так как таких денег в Курляндии невозможно было найти, то собирали драгоценности, серебряную посуду и пр. Даже в дворянских домах вошли в употребление деревянные ложки. Неприятелю удалось собрать только 1,2 млн. рублей. В стране остро ощущалась нехватка продуктов, особенно соли/58/. Оккупанты грубо и беспощадно обращались с латышскими крестьянами, вынужденными служить в неприятельских обозах, многие из них погибли.

О Лифляндской губернии бароном Х.Г.Т. фон Хагемейстером представлены следующие данные:

Провиант и иждивение войск	700.243 руб. 49коп.
Фураж	96.108
Лошади и подводы для артиллерии	746.179
Крепостные работы	171.451
Иждивение рекрутов и пленных	768.747 56
Усиление почтовых станций	49.840 35,5
Формирование ополчения	563.780 94

ИТОГО

3.095.364 руб. 34,5
коп.

К экономическим жертвам Лифляндии надо еще присовокупить истраченные на транспорт войск, на исправление дорог и мостов 186.000 конных и 125.000 пеших рабочих дней. Часть Лифляндии пострадала от военных действий. Наибольшей потерей, которую можно выразить в цифрах, явилось сожжение рижских форштадтов в июле 1812 г., когда командование ошибочно посчитало, что неприятель начнет осадные действия. По скромным подсчетам ущерб достигал 16 821 543 руб. 26,5 коп./60/.

Из Эстляндской губернии поступило в качестве добровольных пожертвований денег 13 010 рублей, хлеба на 146.687 рублей, 200 быков (16 080 руб.), лошадей для артиллерии на сумму 39 690 руб. На крепостных работах в Риге, Нарве и Таллине были использованы рабочая сила и подводы на 57 577 руб. Эстляндское рыцарство выделило на экипировку и жалованье для 20 офицеров 14 500 рублей и столько же на 1813 г. Подвод было отдано на 290 758 руб. Всего экономическая поддержка составила 593 902 руб. ассигнациями.

Если добровольные жертвования и уход за ранеными пришлись на долю горожан, мещан и интеллигенции, то обеспечение армии, самой главной живой силы, легло на плечи крестьянства, а пополнение офицерами - дворянства.

В период 1811-1815 гг. Эстляндская губерния выставила 5 420 рекрутов (в т. ч. 3 604 в 1812 г.)/61/. Из Лифляндии было взято 3 640 чел. в 1812 г. и 2 276 чел. в 1814 г./62/. Полную норму 1812 и 1813 гг. Лифляндия ввиду боевых действий не выполнила. Она была частично заменена призывом около 2 100 ополченцев, 200 матросов, 200 охотников, а остальное количество призываемых было отложено/63/. Всего вместе с еще около 300 добровольцами Лифляндия выставила почти 9 000 чел. Поэтому не случайно количество крестьян мужского пола в Лифляндии и Эстляндии в период 1811-1815 гг. претерпело абсолютное уменьшение/64/.

Большая часть эстонских и латышских рекрутов была направлена в Ригу и в корпус гр. Витгенштейна, который действовал под Полоцком, а позже на Березине и в Восточной Пруссии/65/. Списки выздоровивших бойцов Псковского, Островского и Хольмского госпиталей содержат много имен эстонцев и латышей/66/. Многие эстонцы оказывались истинными героями. Приведем некоторые примеры.

В батальоне Капорского полка сражался рядовой Петр Анц, который под Данцигом заслужил награду/67/. В боях под Ригой участвовал рядовой 4-го егерского полка Якоб Пунцель, награжденный в 1813 г. за храбрость/68/.

В стычке 8 (20) сентября с пруссаками рядовому 5-го егерского полка Югану Индрику удалось взять какой-то знаменообразный прусский флаг (в источниках даже "французское батальонное знамя"). Преследуя противника, он спрятав его в свой кивер, но позже сам попал в плен. Когда в начале 1813 г. русскими войсками была взята крепость Пиллау (Балтийск Калининградской области), то среди освобожденных находился и Юган Индрик,

который передал начальству свой трофей и был представлен М.И.Кутузовым к награде/69/. Нельзя предполагать, что речь идет о боевом знамени, так как достоверные источники не говорят о потере ни одного знамени Прусским корпусом. Может быть это был т. н. фаньон, сигнальный флажок, или какой-нибудь знак квартиреров (на которых тоже были вышиты номера военной части). Генерал С.Андоленко верно пишет, что во время войны пытаются все что угодно представить начальству в качестве трофейных знамен/70/. Простой неграмотный рядовой, конечно, не мог разобраться во всех этих финесах, но это не обесценивает его подвига/71/.

В то же время удалось освободить из плена рядового Навагинского полка Юрия Матиса, который продолжил свою безупречную службу в артиллерии/72/.

В сражении 10 (22) августа под Белым (корпус Витгенштейна) отличился и за храбрость был представлен к награждению Знаком отличия Военного ордена барабанщик Мартин Индрик/73/.

В сражениях под Бауске (Бауска, ЛатвССР) отличились бойцы Азовского полка Адам Индрик и Юган Юган, позже награжденные за храбрость на Березине/74/.

Великую поддержку русской армии Прибалтийские губернии оказали выставлением большого количества боевых офицеров. По разным подсчетам число их доходило до 800 человек/75/. Среди них были фигуры первостепенной важности, как Барклай де Толли, Толь, Багвут, Остен-Сакен, Ламберт, Корфф, Крейц, П.фон дер Пален, К.фон Сиверс. Кроме корпусных командиров, из прибалтийцев происходили многие дивизионные и бригадные начальники, квартирмейстеры, командиры полков и партизанских отрядов. В войсках Прибалтийского театра военных действий прибалтийские немцы составляли преобладающее число среди высшего командования. Г. фон Врангель не скрывает удовольствия, резюмируя, что в течение 1812 г. 30 прибалтийских офицеров были награждены орденом св. Георгия, в т.ч. Барклай де Толли 11-ой, генералы фон Левиз оф Менар, Гарпе, Гельфрейх, Ридигер и лр. 3-ей степени /76/.

В действующую армию направлялись студенты военных наук Дерптского университета (27 человек, в т. ч. и будущий генерал-фельдмаршал граф фон Берг) и их профессор, майор фон Эльснер/77/.

Вообще в ходе Отечественной войны 1812 г. прибалтийское дворянство ярко продемонстрировало свою верность русскому престолу, видя в нем надежную опору своим привилегиям. Важно заметить, что прибалтийские немцы, офицеры русской армии, как правило, были грамотными и образованными командирами, притом еще полноправными представителями русского военного искусства /78/.

Подводя итоги, можно сказать, что неохваченные боевыми действиями территории России, в т.ч. Эстония, жили все же на суровом военном положении. Опасность вражеского нашествия, и в особенности ежедневные потребности действующей армии оставили глубокий след на всей

экономической и духовной жизни. Перегруженные войсками, курьерами, военнопленными и обозами дороги и населенные пункты, реквизиции и многочисленные дополнительные обязанности вывели жизнь из обычного ритма. Но самым важным вкладом прибалтийских народов в победу было жертвование тысяч людских жизней в борьбе с захватчиками, и позже за освобождение Европы.

Литература и примечания

1. J.Calmette. Napoléon Ier. Paris, 1952, p.265.
2. Центральный государственный военно-исторический архив СССР (далее:ЦГВИА), ф. военно-ученого архива (далее: ВУА), д. 3602, л.3-3 об.
3. Mémoires du général Dirk van Hogendorp. La Haye,1887, p.310.
4. A.Alison. History of Europe from the Commencement of the French Revolution in M.DCC.LXXIX to the Restoration of the Bourbons in M.DCCC.XV.V.8.Paris, 1841, p.336
5. Цит. по: Лависс и Рамбо. История XIX века. -М., 1938, -Т.П.-С.41.
6. J.G. Droysen. Das Leben des Feldmarschalls Grafen York von Wartenburg. Bd.I. Berlin, 1851, S.356.
- 7-8 General-Major v. Seydlitz. Tagebuch des Königlich Preußischen Armeekorps unter Befehl des General-Lieutenants von York im 1812. Der Feldzug in Kurland nach den Tagebüchern und Briefen des Lieutenants Julius von Hartwich. Hrsg. v. R. v. Schoeler. Berlin, 1910, S.43.
9. Отечественная война 1812 года: Материалы военно-ученого архива. -Спб.:Издание Генерального штаба, 1910. -Т. XIII.-С. 371 (далее:Мат.ВУА).
10. Там же, с. 334.
11. Там же, т. XIV, с. 60, ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3516, л. 8-8 об.
12. Correspondance de l'Empereur Napoléon Ier publiée par ordre de l'Empereur Napoléon III et suivie des oeuvres de Sainte-Hélène. T.XXII. Paris, 1865, Nr. 18936 (далее: Correspondance, Nr.).
13. Сборник императорского Русского исторического общества (РИО), т. 128, с. 150-151.
14. Eesti NSV ajaloo lugemik. I kd. Tln., 1960, lk. 339; о положении курляндского населения см. подробнее: H. Strods. Latvija 1812. gada kara laikā. -- Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis. 1987, Nr. 4, 48-59 lpp.
15. Сивицкий С.Н. Отечественная война в Прибалтийском крае: 1812-1912.-Рига, 1912.-С.192.
16. J.Kahk. Rahutused ja reformid. Talupoegade klassivõitlus ja mõisnike agraarpoliitika Eestis XVIII ja XIX sajandi vahetusel (1790-1810). Tln., 1961, lk. 224.
17. /K.L. Grave/. Skizzen zu einer Geschichte der Ru-bisch-Französischen Kriegeres im Jahr 1812. Lpz., 1814, S.63-64 (далее:Skizzen).

18. Сборник РИО, т.133, с.246-247.
19. История Латвийской ССР.-Рига, 1962.-Т.1:С древнейших времен до 1860 года.-С.470.Это мнение поддержано во многих позднейших статьях.
20. J. Juszkiewicz. Die Sage von der Vernichtung des preussischen Schwarzen Husarenregiments im Tyrolmoore bei Olai. - Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1910. Riga, 1911, S.143 -146.
21. Skizzen, S.62-63; "Rigaische Stadt-Blätter", 1812, Nr. 31, 30.VII, S.270.
22. Сборник РИО, т.133, с.244-247.
23. Центральный государственный исторический архив Латвийской ССР (далее: ЦГИА Латв. ССР), ф. 7363, оп. 1, д.68, л.1-1об.
24. -f. Ein kurländischer Räuberhauptmann in den Jahren 1813 und 1814. --Illustrierte Beilage der Rigascher Rundschau. Aug. 1902, Nr.8, S.63.
25. J.Kahk. Op. cit., lk.223.
26. Центральный государственный исторический архив ЭССР (далее: ЦГИА ЭССР), ф.950, оп.1, д.19, л.120; ЦГИА Латв. ССР, ф.3, оп.5, д.580, л.4, 7об.
27. ЦГИА Латв. ССР, ф.3, оп.5, д.580, л.7, 11, 12; ЦГИА, ф.16000, оп.1, д.430, ч.1, л.123, 131об., 134об.-135 и т.д.
28. ЦГИА Латв. ССР, ф.3, оп.5, д.580, л.10, 12; семейное предание крестьянина б. Кыргепалусского (Гоенгейдеского) имения Вырусского уезда Пауля Кыйва. Беседа с П. Кыйвом 13 сент. 1980 г.
29. ЦГИА Латв. ССР, ф.3, оп.5, д.580, л.4, 7об.; ЦГИА ЭССР ф.291, оп.1, д.2836, л.2.
30. ЦГИА Латв. ССР, ф.3, оп.5, д.580, л.16-16об., 18.
31. Там же, л.19, ЦГИА ЭССР, ф.291, оп.1, д.2803.
32. ЦГИА ЭССР, ф.2471, оп.1, д.77, л.74, J.Kahk. Op. cit., lk.223; S.v. Vegesack. Vorfahren und Nachkommen. Auszeichnungen aus einer altlivländischen Brieflade. 1689-1887. Neilronn, /1961/, S.198 ff.
33. ЦГИА ЭССР, ф.291, оп.1, д.2825, л.5.
34. Там же, ф.1003, оп.1, д.124, л.5об.
35. ЦГИА Латв. ССР, ф.3, оп.4, д.245, л.2-2об., 3, 4-5.
36. Там же, л.9-10.
37. Tartu ajalugu. Tln., 1980, lk. 131.
38. Samas.
39. Академик К.М. Бэр: Автобиография.-(М.), 1950.-С.153-157.
40. R. Hausmann. Aus den Jugendjahren von Karl Ernst von Baer. Briefe von K.E.v. Baer an Ed. Aßmuth. Riga, 1909 S.48.
41. "Rigaische Stadt-Blätter", 1812, Nr.43, 44, 47u. and; Beilagen.
42. ЦГИА ЭССР, ф.291, оп.1, д.2825, л.8.
43. Там же, л.9-10.
44. ЦГИА Латв. ССР, ф.3, оп.4, д.245, л.2 и сл., "Dörptsche Zeitung", 25. VIII 1812, Nr.68.
45. "Rigaische Stadt-Blätter", 1812, Nr.46, 12.XI, S393-394.

46. Ibid., Nr.47, 19.XI, S.401-402.
47. Skizzen, S.127.
48. "Rigaische Stadt-Blätter", 1813, Nr.31, 5.VIII, S.241-245.
49. Ibid., Nr.44, 4.XI, S.345.
50. Skizzen, S.120; Сивицкий С. Н. Указ. соч., с.144.
51. Сивицкий С. Н. Указ. соч., с.144.
52. Skizzen, S.119-121.
53. Сивицкий С. Н. Указ. соч., с.145.
54. "Rigaische Stadt-Blätter", 1813, Nr.3, 21.I, S.17.
55. Курляндские "действия" в 1812 г.: (Историко-политический очерк). -Спб., 1908.
56. Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, ф.152, оп.1, д. 294; Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки Латв. ССР, ф.4, оп.2, д.12, л.1, 2-2об., Богданович М. Указ. соч., т.П, с.73; Курляндские "действия" в 1812 г., "Das Inland", 1837, Nr.42, Sp. 698-702; Fr. Bienemann. 1812. Baltische Erinnerungsblätter. Riga, 1912, S.278-279.
Все суммы здесь и далее в ассигнациях.
57. Correspondance, Nr.19082.
58. Ulrich Baron v. Schlippenbach. Beyträge zur Geschichte des Krieges zwischen Rußland und Frankreich in den Jahren 1812 und 1813. Heft I. Mitau, 1813, S.22, 32.
59. J.v. Hartwich. Op. cit., S.61.
60. Сивицкий С.Н. Указ. соч., с.144.
61. E.Ella. Nekrutikohustusest Eestis (1796-1874). Diplomitöö, Tartu, 1967 (рукопись на кафедре истории СССР ТГУ), lk.61, S.Vahtre. Eestimaa talurahvas hingeloendite andmeil (1782-1858). Ajaloolis-demograafilise uurimus. Tln., 1973, lk.205.
62. Fr. Bienemann. Op. cit., S.278-279.
63. Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной е.и.в. канцелярии.-Спб., 1889.-Вып. П.-С.172; Спб., 1890.-Вып.Ш.-С.12 (далее: Сборник исторических материалов), Бумаги, относящиеся к Отечественной войне 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным.-М., 1908.-Ч.1Х.-С.148 (далее: Бумаги Щукина), подробнее о Лифляндии см.:Т. Arumäe. Nekrutivõtmine Tartu maakonnas 19.saj. I poolel. Diplomitöö. Tartu, 1985(рукопись на кафедре всеобщ. истории ТГУ).
64. Т. Arumäe. Op. cit., lk.52-54, 67-68; S. Vahtre. Op. cit., lk.144, 155.
65. ЦГВИА, ф.ВУА, ф.412, д.82, л.2; Сборник исторических материалов.-Спб., 1876.-Вып.1.-С.55; вып.П, с.189, 259.
66. ЦГВИА, ф.103, оп.209д, св.7, д.Д, л.301-302об., 328-345, 449-502.
67. Мартынов А. И. Краткая история 4-го пехотного Капорского бывшего е.в. короля Саксонского полка: 1803 - 1903.-Спб., 1903.-Прил. 4.-С.288 (крест № 18561).
68. Вахрушев Н.Н. История 101-го пехотного Пермского полка: 1788-1897.-Спб., 1897.-С.155-158(крест №29427).
69. ЦГВИА, ф.103, оп.208в, св.44, д.1, л.24-24об.; св45,

- д.2, л.161; Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии: Сб. документов.-М., 1964.-С.70.
70. Gèn.(C.R.) Andolenko. Aigles de Napoléon contre drapeaux du Tsar. 1799, 1805-1807, 1812-1814 (Drapeaux russe, conquis par les Français, emblèmes français pris par les russes). Paris, 1969, p. 207, 234.
71. Того же мнения придерживается специалист по знаменам, ст. научный сотр. Государственного Эрмитажа к. и. н. Г.В. Вилинбахов. Беседа с Г.В. Вилинбаховым 29 февраля 1984 г.
72. ЦГВИА, ф.103, оп.208 в, св.45, д.2, л.19.
73. Там же, оп.208а, св.0, д.107, ч.1, л.126об., 131.
74. Там же, оп.208в, св.52, д.1, л.46об.
75. F. Bienemann/. Liv-, Kur-, Estländer als Offiziere in den Kriegen 1812-1815. - "Baltische Monatsschrift", 1912, Heft 7/8, S.35-69; Baron Georges Wrangell. Baltische Offiziere im Feldzuge von 1812. Reval, 1912; предпочитаем дополненное издание: Врангель Г. Балтийские офицеры в походе 1812 года.-Ревель, 1913.
76. Врангель Г. Указ. соч., с.69. Названы офицеры из рижских войск и из корпуса гр. Витгенштейна. Речь идет о высшей военной награде России, которой награждались чрезвычайно редко: в 1812-1814 гг. П - ую степень получили 24 русских офицера, Ш-ю - 33 и Ю-ую - 491; Дуров В. Русские боевые награды эпохи Отечественной войны 1812 года// Герои 1812 года/ Сост. В. Левченко.-М.,1987.-С.570. Награжденный получал определенные привилегии.
77. R. Helme, V. Tamul. Sõjateaduste õpetamisest Tartu ülikoolis 1802-1830. - "Tartu Riiklik Ülikool", 1980, nr.3 ja 5; F. Bienemann/. Op. cit.
78. Чуждо читать в научной литературе, что целый ряд боев был проигран по вине "бездарных немецких генералов и офицеров" - Eesti NSV ajalugu kolmes köites. I kd. Tln., 1956, lk.571. Нельзя забывать, что из среды прибалтийского офицерства вышли многие декабристы.

**DIE LAGE DER BEVÖLKERUNG DES BALTISCHEN
GOUVERNEMENTS WÄHREND DES VATERLÄNDISCHEN
KRIEGES IM JAHRE 1812**

R. Helme

Z u s a m m e n f a s s u n g

In Eroberungsplänen von Napoléon hatten die wirtschaftlichen und menschlichen Ressourcen der russischen Ostseeprovinzen einen festen Platz. Schon vor dem Kriege vom Jahre 1812 hatte die französische Agentur entscheidende Nachrichtangaben gesammelt.

In den ersten Tagen des Einfalls wurde in Litauen die Marionettenregierung gegründet, die Requirierungspläne wurden ausgearbeitet, es begann eine umfassende Mobilisation, die aber keine Resultat hatte. Doch entstandes im polnisch-litauischen Schlachta eine französisch gesinnte bewaffnete Bewegung, die sogar in Riga Unruhe hervorrief. Die Roheit der Okkupanten hatte aber eine negative Einfluß auf die Bevölkerung und der Franzosenenthusiasmus fand den Abschluß.

Die preußischen Bundesgenossen von Napoléon, die im Juli 1812 nach Kurland eingefallen waren, traten öffentlich für die Leibeigenschaft ein. Außerst strenge Okkupationsregime verhinderte das Entstehen der Partisanenbewegung in Kurland (obwohl die lettischen Geschichtsforscher dieses Dasein schon bewiesen haben). In okkupierten Kurland gab es weniger Bauernunruhen gegen die Feinde als in Livland gegen ihre Gutsherren. Vor Angst vor den Bauernunruhen wurde um Est- und Livland eine neue innere Verteidigungsstellung eingenommen.

Schon vor dem Kriege wurden in den Städten die Hospitale für 2.580 Kranken gebaut. Während des Krieges wurden noch einige mit der Hilfe der ortsansässigen Mitheln hinzugebaut. In Dorpat wurden im Jahre 1812 1.610 Männer geheilt. Medizinische Studenten haben auch in Riga gearbeitet. Für die Verwundeten wurden die Sammlungen organisiert, die Damen haben die Binden zurechtgemacht. In Riga wurde zum Initiator der Literarisch-praktische Bürgerverbindung. Die große Hilfe (über das ganze Rußland) wurde den Einwohnern gegeben, die in den niedergebrannten Vorstädten von Riga lebten. Doch verminderte sich die Zahl der Einwohner im Jahre 1812 in Riga um 467 Menschen weniger, wesentlich wegen der Typhusepidemie.

Die wirtschaftlichen Leistungen der Gouvernements wurden von baltischen Adel festgenommen. So half Kurland Rußland im Maß von 1.109.470 Bankorubel. Dazugechnet noch eine bewegliche Magazin mit 638 zweispännige Wagen und ungefähr 25.000 gestellten Fuhren. Die Okkupanten verlangten vom Kurland 2.000.000 Rbl. Kontribution, von der 1,2 Millionen gesammelt wurde. Mit den Requisitionen wurde das ganze Land ruiniert. In vielen Gütern wurde Proviant und Fourage sogar mehr als es nach Norm eingeführt war.

In Livland wurde zum Wohle des Staates 3.095.364 Bankorubel und 125.000 Tage menschlichen Arbeit aufgewendet. Riga leidet wegen des Belagerungszustandes. Das Schaden, das durch der Niederbrennung der Vorstädten entstanden war, wurden mit 16.821.543 Rubel geschätzt.

Estland hatte für die russische Armee 593.902 Rbl. aufgewendet.

Außerdem wurden den Ostseeprovinzen in den Jahren 1811-1815 etwa 10.000 Rekruten und über 2.500 in Landwehr genommen. Das alles verursachte in Liv- und Estland die absolute Verkleinerung der Männerzahl. Unter dem Rekruten aus Estland wurden viele Helden herangewachsen (Jakob Punzel, Peeter Ants, Juhan Indrik, Juhan Juhan, Adam Indrik, Martin Indrik u. a.). Der Baltische Adel

hatte der russischen Armee über 800 Offiziere, darunter einen Oberbefehlshaber (Barclay de Tolly), viele Korps-, Division- und Regimentskommandeure gegeben. 30 Baltdeutsche haben im Jahre 1812 den St. Georgenorden bekommen.

Vom Ganzen hat der Vaterländische Krieg der Bevölkerung der Ostseeprovinzen viele Gedulden gebracht, tausende Menschenleben wurden geopfert. Andererseits war es aber ein würdiger Beitrag im Kampf gegen Napoléon für die Befreiung von Europa.

ИМПОРТ НЕМЕЦКИХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РАБОЧИХ В ЛИФЛЯНДИЮ В НАЧАЛЕ 60-Х ГГ. XIX В

Т. Розенберг

В процессе укрепления капиталистических отношений в сельском хозяйстве в Прибалтийских губерниях Российской империи 60-е годы XIX века являются переломными. В экономическом плане переход от феодальных отношений к капиталистическим выражается в постепенном обособлении крестьянского хозяйства от мызного и перестройке последнего с системы барщинного на систему наемного труда. В социальном смысле этим изменениям соответствовало возникновение крестьянского слоя мелких собственников земли и процесс выделения массы безземельных пролетариев, формирование прослойки мызных рабочих. О сложностях перестройки мызного хозяйства на новый лад, о мнимых и действительных трудностях в формировании кадров наемных рабочих говорят случаи импорта сельскохозяйственных рабочих в Лифляндию и Эстляндию из Германии и Польши. Об импорте немецких батраков в лифляндские имения в 60-х гг. XIX в. нам давно известно хотя бы из работы прибалтийско-немецкого дворянского историка А.Тобина/1/. Однако до сих пор историческая литература не располагала даже приблизительными данными о количестве немецких рабочих и об их территориальном размещении здесь. Восполнить этот пробел и является задачей данной работы.

Рассмотреть указанный эпизод важно и потому, что попытка привлечь сельскохозяйственных рабочих из-за границы губернии, в лице немецких колонистов, не осталась в Прибалтике единственным случаем, а повторилась столетия спустя в измененном виде и в более широких масштабах.

В свою очередь ввоз немецких колонистов в Лифляндию не был новшеством XIX-XX столетий. Отдельные упоминания о немецких крестьянах в Лифляндии можно найти и несколько столетий раньше рассматриваемого периода. Так, например, известный путешественник Адам Олеарий описал эпизод, как он около рождества 1633 г. встретил в окрестностях Хельме нескольких немецких ремесленников и чернорабочих, которые были привезены сюда несколько лет назад, чтобы здесь заниматься земледелием. Их завлекали сюда рассказами об изобилии продуктов и дешевизне жизни. На деле же все оказалось совершенно иным. Колонисты так и не смогли адаптироваться к принятому здесь ведению сельского хозяйства и чрезмерно изнурительному для них труду. Они не только разорились, но и окончательно обнищали. Лишь немногим из них удалось вернуться на роди-

ну благодаря помощи сердобольных сородичей/2/.

Если за кулисами вышеописанной истории с немецкими колонистами, происшедшей в начале ХУП в., проглядывают колонизаторские планы польских властей/3/, то следующий известный нам эксперимент с немецкими крестьянами был результатом колонизационной политики царских властей, которые начиная с Екатерины 11 стали призывать немецких крестьян и ремесленников, чтобы с их помощью заселить окраинные земли и поднять уровень земледельческой культуры. На основе указа Екатерины 11 от 25 июля 1763 г., предоставлявшего колонистам различные льготы, возникла также более или менее постоянная и многочисленная немецкая колония в Лифляндии. Она была основана в Венденском уезде на землях казенного имения Хиршенгоф (Иршу) по контракту, заключенному 11 ноября 1766 г. в Риге между губернским правлением и 86 семьями из Померании и Пфальца. На льготных условиях колонисты получили в долгосрочную аренду 57 квадратных верст хорошей земли. Но так как большинство пришедших немцев не были земледельцами, а представляли собой пеструю компанию прельщенных щедрыми пособиями и привилегиями людей, то процветающей колонии здесь не получилось. В 1872 г. в рапорте царю о положении губернии лифляндскому губернатору пришлось констатировать, что главная цель создания немецкой колонии в Лифляндии не достигнута: возросшая до 1934 человек колония до сих пор не оказала ни малейшего положительного влияния на уровень крестьянского земледелия, наоборот - по благосостоянию и благоустройству отстала от многих латвийских и эстонских крестьянских общин/4/. И хотя к началу ХХ в. 129 крупных и 63 мелких участка благодаря их дешевой казенной цене колонистами (в 1908 г. их было уже около 5000 человек)/5/. были выкуплены, Хиршенгофская колония отстала от соседних хозяйств латвийской еще больше, чем в середине XIX в. В 1908 г. У съезду Лифляндского немецкого общества пришлось даже обсуждать вопрос, как помочь бедствующим соотечественникам экономически встать на ноги/6/.

Таким образом, первые попытки переселить в Лифляндию немецких крестьян исходили от властей и на жизнь местных крестьян сколько-нибудь серьезного влияния не оказали. Инициаторами следующей акции стали прибалтийско-немецкие помещики, и она приобрела более широкий размах из-за общей перестройки аграрных отношений в Прибалтике.

На рубеже 1850-1860-х годов в имениях Лифляндии и Эстляндии начался переход крестьянских хозяйств с барщинной аренды на денежную и мызных хозяйств с барщинного труда на вольнонаемный. Вначале это происходило не совсем последовательно, в виде смешанной аренды, сохранилась и вспомогательная барщина, вследствие чего масса барщинных батраков удерживалась в крестьянских дворах. Свою роль здесь сыграло и то обстоятельство, что хозяйские батраки и бобыли не хотели стать мызными батраками, а дворохозяева экономически еще не были заинтересованы в сокращении излишнего батрацкого населе-

ния в своих дворах, так как не привыкли еще учитывать все доходы и расходы. Возникло парадоксальное положение: если в период барщины не было возможности использовать всю рабочую силу избыточного сельского населения, то в начале 1860-х годов, напротив, местами возникла весьма ошутимая нехватка рабочих рук и, как следствие, стала повышаться заработная плата сельскохозяйственных рабочих (или попросту - батраков). Так, например, в отчете Лифляндского общепольного экономического общества (ЛОЭО) Министерству государственных имуществ (МГИ) за 1860 г. отмечалось, что за несколько лет как поденная плата, так и годовая зарплата батраков возросла почти в три раза/7/. В результате этого помещикам приходилось решать задачу, где и как найти мызных рабочих и как остановить рост жалованья батраков. Некоторые помещики, особенно сторонники новейших способов ведения земледелия, не желающие платить лишнюю копейку местным батракам и, надеясь на предположительно более высокую производительность труда и культуру немецких батраков, решили переселить сюда рабочих из Германии.

В сельском хозяйстве Германии в это время царил безработица, вследствие чего зарплата батраков была сравнительно низкой. Особенно трудно было найти работу семейным батракам. Из Германии, преимущественно из северогерманских земель, уезжала масса переселенцев. Большинство из них ехало в Америку. Однако в 1861-1865 гг. в США шла гражданская война, и эмиграция туда была затруднена. Поэтому в Германии можно было найти массу рабочих, желающих переселиться в Россию.

Именно в это время для импорта немецких рабочих сложились весьма благоприятные условия и в России. Царское правительство стало содействовать иммиграции и широко открыло двери для иностранцев, считая необходимым привлечение иностранного капитала для развития экономики России. Поэтому указом Правительствующего Сената от 7 июня 1860 г. были отменены ограничения в отношении иностранцев, особенно купцов, введенные в 1807 г. Иностранцам (за исключением евреев) разрешалось приобретать всякого рода собственность в России, даже покупать и арендовать землю вместе с крестьянами/8/. После выхода этого закона Лифляндские помещики сразу же заинтересовались условиями импорта немецких рабочих и стали подробно изучать колонизационный закон. В июне 1860 г. на дворянском конвенте была избрана специальная комиссия, которая должна была выработать свои предложения по урегулированию неудобных для помещиков законоположений и наметить изменение тех статей, которые находились в явном противоречии с правами рабочих на их родине. Затем названный вопрос обсуждался на Ландтаге 1860 г., а через полгода - 2 июня 1861 г. - Лифляндская ландратская коллегия уже обратилась к прибалтийскому генерал-губернатору А.Суворову с конкретным предложением о модификации иммиграционного закона следующим образом: 1) чтобы иммигранты были освобождены от телесных наказаний, но во всех гражданских и поли-

цейских делах подчинялись тем же органам, что и местные крестьяне, 2) чтобы надзор над колонистами входил в компетенцию прибалтийского генерал-губернатора, а не МГИ/9/. С МГИ Лифляндское дворянство имело натянутые отношения. Например, в октябре 1860 г. на просьбу ЛОЗО содействовать импорту немецких рабочих в Лифляндию МГИ ответило отрицательно, так как считало наделение колонистов особыми правами, по сравнению с местными крестьянами, нежелательным/10/. Зато у местных властей дворяне всегда находили поддержку.

20 июня 1861 г. генерал-губернатор А. Суворов переслал ходатайство лифляндского дворянства управляющему МВД П. Валуеву. В объяснительной записке А. Суворов говорил, что распространение в Лифляндии сельскохозяйственных улучшений сопряжено с возрастающей год от года потребностью в рабочей силе. Вследствие отмены барщины большая часть помещиков начала удовлетворять все требования ведения мызного хозяйства посредством использования вольнонаемных работников. Но плата наемным работникам из-за повышения интенсивности труда в крестьянских усадьбах и большого объема общественных работ, производящихся в Риге и других местах (наприм., строительство дорог - Т.Р.), а также переселения крестьян во внутренние губернии России, значительно повысилась. При таких обстоятельствах помещики начали выписывать из-за границы опытных работников на частных условиях. Хотя эта мера и привела к поселению в крае рабочих людей из разных княжеств Германии, но число их еще не соответствовало потребностям/11/.

Как выясняется из ответа П. Валуева А. Суворову, импортом иностранных рабочих заинтересовались и помещики некоторых русских губерний, ходатайствовавшие о разрешении нанять иностранцев непосредственно на тех же основаниях, которые предусматривались правилами о Крымских колониях. Поскольку тогда готовились общие "Правила о найме помещиками иностранных рабочих и о поселении их в России", управляющий МВД предложил генерал-губернатору сообщить свои соображения насчет этих правил. Затем вопрос обсуждался еще всеми дворянскими корпорациями Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерний, которые внесли свои предложения в этот проект через генерал-губернатора. Когда, наконец, правила о найме иностранных рабочих были утверждены указом Правительствующего сената от 23 января 1862 г., министр внутренних дел П. Валуев утвердил для прибалтийских губерний шесть дополнительных пунктов, в которых предложения местного рыцарства были учтены. Названные дополнения к правилам были опубликованы в патенте лифляндского губернского правления за №42 от 26 марта 1862 г. и в "Эстляндских губернских ведомостях" за №20 от 8 марта 1862 года/12/.

Этими правилами предусматривалось, что договоры с иностранными рабочими заключались на срок не более 20 лет и утверждались в приходских судах, что тяжбы между помещиками и иностранными рабочими разрешались в местных крестьянских судах и что иностранные рабочие

получали те же права (вернее, уже обязанности - Т.Р.), что и те местные крестьяне, которые жили на земле мызы (т.е. подчинялись мызной полиции - Т.Р.). В случае вступления в русское подданство, колонисты на 10 лет освобождались от государственных повинностей, но должны были записаться в местное волостное общество или в городские податные сословия. Таким образом, иностранные рабочие в своих правах и обязанностях приравнивались к местным рабочим.

Местные власти благосклонно относились к импорту заграничных рабочих. Например, в марте 1862 г. лифляндский гражданский губернатор распространил через ландратскую комиссию и ЛОЭО известие, что русские помещики - князь Д. Львов и полковник А. Липгарт - основали в Дрездене контору для вербовки колонистов, полевых и фабрично-заводских рабочих для России. Вербовкой для русских помещиков немецких батраков из Мекленбурга, Померании, Бранденбурга и Богемии занимались также маклерские конторы А. Свечина в Петербурге и А. Рейха в Екатеринославле/13/.

Вербовка рабочих для Лифляндии в это время уже шла, хотя и без всяких официальных контор. Видимо, первые рабочие из Германии прибыли в Лифляндию по своей инициативе, чтобы осмотреться, и только в качестве сезонных рабочих, что свидетельствует об острой безработице. Так, известно, что летом 1859 г. в имении Роэла Паламузеского прихода Тартуского уезда работали 6 гольштинцев, которые осенью вернулись на родину, обещая в следующем году возвратиться в Лифляндию уже вместе с женами и привезти с собой еще около 150 земляков/13^а/. О них, наверно, и шла речь в статье пастора из Восточного Гольштейна в одной из гольштинских газет "Altpaer Mercur" от 5 августа 1860 г., номер которой сохранился среди бумаг владельца имения Куремаа Э. фон Оэттингена. Пастор писал, что 150-160 рабочих из его прихода уехали этой весной из Любека в Лифляндию на сезонные работы. За ними уехало еще 12 мужчин, которые нашли работу близ Риги, но не получили той зарплаты, на которую рассчитывали (1 рубль серебром в день), и через несколько недель, благодаря сочувствию одного немецкого капитана, вернулись домой крайне недовольные и с пустыми руками. Первые 150-160 рабочих поработали в нескольких местах прилегающих к Тарту уездов, так как их удерживал там полученный от помещиков аванс. Как сетовали гольштинцы в письмах домой, почти никто из них не знал, останется ли сколько-нибудь от заработанных ими денег после вычета расходов на пропитание и обратный билет. Не соответствовали истине их представления о зарплате, которая в Лифляндии была почти такой же низкой, и ценах на продукты, столь же высоких, как и в Германии. Не удовлетворяло немецких отходников и временное жилье, из-за скверных условий которого возникло много заболеваний, а медицинская помощь в Лифляндии была значительно менее доступной, чем у них дома. В письмах уехавшие сетовали и на то, что власть лифляндских баронов очень велика, а рабочие бесправны, поэтому

есть основание опасаться, что помещики могут задержать здесь и немецких рабочих, если это будет в их интересах/14/.

Опыт использования иностранных рабочих обсуждался 13 июня 1860 г. на заседании ЛОЭО в Вольмаре. Говорилось о сезонных рабочих из Померании, которые трудились в Пярнуском уезде в имениях Таали (приход Тори) и Вольтвети (приход Саарде), а также о 31 гольштинце, работавшем на подсеке кустарника и рытье канав в имении Койги Ярваского уезда Эстляндской губернии. Кроме сезонных рабочих в то время в Лифляндии имелись также первые мызные батраки из Германии. Как сообщил на том же заседании ЛОЭО владелец имения Друвене Валкского уезда барон Вольф, в его имении все полевые работы выполнялись батраками из Мекленбурга, которых насчитывалось 18 семей или 120 человек, из них 50-60 взрослых /14^a/.

О немецких сезонных рабочих в Лифляндии имеется еще несколько известий от 1861 г./15/. Этим летом в Выруском уезде в имении Вастселийна работала группа гольштинцев из-под Киля, которая рыла каналы и убирала с полей камни. Из них 6 мужчин остались еще на зиму на лесоразработках. В соседнем имении Орава работало 10 лесорубов и 3 углежого из Гарца. В имении Хеймтали Вильяндиского уезда с 15 апреля по 28 августа 1861 г. трудилось 10 немцев, которые приехали сюда на свой страх и риск. Они разравнивали и планировали сенокосы и рыли каналы. Хотя они и заработали 703 рубля, при расчете получили лишь 269 рублей, так как помещик в неограниченном количестве ссуживал их продуктами, которые, однако, оказались столь дорогими, что одному рабочему, работавшему меньше всех, чуть ли не пришлось оставаться отрабатывать свой долг. В 1861 г. немецкие сезонники встречались еще в Тартуском уезде в имении Ранну и, может быть, еще в некоторых имениях Лифляндии. О приезде их сюда в последующие годы сведений нет.

Если сезонные рабочие из Германии приезжали в Лифляндию, как правило, по своей инициативе, то постоянные помещики привозили сами или "заказывали" через посредников. Первые упоминания о постоянных рабочих из Германии относятся к 1858 г. Об этом говорят списки иностранных подданных, составленные полицейскими властями в конце 1914 г. в связи с началом войны, живших тогда в Выруском уезде/16/. Здесь можно было найти еще несколько десятков тех рабочих или их потомков, которые на рубеже 1860-х гг. были привезены из Германии и до сих пор по какой-либо причине не стали русскими подданными. Так, например, в 1914 г. в подмызке Малли (имение Эраствере) жил 81-летний Карл Герке со своими потомками, приехавший в Лифляндию в 1858 г. В том же году из Германии приехала со своими родителями трехлетняя Луйзе Шнейдицкая (Витте). По тому же источнику можно заключить, что последние немецкие рабочие, привезенные в ходе рассматриваемой кампании в имения Выруского уезда, прибыли в 1869 или 1870 годах.

Самые информативные и наиболее целостные данные о том, в какие имения и сколько немецких батраков было привезено в 1860-х гг. и каков был экономический эффект этих акций, можно найти в хорошо уцелевшем архивном фонде ЛОЭО, материалы которого и использованы автором данной работы. Привлекались и материалы тогдашней периодической печати, содержащие более общие суждения и менее точные факты по данному вопросу. Отдельные дополнительные данные об импорте немецких рабочих могут, вероятно, содержать и приходские метрические книги и церковные хроники, но из-за заведомо большой трудоемкости и неадекватных результатов с точки зрения рассматриваемого вопроса эти материалы нами не привлекались.

Из материалов ЛОЭО (протоколы, корреспонденция и др.) самыми ценными являются ответы на специальную анкету ЛОЭО от февраля 1863 г., разосланную по тем имениям, в которых, по предварительным сведениям, в то время имелись немецкие батраки/17/. В анкете спрашивалось: 1) на каких условиях был заключен контракт с иностранными батраками (ЛОЭО просило прислать копию контракта), 2) оправдывают ли немецкие батраки те надежды, которые на них возлагали работодатели, 3) осели ли они, или составляют так наз. "текущий контингент" в имении, 4) удовлетворяет ли их поведение работодателя, 5) каково состояние их здоровья и привыкли ли они к здешнему климату, 6) хватает ли им их зарплаты для удовлетворения жизненных потребностей семьи и для погашения долгов, связанных с переселением.

Анкета была выслана 39 имениям, из которых 27 находились в Южной Эстонии, а остальные - в Северной Латвии. В ЛОЭО поступили ответы от 16 имений. На основе этих ответов секретарем ЛОЭО К. Хеэном был составлен обзор об опыте с немецкими батраками, обзор был затем опубликован, но конкретное количество рабочих и конкретные имения, где они использовались, не назывались/18/.

На основе использованных нами источников можно утверждать, что больше всего немецких батраков привозили в имения Вырусского уезда, в основном в приходы Вастселийна, Канепи и Урвасте.

Немецких батраков импортировало в основном около десятка помещиков, среди которых на первом месте стоят фон Лингарты. В приходе Вастселийна им принадлежали все 6 имений (кроме пастората): Вастселийна, Орава, Лооззи, Ласва, Миссо и Пыхо, составившие вместе с находящимся под Тарту имением Раади майорат. В 1860 г. вастселий-наские имения были сданы в аренду и с 1861 г. переведены с барщины на систему наемного труда. По словам управляющего Лоозинского имения Густава Розенпфланцера, он вместе с арендаторами соседних имений решил привезти в вастселий-наские имения рабочих из Германии, так как местные батраки отказывались поступать на службу в мызы или же требовали слишком высокое жалованье. Розенпфланцер, который до этого провел два года в Германии,

изучая передовые методы ведения сельского хозяйства, хорошо знал обстановку в Северной Германии. Он занимался вывозом племенного скота в Лифляндию и был знаком также с условиями судоходства, поэтому и взял вербовку рабочих на себя. Составив условия контракта, он выслал их своему приятелю в Германию, который предварительно договорился с желающими переселиться в Лифляндию рабочими. Весной 1861 г. Розенпфланцер поехал в Померанию, заключил контракт с 25 семьями и доставил их в Вастселийна, где батраки были распределены по имениям Вастселийна, Орава и Лоози. В 1862 г. Розенпфланцер доставил из Померании таким же образом еще 7 семей полевых рабочих и 7-8 холостых ремесленников - столяров, гончара, кузнеца, каретника и седельника. В названных имениях немецкие батраки составляли около половины всей рабочей силы. Контракт с ними был заключен на 4 года. Транспортные расходы семьи батрака (по договору она должна была выставить на работу в мызе не менее 3 человек) и ее багажа (до 5 центнеров) нес заказчик, но батрак должен был отработать эти деньги (около 15 руб. на человека) в течение договорного срока, а в случае преждевременного ухода возместить помещику за неотработанные годы соответствующую часть расходов. Немецкие батраки, которых в имениях называли поденщиками, как правило, получали за работу поденную или сдельную плату, в то время как местные батраки вознаграждались сразу за год деньгами и натурой (депутатисты) или землей (ландкнехты). Зарплата немецких и эстонских батраков существенно не различалась. Немецкие поденщики должны были работать летом в среднем по 12-14 часов за 25-30 копеек (женщины за 15-20 копеек) в день и зимой 8-10 часов за 20 копеек (женщины за 10 копеек) в день. Кроме квартиры - как правило, она состояла из передней с чуланом, одной комнаты с плитой или общей кухни, и топлива, - семья батрака получала еще корма и выгон для одной коровы и 1-2 овец и 1/6 - 1/3 лофштелей земли под огород/19/. Семьи немецких батраков были больше: в среднем в них насчитывалось не менее 5 человек. Например, в имении Вастселийна 9 семей состояли из 24 взрослых и 25 детей. Так как в имении Лоози была открыта мызная школа для детей немецких батраков, то многие из них оставались здесь надолго и впоследствии ассимилировались среди эстонцев/20/.

Таким образом, за два года в имения Вастселийна, Орава и Лоози было доставлено из Померании 32 семьи и 7-8 холостых рабочих, т.е. не менее 100 трудоспособных человека и 70-90 детей. По более косвенным данным, фон Липгарты (или их управляющие и арендаторы) заказывали немецких батраков и для других майоратных имений (Миссо, Ласва, Раади)/21/. В таком случае количество немецких батраков Липгартского майората составило около 50 семей (примерно 250 человек).

Сравнительно много немецких батраков привозили в имения Канепиского прихода. Инициаторами здесь были бароны Унгерн-Штернберги, владельцы имений Эраствере, Коорасте и Пийганди.

Весной 1861 г. И. Унгерн-Штернберг заказал из Германии для Эраствере лесничего и 4 холостых лесоруба, но впоследствии использовал последних на винокурне. Поэтому в следующем году он заказал еще 4 лесоруба, на этот раз с семьями/22/. В 1866 г. в Эраствере было 2 полевых рабочих и 6 лесорубов из немцев /23/. В конце 1861 г. К. Унгерн -Штернберг доставил в имение Коорасте через посредничество нанятого в Германии управляющего 1 батрака-надсмотрщика, 2 полевых батрака и 1 каретника с семьями. Затем он нанял еще две семьи немецких батраков, которые раньше служили в имении Ропаж Рижского уезда/24/. Для имения Кроотузе (владелец Г. фон Бок) весной 1862 было завербовано 4 семьи полевых рабочих из Оберлаузица в Пруссии/25/. Немецкие батраки имелись, по-видимому, еще в имениях Пылгасте (Н. фон Рот) и Соодла (А. Керстен)/26/.

Таким образом, в названных имениях Канепиского прихода было не менее 15 - максимально 25 - немецких семей (75-125 человек).

В приходе Урвасте немецкие батраки встречались в имениях Урвасте и Ваабина (владелец фон Самсон), Антсла (фон Розе) и Кяргула (Г. фон Сиверс)/27/. Из них точные данные имеются об имении Кяргула, где был прусский управляющий, а также 2 каменщика и 2 плотника из Германии. Сравнительно много немецких батраков было в Урвасте (в начале 1864 г. 18 семей, т.е. около 90 человек), так как владелец имения фон Самсон, пропагандируя свой опыт, писал, что основал школу для детей немецких батраков, чтобы они впоследствии здесь осели. Это мероприятие оказалось действенным, ибо несмотря на сравнительно низкую зарплату в Урвасте, несколько немецких батраков из соседнего имения перешли к фон Самсону, а один из его рабочих, которого он уволил за строптивость, не хотел уходить из-за школы/28/. Видимо, в имениях Урвастеского прихода было не более 30 семей.

Немецкие рабочие имелись еще в отдельных имениях Ряпинаского, Пылваского, Рюгеского и Карулаского приходов. В имение Ряпина весной 1861 г. владельцем П. А. фон Сиверсом было доставлено 12 семей из Померании. В имении Тильси (владелец Г. фон Рот) Пылваского прихода немецкие батраки находились в двух подмызках. На подмызок Оти, сданный в аренду, доставили 13 семей из Германии, но через год 11 из них были отпущены, так как арендатор подмызка счел работу немецких батраков неудовлетворительной и даже вредной, а их поведение - аморальным и всю затею с иностранными рабочими - провалившейся. На другой подмызок (по-видимому, Валси) весной 1862 г. из имения Лоози перешла одна немецкая семья (5 взрослых и 4 детей)/29/. По косвенным данным, немецкие батраки встречались также в имениях Карула (владелец Ф. фон Гроте) и в казенном имении Вастсе-Казарица Рюгеского прихода/30/.

Всего в рассматриваемый период немецкие батраки встречались в не менее, чем в 12 и не более, чем в 19 имениях Вырусского уезда - от 100 до 130-140 семей.

В Тартуском уезде немецкие батраки были доставлены

в имения Хелленурме (владелец - известный естествоиспытатель, председатель ЛОЭО А.Т. фон Миддендорф) Рын-гуского прихода, Пилкузе (К. фон Рот) и Палупера (барон Бруйнинг) Отепяского прихода. По косвенным данным, они имелись еще и в Вана-Куусте (А. фон Сиверс) и Сууре-Камбья (К. фон Кнорринг) Камбьяского прихода, Иль-матсалу, Луке (А. фон Кнорринг) и Раади (Г. фон Лип-гарт) Тарту-Маарьяского прихода(31).

В имение Пилкузе с октября 1860 по октябрь 1862 г. пришло 10 семей из Померании. Из них через год ушло 3 семьи и весной 1863 г. собиралось уходить еще 2 семьи, чтобы найти более благоприятные условия жизни. Их смертность в Пилкузе была высокой. За два года из 58 человек умерло: 1 мужчина от туберкулеза, 1 женщина от воспаления нервов, 3 грудных младенца от дифтерии и 2 ребенка от других детских болезней/32/. По данным анкеты, в других имениях среди немецких рабочих столь высокой смертности не наблюдалось. О количестве немецких рабочих в имениях Палупере и Хелленурме данных почти нет, но, судя по косвенным данным, там было около 20 семей. Хелленурме, согласно данным анкеты, было единственным имением, где при вознаграждении немецких рабочих, кроме поденной или депутатской системы оплаты, по желанию рабочих применялась и оплата земель. В связи с землей здесь около 1862 г. возник инцидент. По словам хелленурмского управляющего К. фон Дорра, среди немецких батраков распространялись слухи (наверное, это было связано с происходившим среди эстонского населения брожением и переселенческим движением), что царь даст каждому трудоспособному немцу в аренду 50 лофштейлей земли на 20 лет бесплатно, а после этого за низкую арендную плату, и еще 300 рублей для обезвреждения хозяйства. Из-за этих слухов почти все немецкие батраки отказались от службы и образовали союз, куда вошло около 50 семей из окрестных имений, и отправили в Петербург своих представителей, вернувшихся, однако, ни с чем. Описывающий это событие управляющий саркастически добавляет: что стали бы делать немецкие батраки на залежных землях, если они не в состоянии справиться с намного лучшей, обработанной землей/33/.

Действительно, о немецких колонистах в Лифляндии в эти годы известий очень мало. Согласно некоторым сведениям, помещики арендовали землю немецким колонистам только в имениях Лооди (владелец Х. фон Бок) Пайстуского прихода Вильяндиского уезда и Ропажы Рижского уезда. В Ропажы в 1862 г. пришло 22 семьи из Мекленбурга, надеясь стать здесь арендаторами мелких участков. Землю колонистам продавали, по всей вероятности, только в имении Садзена Рижского уезда/34/.

Всего в Тартуском уезде было, наверно, не менее 50 семей.

В Вильяндиском уезде немецкие батраки работали в имениях Хуммули (владелец фон Самсон), Паткюла (Г. фон Штрик) и Кярстна (барон Анреп) Хельмеского прихода, Полли (Г. фон Штрик) Каркского прихода, Хеймтали (Х.Ф. фон Сиверс) Пайстуского прихода, Тарвасту (Э. фон Мен-

зенкамф) Тарвастуского прихода и, видимо, еще в имениях Пярсти (Ф. фон Штрик) Вильяндиского прихода и в Пярнуском уезде - в имении Кяргу Пярну-Яагупского прихода/35/.

Точные сведения о количестве немецких батраков в них имеются лишь по немногим имениям. В Хуммули весной 1862 г. привезли 5 семей. Больше их было в Хеймтали, владельцы которого впервые в Лифляндии еще в начале XIX в. стали широко использовать наемную рабочую силу. Хотя немецкие сезонники, работавшие в Хеймтали летом 1861 г. на рытье канав, не произвели на фон Сиверса благоприятного впечатления, он все же заказал следующей весной в Померании и Мекленбурге 13 семей (1 надсмотрщика, 11 полевых рабочих и 1 скотника) и 8 холостых рабочих (2 скотницы, 6 батраков для работы с лошадьми) на 6 лет. По примеру Урвасте и Лоози фон Сиверс намеревался открыть в Хеймтали немецкую школу/36/. В середине 1860-х годов в имение Тарвасту привезли несколько немецких семей, но вскоре часть немецких депутатов умерла, а остальные вернулись на родину/37/. Количество привезенных в имения Вильяндиского уезда немецких работников составляло, вероятно, около 50 семей.

Всего в Южную Эстонию, по нашим приблизительным расчетам, было привезено не менее 200 (около 1000 чел.) и не более 240 семей (до 1200 чел.).

Более скудными данными мы располагаем по Южной Лифляндии. Немецкие батраки имелись в Рижском уезде в имениях Садзене, Кастрана и Курте, в Вольмарском уезде в имениях Муяни, Урга и Пуйкели, в Венденском уезде в имениях Праулене и в Валкском уезде в имениях Друвене, Бормани, Свартава и Мере/38/. В них насчитывалось, по видимому, тоже более 100 семей.

Ввоз немецких сельскохозяйственных рабочих в Южную Эстонию в некоторой степени временно сбалансировал тот убыток количества сельского населения, который образовался из-за переселения эстонских крестьян во внутренние губернии Российской империи. Ведь именно в 1855-1863 гг. из Южной Эстонии в приволжские губернии переселилось 170 - 200 и в Крым - около 60 семей, а около 300 человек - во Псковскую и Петербургскую губернии. Всего за этот период из Южной Эстонии переселилось, по данным А. Вассара, где-то около 1200 - 1350 человек, или около 0,3% сельского населения/39/.

По данным анкеты 1866 г., проведенной Лифляндской ландратской коллегией для выявления состояния помещичьего хозяйства/40/, те имения, которые по вышеприведенным данным использовали немецких батраков (и ответили на анкету 1866 г.), находились в деле перестройки своего хозяйства на капиталистический лад несколько впереди, чем остальные помещичьи имения данного региона (см. табл. 1). Таким образом, на вопрос, чем выделялись имения, использовавшие труд батраков, привлеченных из Германии, следует ответить: все они в числе первых начинали переходить на путь капиталистического хозяйствования - использования вольнонаемного труда.

В Эстляндской губернии, где в начале 1860-х годов

переход с барщинного труда на наемный происходил значительно медленнее и в меньшей мере, чем в Лифляндии, нехватка рабочей силы также была меньшей. Прямо из Германии полевых рабочих в Эстляндскую губернию, по всей вероятности, не привозили, хотя эстляндские помещики зорко следили за опытом лифляндских дворян. Но совсем в стороне от этого эксперимента они все-таки не оставались. Толчком здесь послужило предложение наместника Польши графа Ф.В.Р. фон Берга (родом из Лифляндии) прибалтийскому генерал-губернатору в августе 1863 г. призвать в Прибалтику тех немецких колонистов из Польши, которых польские повстанцы выгнали с занимаемых ими земельных участков.

Таблица 1

Распределение помещичьих имений Вырусского, Тартуского и Вильяндского уездов в 1866 г. по степени развития капиталистических отношений/41/

Система хозяйствования	Имена, в которых труд батраков из Германии....			
	использов.		не использов.	
	кол-во	%	кол-во	%
1. Имения барщинной системы	-	-	20	10,4
2. Имения переходной системы, где преобладал:				
а) барщинный труд	3	9,7	31	16,1
б) наемный труд	15	48,4	69	36,0
3. Имения с капиталистической системой хозяйствования	13	41,9	72	37,5
В с е г о	31	100	192	100

Колонисты бежали от повстанцев в Варшаву под защиту русской армии и вскоре стали обузой для тамошних властей. Генерал-губернатор послал это предложение предводителям дворянства. Предводитель эстляндского дворянства в свою очередь разослал это известие всем гагенрихтерам и председателю Эстляндского сельскохозяйственного общества (ЭСО)/42/. На заседании ЭСО в начале сентября 1863 г. обсуждался вопрос о польских немцах. Однако он заинтересовал лишь 5 помещиков: барона Майделя (имение Кавасту Хальялаского прихода), графа Игельштрёма (Ильви), барона Унгерна (Ания Харью-Яаниского прихода), фон Бреверна (Ягала Йвеляхтмеского прихода) и барона Юскюля (Кебласте Михклиского прихода). Они послали своим представителем в Варшаву барона Майделя. В середине октября он приехал туда и через адъютанта генерала фон Минквица - барона Брюнинга вступил в переговоры с колонистами. Колонисты, которые были размещены в холодных

армейских бараках и находились в жалком состоянии, охотно согласились переселиться в Эстляндию. Но вскоре выяснилось, что только часть из них была знакома с земледелием, а из последних те бывшие арендаторы, которые имели по 500-1000 рублей в запасе, предпочитали Эстляндии южные губернии России, где имелись лучшие возможности для приобретения земли. Нашлись, конечно, и полевые рабочие, но их вербовке мешало отсутствие документов. Поэтому фон Майделю удалось нанять и привезти в свое имение лишь 4 батрацкие семьи и двух холостых батраков. Еще 6 семей и 8 холостых батраков после улаживания формальностей обещал отправить вслед ему барон Брюнинг. Через Брюнинга должен был получить заказанные 20 семей колонистов и владелец имения Йыхви граф Игельштрём/43/.

Прибывшими в ноябре - декабре 1863 г. в Эстляндию немецкими батраками работодатели оставались довольны. На заседании ЭСО отмечалось, что у немецких колонистов из Польши требования более умеренные, чем у рабочих, приехавших прямо из Германии, так как первые вследствие солидного жизненного опыта в чужой среде и здесь приспосабливались лучше/44/.

В середине 60-х годов XIX столетия лифляндские и эстляндские помещики имели уже достаточный опыт по вербовке и использованию немецких батраков. Этот опыт пропагандировали в печати и на заседаниях сельскохозяйственных обществ. Чтобы помещики могли учитывать способности, привычки и требования немецких рабочих, публиковались также обзоры сельской жизни в Германии. Так, например, в ежегоднике сельского хозяйства Лифляндии владелец имения Ряпина П.А. Сиверс знакомил читателей с условиями жизни в Померании, куда ездил летом 1861 г. для вербовки батраков. Положение сельскохозяйственных рабочих Гольштейна и Мекленбурга подробно описывал секретарь ЛОЭО К.Хезн, предпринявший летом 1863 г. специальную поездку по этим провинциям Германии/45/. В конце своих путевых заметок К. Хезн констатировал, что до сих пор переселению немецких батраков препятствовали расходы и обоюдная неосведомленность рабочих и работодателей. Для устранения этого необходимо открыть агентство в Киле или хотя бы в Любеке, где желающие переселиться могли бы зарегистрироваться, чтобы Лифляндские помещики затем в назначенное время весной или осенью могли с ними договориться и оформить контракты. К. Хезн посоветовал открыть агентство и в Мекленбурге, хотя сам он оценивал гольштейнских рабочих выше, чем мекленбургских (что подтверждали и те помещики, которые имели возможность ознакомиться у себя дома с рабочими из различных провинций Германии). В заключение Хезн констатирует, что вследствие обилия в Мекленбурге желающих переселиться, увеличения рабочей силы в Лифляндии можно ожидать прежде всего за счет этого региона Германии. Не идеализируя мекленбургских рабочих по уровню культуры и нравственности, Хезн считает все же, что массовое переселение их может помочь быстрому подъему сельского хозяйства в Лифляндии. В то же время при

одновременном массовом переселении можно будет обойтись меньшими дорожными расходами, и переселенцы смогут начать жизнь на новой родине с меньшими долгами /46/.

Несмотря на такие радужные перспективы, обрисованные секретарем ЛОЭО, кульминация в импорте немецких батраков была уже достигнута и началось свертывание вербовки переселенцев. Причиной тому был естественный перелом в сельском хозяйстве Лифляндии в середине 1860-х годов.

Уже в июне 1863 г. на собрании прибалтийских помещиков в Риге поднимался вопрос, надо ли продолжать импортировать рабочих из Германии или же нужно покончить с этой акцией. Характерным для переходного состояния сельского хозяйства в Лифляндии было и то, что однозначного ответа на этот вопрос искать не стали. Решили, что в данный момент более важным, чем приобретение дешевой рабочей силы, является вопрос, как консолидировать консервативный элемент здешнего крестьянства, чтобы воспрепятствовать возникновению классического сельского пролетариата с сопутствующими ему конкуренцией, требованиями повышения зарплаты, заболеваниями и всякими другими проблемами. Лучшим средством против этого считалось удерживание на месте сельских рабочих с оплатой за труд землей/47/. Как мы уже констатировали, немецкие батраки-поденщики для этого явно не годились.

На судьбу импорта сельскохозяйственных рабочих повлияло и то обстоятельство, что в отношении их культурного уровня и производительности труда расчеты помещиков не оправдались. На основании своего 1-3-летнего опыта некоторые анкетированные констатировали, что немецкие переселенцы как крестьяне вообще имели узкий кругозор, упорно придерживались старых обычаев и не смогли привыкнуть к здешним условиям. Немецкие рабочие привыкли к более развитому разделению труда и к более густой сети ремесленников, чем это было в Лифляндии. Здесь они могли приобрести нужные им вещи только в городе, находящемся часто довольно далеко от места службы. Немецкие поденщики привыкли проживать все, что заработали. К кредиту они не привыкли и поэтому часто попадали здесь в долги, погашение которых представляло для них непреодолимые трудности. Поэтому они не могли обходиться, особенно в первые годы, без попечительства местного правления. Как положительное качество немецких рабочих помещики отмечали их любовь к порядку и чистоте, более аккуратное обращение с инвентарем и рабочим скотом. Более рационально, чем местные рабочие, немцы распределяли свои силы, и свыше 12 часов они работали только за добавочное вознаграждение. Зато работали они с равномерной интенсивностью в течение всего года, в отличие от местных батраков, которые привыкли к чередованию напряжения и расслабления.

Другим отличием было то, что местные рабочие являлись более "универсальными" и умели выполнять больше работ, чем немцы. Третья отличительная черта - это то, что эстонского батрака можно было нанять на мызную ра-

боту, но это было нелегко в отношении его жены, в то время как немецкие рабочие были готовы посылать на работу всех членов семьи, если они на это только годились, чтобы семья могла больше заработать.

С точки зрения производительности труда немецкие батраки за день могли значительно больше выполнить работы на вспашке, косьбе сена и уборке хлеба, унавоживании, где пользовались привычными для них привезенными с родины длинными косами или усовершенствованным инвентарем мызы (телеги с двойной упряжью (парокольные телеги), сельскохозяйственными машинами и т.д.). Но они уступали эстонцам и латышам на таких работах, как рубка и вывоз леса, возведение изгородей, уборка камней и возделывание льна.

Если вначале помещики полагали, что немецкие батраки составят более дешевую рабочую силу, чем местные, то уже в 1863 г. им приходилось констатировать, что привезенные рабочие обходятся именно даже чуть дороже, чем местные, и только при благоприятных условиях они могут работать более качественно, чем местные/48/.

Своеобразное соревнование немецких и эстонских батраков устроил владелец имением Ряпина П.А. Сиверс/49/. С апреля по октябрь 1867 г. он фиксировал все результаты работы в двух соседних подмызках. В одном из них - Каролиненгофе, где было 650 лофштейлей пашни, работало 12 немецких семей, а в подмызке Силлапя, где было 507 лофштейлей пашни, работало 11 эстонских семей. В каждой семье было в среднем по 3 взрослых рабочих и 2 ребенка. Поденная плата в обоих подмызках была одинаковая. Оказалось, что все выводы анкеты 1863 г. о некотором преимуществе немцев на полевых работах остались в силе (только на вспашке эстонцы на этот раз опередили немецких батраков), но так как затраты на семью эстонских батраков были меньше, равновесие между ними оказалось полным.

Поскольку немецкие батраки в большинстве случаев работали рядом с местными рабочими, то приспособление первых к местным условиям во многом зависело от отношения к ним вторых. Довольно типичным было положение, которое описывал в 1863 г. барон К. Унгерн-Штернберг. В имении Коорасте эстонские батраки, когда увидели появление среди них рабочих одной национальности с их господином, сначала удивились, затем стали насмехаться и косо смотреть на пришельцев и всячески старались отравить им жизнь. Барон отмечал, что эстонцы народ упрямый и, чтобы уступить этим своим конкурентам, выполняют работу дешевле их. Так, они вытеснили из здешних провинций русских извозчиков и теперь стараются сделать это и с теми немцами, которые стали их конкурентами. По мнению барона, немецких батраков можно было ставить на работу только отдельно от эстонцев под опекой прилежного управляющего-немца/50/.

Но имеются и другого рода данные, констатировавшие, что первоначальное отчуждение и напряженные отношения между рабочими разных национальностей постепенно уступали место товарищеским отношениям/51/. Таким образом,

правомерным оказалось общее положение - социальное противостояние рабочих и работодателей, в то время как национальные различия постепенно отступали на второй план. Можно утверждать, что импорт немецких рабочих мало или вообще не повредил интересам местных батраков, так как не повлек за собой снижения зарплаты. Наоборот, местные условия жизни и труда мызных рабочих из - за приезда немецких батраков даже улучшились. Так, например, в имениях фон Липгарта в Вастселийнаском приходе рабочий день стал благодаря последним даже на час короче, чем в других имениях/52/.

Так как в середине 1860-х гг. нехватки рабочей силы в имениях уже не наблюдалось и практически прекратился импорт рабочих, то началось постепенное уменьшение привезенного сюда контингента. Например, владелец Урвасте фон Самсон, который в начале 1860-х годов открыл школу для детей своих немецких батраков, в начале 1868 г. сказал на заседании ЛОЭО, что из немецких рабочих осталось только двое, а остальные места заполнены эстонцами/53/.

Из привезенных в Лифляндию немецких рабочих в Германию вернулись, по-видимому, немногие. Но зато смена места работы, переход из одного имения в другое, уход в город или в другие губернии России еще до окончания договорного срока стали обычным явлением. Наглядным примером здесь будет положение в имении Лоози Вастселийнаского прихода. Из привезенных сюда в 1861 г. 25 семей уже через год одна семья ушла в имение Тильзи, где глава семьи получил место арендатора молочного стада, две семьи нашли себе более выгодное место службы в Псковской губернии, двое юношей ушли в город Выру, чтобы выучиться ремеслу, а один стал конюхом своего господина, который жил в городе/54/.

Как свидетельствуют составленные в конце 1914 г. полицейскими властями списки иностранноподданных, куда попали и немецкие батраки с их потомками, приехавшими в Лифляндию в 1860-х годах и за полвека не сменившими подданство, они почти полностью ассимилировались. Все они имели жену или невестку эстонку, не говоря уже о детях. Так, например, в Выруском уезде появилось около десятка эстонок, которые вместе с детьми из-за замужества стали подданными Германии, но не знали немецкого языка/55/. Интересные факты о дальнейшей судьбе немецких рабочих можно, вероятно, найти в церковных метрических книгах того периода и тех приходов, куда их привезли в 1860-е годы, но изучение этой темы не входит в задачу нашего исследования.

В заключение можно сказать, что виз немецких батраков в Лифляндию в 1860-е годы имел более широкий размах, чем принято считать в литературе/56/.

Литература и примечания

1. A.Tobien. Die Agrargesetzgebung Livland im 19. Jahrhundert. 11 Bd. Riga, 1911, S. 359-363.
2. Adam Ölearius. Reisebeschreibungen nach Muskau und Persien...Hamburg, 1696, S.5.
3. Eesti. Maateaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus. V.Valgamaa. Tartu, 1932, lk. 160.
4. ЦГА ЭССР, ф. 296, оп. 108, д. 14, л.76-82.
5. Adolf Richters Baltische Verkehrs- und Adressbücher. Bd. 1. Livland. Riga, 1909, S. 109, 431.
6. ЦГА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 1065, л. 3-8.
7. Там же, д. 344, л. 5,8.
8. Там же, ф. 2054, оп. 1, д. 2277, л. 5.
9. Там же, л. 1, 4-9.
10. Там же, ф. 1185, оп. 1, д. 352, л. 4.
11. Там же, ф. 2054, оп. 1, д. 2277, л. 10.
12. Verordnung über die Annahme und Ansiedelung ausländischer Arbeiter durch Gutsbesitzer in Russland. - Mittheilungen der Kaiserlichen freien ökonomischen Gesellschaft zu St. Petersburg. Jg. 1862, S. 81-86; ЦГА ЭССР, ф. 2054, оп. 1, д. 2277, л. 15-29, 54-56, 55,65.
13. Там же, ф. 1185, оп. 1, д. 584, л. 1, A.Tobien. Op. cit. S. 560; Mittheilungen der Kaiserlichen freien ökonomischen Gesellschaft zu St. Petersburg. Jg. 1862, S. 205-213.
- 13^a. ЦГА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 255, л. 277.
14. Там же, ф. 1588, оп. 1, д. 155, л. 1.
- 14^a. Там же, ф. 1185, оп. 1, д. 255, л. 276-277.
15. Там же, ф. 1185, оп. 1, д. 566, л. 5, д. 584, л. 14, 47-49.
16. Там же, ф. 296, оп. 108, д. 99, л. 2-25.
17. Там же, ф. 1185, оп. 1, д. 584, л. 2-88.
18. "Baltische Wochenschrift", 1865, Nr. 25, S. 405-408; Livländische Jahrbücher der Landwirtschaft (LJL), Bd. 16, H.1. Dorpat, 1865, S. 24-26.
19. ЦГА ЭССР ф. 1185, оп. 1, д. 584, л. 51-51, 54.
20. H.Prants. Minu elukäik. Tartu, 1937, lk. 102-103.
21. "Postimees" 1906, nr. 65, 17.111.
22. ЦГА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 584, л. 12-15.
25. Там же, ф. 1427, оп. 1, д. 141.
24. Там же, ф. 1185, оп. 1, д. 584, л. 29.
25. Там же, л. 27-28.
26. Там же, л. 4.
27. Там же, л. 4, 25, д. 591, л. 25.
28. LJL, 17. Bd., 5./4. H. Dorpat, 1864, S.159.
29. ЦГА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, л. 584, л. 5, 57.
50. Там же, л. 4.
51. "Postimees" 1906, nr. 65, 17.111.
52. ЦГА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 584, л. 6-7.

33. Там же, л. 21.
 34. Там же, л. 62, LJJ, 17. Bd., 3./4. H. Dorpat, 1864, S. 160.
 35. ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 384, л. 4, "Baltische Wochenschrift", 1868, Nr. 13, S. 188, "Kodumaa" 1907, nr. 13, 15.111.
 36. ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 384, л. 14-15.
 37. Kodumaa 1907, nr. 17, 1.III.
 38. ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 384, л. 4, 58, 62.
 39. A. Vassar. Uut maad otsimas. Tln., 1975, lk. 181.
 40. T. Rosenberg. Lõuna-Eesti mõisate üleminekust palgataõõjõu kasutamisele 1866. aasta ringküsitluse andmeil. - Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateadused. 1976, nr. 3, lk. 264-265, tabel 2.
 41. ЦГИА ЭССР, ф. 1427, оп. 1, д. 139-146, 167-192.
 42. Там же, ф. 854, оп. 2, д. 1127, л. 135.
 43. Исторический музей ЭССР, ф. 134, оп. 1, д. 27, л. 130-131.
 44. LJJ, 17. Bd., 1/2. H. Dorpat, 1864, S. 14-15.
 45. LJJ, 15. Bd., 1. H. Dorpat, 1862; 17. Bd., 1.-4. H. Dorpat, 1864.
 46. Ibd. 17. Bd., S. 118, 286.
 47. LJJ. 16. Bd., 2. H. Dorpat, 1863, S. 160.
 48. "Baltische Wochenschrift", 1863, Nr. 25, S. 403-408.
 49. Ibd. 1868, Nr. 7, S. 93-98.
 50. ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 384, л. 29.
 51. "Baltische Wochenschrift", 1863, Nr. 25, S. 407.
 52. "Postimees", 1906, nr. 63, 17.III.
 53. "Baltische Wochenschrift" 1868, Nr. 13, S. 188-191.
 54. ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 384, л. 46.
 55. Там же, ф. 296, оп. 108, д. 99.
 56. A. Tobien. Op. cit. S. 362.

**DIE EINFUHR DEUTSCHER LANDARBEITER
 NACH LIVLAND IN DEN 60-ER JAHREN
 DES XIX JAHRHUNDERTS**

T. Rosenberg

Z u s a m m e n f a s s u n g

Am Anfang der 60-er Jahre des XIX Jh. begann in Livland der massenhafte Übergang von der Fronarbeit zur Lohnarbeit und es entstand ein scharfer Mangel an Knechten. Um diesen Mangel zu überwinden, versuchte ein Teil der Gutsbesitzer neben anderen Maßnahmen auch deutsche Landarbeiter aus Pommern, Mecklenburg, Hannover, Preussen u. a. zu werben. Deutsche Landarbeiter

litten unter Arbeitslosigkeit, die Löhne waren relativ niedrig und es gab viele Auswanderer. Auch begann die russische Regierung seit dem Jahre 1860 die Einwanderung zu begünstigen. Gerade in den ersten Hälfte der 60-er Jahre des XIX Jh. erwarben einige zehn Gutsbesitzer aus Nord-Livland für seine etwa 35 Güter, hauptsächlich in den Landkreisen Werro, Dorpat und Fellin, etwa von 200 bis 240 deutsche Landarbeiterfamilien mit 1000 bis 1200 Menschen. Die Gutsbesitzer in Süd-Livland erwarben für etwa 10-12 Güter bis etwa hundert Landarbeiterfamilien. Im Gouvernement Estland, wo der Mangel an Arbeitskraft nicht so beträchtlich war, versuchte man im Jahr 1863 deutsche Landarbeiter aus Polen einzuführen. Einige Gutsbesitzer erhielten etwa 30 deutsche Landarbeiterfamilien. Man hoffte viel von deutschen Knechten, da man glaubte, daß ihre Arbeitsproduktivität und -kultur größer seien. Mitte der 60-er Jahre wandelten sich die Pachtverhältnisse, der künstliche Mangel an Arbeitskraft verschwand, man brauchte keine deutschen Landarbeiter mehr. Mit der Zeit erwies es sich, daß die meisten Kolonisten sich in den fremden Verhältnissen und unter fremdsprachiger Bevölkerung nicht einleben konnten. Ihre Arbeit war auch keineswegs besser oder billiger als die der Esten oder Letten. Deshalb kehrten einige von deutschen Landarbeitern nach Deutschland zurück, wanderten weiter in die Städte oder ins Landinnere, die übrigen aber gingen bald in die einheimische Bevölkerung auf.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Лийтоя.	Заселение ландшафта Вооремаа в XIX-XVI вв.	3
U.Liitoja.	Die Besiedlung im Gebiet Vooremaa im XIV-XVI Jahrhundert. Zusammenfassung.	12
Ю.Лийтоя.	Миграция крестьян Вооремаа в первой половине XVII в.	14
U.Liitoja.	Die Migration im Gebiet Vooremaa in der I Hälfte des XVII Jahrhunderts. Zusammenfassung.	21
М.Лаур.	Положение крестьян и ливляндский ландтаг 1765 г.	23
M.Laur.	Die Lage der Bauern in Livland und der livländische Landtag im Jahre 1765. Zusammenfassung. ..	31
М.Лаур.	Вопрос о манленах в Лифляндии и Эстляндии в 60-х годах XVIII в.	32
M.Laur.	Das Problem der Lehen in Livland und Estland in den 60-er Jahren des XVIII Jahrhunderts. Zusammenfassung.	38
П.Пирско.	Миграция крестьянства прихода Сангасте в конце XVIII-XIX вв. (1782-1881 гг.).	40
P.Pirsko.	Die Migration der Bauernschaft des Kirchspiels Sangaste am Ende des XVIII und im XIX Jahrhundert (1782 -1881).Zusammenfassung. ...	49
Т.Таннберг.	Ополчение 1806-1807 годов в Эстляндской и Ливляндской губерниях.	51
T.Tannberg.	Der Landmiliz in Estland und Livland in den Jahren 1806 - 1807. Zusammenfassung.	66
Р.Хелме.	Положение прибалтийского населения во время Отечественной войны 1812 г.	67
R.Helme.	Die Lage der Bevölkerung des Baltischen Gouvernements Während des Vaterländischen Krieges im Jahre 1812. Zusammenfassung.	78
Т.Розенберг.	Импорт немецких сельскохозяйственных рабочих в Ливляндию в начале 60-х гг. XIX века.	81
T.Rosenberg.	Die Einfuhr deutscher Landarbeiter nach Livland in den 60-er Jahren des XIX Jahrhunderts.Zusammenfassung.	98